B64
470

БК

ТРУДЫ МОСКОВСКОГО МЕЖЕВОГО ИНСТИТУТА
ПО ФАКУЛЬТЕТУ ЗЕМЛЕУСТОЙСТВА и ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Том II, вып. I

1364/470

Проф. М. М. ШУЛЬГИН

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

в XVIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.в.

Издание Московского Межевого Института
МОСКВА — 1928

175116/80

ТРУДЫ МОСКОВСКОГО МЕЖЕВОГО ИНСТИТУТА
ПО ФАКУЛЬТЕТУ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА и ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Том II, вып. I.

325.33+333.57 (47)
9(425.12:18)
В64 470

Проф. М. М. ШУЛЬГИН

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО
И
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РОССИИ
в XVIII и ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.в.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 115116 N/10

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО МЕЖЕВОГО ИНСТИТУТА
МОСКВА — 1928

Типография Кооператива
„Наука и Просвещение“
Москва, Остоженка,
Савельевский, 13.
Главлит А19282
Тираж 1500.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
175116/4°

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . . IV—VIII

ГЛАВА 1-я.

Дворянское землевладение и крепостное право в XVIII и первой половине XIX в.в. . . . . 1— 50

Отмена обязательной службы дворянства (1). Дворянство, как землевладельческий класс. Появление дворянской земельной собственности. Указ 1714 года и его значение в истории дворянского землевладения (2). Дворянство и крепостное право (6). Закрепощение крестьян на Украине (8). Сословное обособление дворянства и монополия дворянского землевладения (9). Возрождение феодализма (10). Крепостное право и интересы промышленности. Посессионные крестьяне (12). Рост дворянского землевладения в XVIII веке. Пожалования земель (17). Захваты дворянами земель казны, однодворцев, крестьян и проч. Покупка земли (18). Концентрация дворянского землевладения и обратные процессы его дробления (21). Количество крепостных и их распределение по районам (24). Оброк и барщина и их распределение по отдельным районам (26). Зависимость системы повинностей от размеров дворянского землевладения (30). Размеры оброка и барщины. Рост крестьянских повинностей (32). Отсутствие общей регламентации крестьянских повинностей. Закон 1797 г. Инвентари и их оценка (35). Размеры земельных наделов крепостных крестьян (38). Землеустроительный момент в крепостном хозяйстве (41). Формы землепользования у крепостных крестьян. Крестьянская община (44).

ГЛАВА II-я.

Переселения и переселенческие мероприятия в крепостную эпоху . . 51—105

Миграционные процессы. Отход сельского населения (51). Направление переселенческого движения (52). Основные виды колонизации (54). Переселения и вопрос о малоземелье (56). Вольно-народные переселения и их ближайшие причины (58). Отношение правительства к крестьянским побегам (63). Устройство беглых на новых местах (65). Владельческая колонизация (69). Правительственная колонизация (72). Заселение Ингерманландии (73). «Ингерманландское межевание» (76). Колонизация Закамья, слободской Украины и Новороссии (77). Устройство и заселение украинской линии (82). Колонизационное значение украинской линии (85). Другие случаи военноземледельческой колонизации в XVIII в. (86). Переселения дворцовых и государственных крестьян (88). Колонизация и земельно-национальный вопрос (91). Иностранная колонизация в России (100). Значение колонизации для земледелия (103).

ГЛАВА III-я.

Реформы начала XVIII в. земельный быт около половины XVIII в. Генеральное межевание. . . . . 106—158

Разрушение поместной системы (106). Реформа обложения (107). Влияние реформ на состояние землеустроительного дела. Неустроенность пограничных отношений (109). Неопределенность поземельных

Стр.

прав некоторых категорий владельцев (111). Поземельный быт черносошных крестьян севера (113). Поземельные владения, находившиеся в специальных условиях и некоторые специальные виды поземельных прав (114). Недостатки и особенности судебно-земельного процесса (116). Вопрос о примерных землях (118) Некоторые специальные виды землевладения (120). Пути сообщения (121). Межевание (122). Попытка производства межевания в 30-х г.г. XVIII в. (122). Межевание 50-х и 60-х г.г. XVIII в. Инструкция 1754 г. (123). Недостатки инструкции 1754 г. (124). Организация межевания (126). Законодательные работы и важнейшие нормативные акты по генеральному межеванию (127). Задачи генерального межевания (128). Основные организационно-технические принципы генерального межевания. Сплошной и обязательный его характер (129). Территориальное начало при генеральном межевании (130). Основания установления границ, поверка поземельных прав и вопрос о примерных землях при генеральном межевании (131). Производство межевания в обязательном порядке (132). Содержание возникавших при генеральном межевании споров. Межевые учреждения (134). Спорные отводы. Исследования спора (135). Основания к решению споров 137). Техническая сторона генерального межевания (138). Юридическое значение результатов генерального межевания (140). Право и факт при генеральном межевании (141). Землеустроительные моменты в генеральном межевании (143). Количественный успех и количественные результаты генерального межевания (151). «Местные межевания». (153). Генеральное межевание в прежней литературе (154). Оценка генерального межевания с социально-экономической точки зрения (156).

ГЛАВА IV-я.

Специальное межевание . . . . . 159—176

Общие дачи. Их типы. Задачи связанные с разверстанием общих дач (159). Понятие специального межевания. Специально-коштное межевание (162). Вопрос о специальном межевании в законах генерального межевания (163). Законодательство по специальному межеванию до 1836 года. «Специальное межевание через уездных землемеров» (164). Его оценка и причины его неуспеха (166). Экономическое развитие и реформа специального межевания (167). Специальное межеване через посредников (170). Судебное межевание. «Судебно-межевое разбирательство» (173). Дальнейшая судьба и результаты специального межевания (174).

ГЛАВА V-я.

Государственные крестьяне. Секуляризация церковных земель. Поземельное устройство государственных крестьян в 1-ой половине XIX века . . . . . 177—210

Происхождение государственных крестьян (177). Отношение государства к церковному землевладению в XVIII веке (178). Количество церковных крестьян в XVIII веке (179). Положение крестьян на церковных землях (180). Управление церковными вотчинами (183). Секуляризация 1764 года (184). Экономические крестьяне и их поземельное устройство (187). Оценка секуляризации (188). Об'единения государственных крестьян. Крестьянское управление. Удельные крестьяне (190). Формы землепользования у государственных крестьян. Земельные переделы (191). Отношение крестьян к земельным переделам и расслоение деревни (194). Положение государственных крестьян в 30-х г.г. XIX стол. (195). Изменение в управлении государственными крестьянами (197). Поземельное устройство государственных крестьян (200). Поземельный кадастр (203). Оценка реформы. Заключение (206).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга нуждается в об'яснениях. Избранные автором восемнадцатый и первая половина девятнадцатого столетий в истории России не являются эпохой, обладающей внутренней законченностью происходящих исторических процессов. Появление денежного хозяйства произошло гораздо раньше начала излагаемой эпохи, и влияние торгового капитала сказалось задолго до 18 столетия. С другой стороны в 19 веке начинает обнаруживаться действие следующей более высокой стадии экономического развития — промышленного капитализма. Первая половина 19 стол., в особенности последние ее десятилетия, проходят под знаком кризиса созданных торговым капиталом общественных форм, и в том числе и в первую очередь — крепостного права и тесно связанных с ним земельных отношений.

Таким образом, избранная автором эпоха заключает в себе расцвет одной экономической формации и врастание другой, диктуемой об'ективной необходимостью исторического развития.

Тем не менее автор нашел возможным сделать предметом своего изложения именно 18-ый и первую половину 19 стол. Соображения, которыми он при этом руководствовался, кратко сводятся к следующему.

Автор отнюдь не претендует на общеисторический характер своей работы и далек от мысли дать сколько-нибудь широкие исторические обобщения. Его работа имеет несравнен-

но более узкое, можно сказать — узко-специальное значение. Задача автора заключается в том, чтобы дать очерк землеустроительно-переселенческих мероприятий, главным образом с их организационно-технической стороны. Эта задача диктуется бесспорной практической необходимостью и непосредственными интересами землеустроительного производства.

Землеустройство прошлых десятилетий, резко отличаясь от современного землеустройства по своим социально-политическим установкам, вместе с тем однако не может представляться безразличным ни для теоретика ни для практика земельного дела.

Дело в том, что прежнее землеустройство оставило после себя колоссальные количественые результаты, как в виде огромной массы материалов, картографических, статистических и проч., так и в виде определенной организации территории, хотя бы в наиболее существенных внешних ее чертах, так, наконец, в виде того организационно-технического опыта, который может иметь известную поучительность, как в положительных, так и в отрицательных своих сторонах. С этими результатами неизбежно приходится считаться и современному землеустроителю, который осуществляет свои операции в рамках территориально-технической канвы, созданной предшествующими землеустроительными мероприятиями.

Отсюда вытекает необходимость ознакомления с этими мероприятиями, в их исторической обусловленности и последовательности их проведения. При этом, поскольку последующие мероприятия не отменяли технических результатов предшествующих мер, а скорее их дополняли, постольку такое ознакомление требует значительного хронологического углубления.

На 18-ый и первую половину 19-го в.в. (до крестьянской реформы 1861 г.) падают выдающиеся по своему об'ему и

по практическому значению своих результатов землеустроительно-переселенческие мероприятия. Таковыми являются:

1) Генеральное межевание

2) Специальное межевание

3) Поземельное устройство государственных крестьян.

4) Земельный кадастр на землях указанной категории крестьян.

5) Меры по с. х. колонизации юга России и некоторых окраин.

6) Меры по устройству некоторых категорий переселенцев.

Эти мероприятия и являются главным предметом рассмотрения в настоящей книге.

Принадлежа к эпохе, весьма сложной и разнородной по проявившимся в ней основным тенденциям и формам экономического развития, они об'единяются в том, что все они осуществляются в рамках дворянского крепостного государства и при том на базе единой техники, с сохранением при этом большего или меньшего единства организационного принципа. Это последнее обстоятельство, помимо указанных выше практических соображений, до известной степени оправдывает наше изложение и с методологической стороны.

Следует отметить, что при всей бедности нашей литературы по предмету землеустройства, указанные вопросы были неоднократно предметом научно-литературной разработки. Не говоря уже о старых работах Малиновского, Неволина, Иванова, мы могли бы напомнить и более близкие к нам по времени труды—Германова, Рудина С. Д., Хауке, Кавелина С. П. и друг. Однако приходится признать, что несмотря на несомненную научную ценность, представляемую некоторыми из поименованных выше работ, они в большинстве, если не все, страдают несколько односторонней трактовкой, заключающейся в том, что исследуемые аграрные меры рассматриваются в них преимущественно, как технические операции,

покоющиеся на определенной формально-юридической основе, но без должной увязки их с породившим их земельным строем.

Восполнить этот пробел и пытается настоящая книга.

При этом в части, касающейся характеристики земельных отношений, в той мере, какая автору казалась необходимой для осуществления поставленных им специальных целей, автор ограничился лишь использованием трудов, ставших в нашей литературе уже «классическими».

Приведение в связь различных землеустроительных операций прошлого с обусловившими и определившими их содержание сторонами земельного строя, дало возможность подметить те глубокие их социально-экономические корни, которые не получили достаточного выражения в специальной литературе, и которые придают этим операциям, казалось бы узко технического свойства, высокий социально-экономический интерес.

Таковы те краткие замечания, которые автор просил бы иметь в виду читателя настоящей работы.

Москва,
Межевой Институт.
август 1928 г.

ГЛАВА I.

Дворянское землевладение и крепостное право. Крепостное землеустройство.

Отмена обязательной службы дворянства. Дворянство, как землевладельческий класс. Появление дворянской земельной собственности. Указ 1714 г. и его значение в истории дворянского землевладения. Дворянство и крепостное право. Закрепощение крестьян на Украине. Сословное обособление дворянства и монополия дворянского землевладения. Возрождение феодализма. Крепостное право и интересы промышленности. Посессионные крестьяне. Рост дворянского землевладения в XVIII в. Пожалования земель. Захваты дворянами земель казны, однодворцев, крестьян и пр. Покупка земли. Концентрация дворянского землевладения и обратные процессы его дробления. Количество крепостных и их распределение по районам. Оброк и барщина и их распределение по отдельным районам. Зависимость системы повинности от размеров дворянского землевладения. Размеры оброка и барщины. Рост крестьянских повинностей. Отсутствие общей регламентации крестьянских повинностей. Указ 1797 г. Инвентари и их оценка. Размеры земельных наделов крепостных крестьян. Землеустроительный момент в крепостном хозяйстве. Формы землепользования у крепостных крестьян. Крестьянская община.

§ 1. Отмена обязательной службы дворянства. Производственные отношения, сложившиеся в XVIII веке, обусловили исключительное значение дворянского класса, так что характеристика, даваемая описываемой эпохе, некоторыми историками, как эпохи „дворянской“ по преимуществу, имеет многие основания.

Классовое самосознание дворянства, формируясь в течение второй половины XVI и в XVII в.в. полного своего выражения достигает к XVIII столетию. Начиная с этого момента, дворянство играет историческую роль в качестве не только реальной, но и сознающей себя силы. Поскольку эта сила была достаточно внушительной, постольку она не могла не влиять на весь ход нашей внутренней политики; поскольку она была сознававшей себя силой, постольку она отчетливо ставила свои классовые задачи и ясно формулировала свои классовые притязания.

Вместе с тем весь наш общественный уклад проникается дворянским духом, вся государственная политика на значительное время густо окрашивается в цвет дворянских интересов.

Нетрудно представить себе, в какую сторону должны были направляться дворянские вожделения.

Дворянство, как класс, в XVI и XVII в.в. характеризуется двумя чертами: оно было во-первых классом служилым и во-вторых—классом землевладельческим. Служба и землевладение исторически были тесно связаны друг с другом, одна без другого были немыслимы, и в новое время и новые условия дворянство перешло с психологией класса служило-землевладельческого. Служба в старину была обязанностью, часто весьма тягостной, но вместе с тем, она же сообщала и целый ряд весьма важных прав. Теперь, получив возможность непосредственно влиять на государственную власть, которая все очевидней становилась игрушкой в руках дворян, дворянство естественно стремилось к тому, чтобы сохранить за собой государственную службу, но лишь в тех ее сторонах, которые доставляли выгоду и не чувствовались как обуза, как тягота.

Иными словами, классовый интерес побуждал дворянство стремиться к тому, чтобы государственная служба была сохранена за ним, но лишь как право и отнюдь не как обязанность.

И мы действительно видим, что дворянство в конце концов добивается осуществления этого своего притязания: указ о дворянской вольности (1762), которым дворяне освобождались от обязательной службы государству, увенчивает долголетние дворянские вожделения, а тот всеобщий восторг, который охватил дворянские круги при его опубликовании, намерение поставить в здании Сената золотую статую его автору Петру III, лучше всего свидетельствует о том, какая заветная дворянская мечта осуществлена была этим указом.

Освобождение дворян от обязательной государственной службы предоставляло дворянству широкую возможность осесть в своих вотчинах и предаться беспрепятственно, не отрываясь для выполнения служебных обязанностей, хозяйственному предпринимательству. В то же время учреждение об управлении губерниями 1775 года в значительной степени отдавало в руки дворянства местное управление, причем государственная служба дворян и в этом случае являлась их правом, но отнюдь не обязанностью. Если к сказанному прибавить, что центральное управление давно уже находилось в его руках, то мы имеем полное основание заключить, что описанные реформы второй половины XVIII в. сообщают дворянству небывалую ранее в его истории политическую мощь и значение. Сосредоточивая в своих руках колоссальные ценности в виде земли и крестьян, обладая огромным значением в качестве носителя политической власти, дворянство могло с величайшим успехом бороться со всеми своими конкурентами, которые могли выступать против него на том или ином участке хозяйственной деятельности.

§ 2. Дворянство, как землевладельческий класс. Появление дворянской земельной собственности. Указ 1714 года и его значение в истории дворянского землевладения. Будучи классом землевладельческим, имея ряд выгод от факта обладания землей, дворянство в то же время полностью ощущало те неудобства, которые были связаны с основными началами существовавшего в Московскую эпоху земельного строя.

Этот последний был проникнут публично-правовым характером, целым рядом условностей и зависимостей от государства, являвшихся следствием связи между государственной службой и землевладением. В полном сознании своих классовых интересов, дворянство проникается стремлением к тому, чтобы устранить тяготевший на землевладении публичный государственный интерес, сделать землевладение свободным от государственного вмешательства, подчинить земельную собственность исключительному действию частного интереса ее владельцев. Это стремление дворянства также увенчивается успехом. Дворянское землевладение освобождается от преобладавших в области поземельных прав публично-правовых начал и проникается началом частного права. На Руси появляется частная земельная собственность в точном юридическом смысле этого слова, и эта собственность была дворянской.

Правда, под влиянием временных потребностей государственная власть налагает иногда на нее те или иные ограничения, но во-первых эти ограничения не выходили из рамок земельно-правового режима, основанного на принципе частной собственности, и всегда поражали собственность лишь частично, и во-вторых—являясь лишь исключением, эти позднейшие ограничения еще более подчеркивали полноту и независимость дворянской земельной собственности [1]).

В Московскую эпоху все дворянское землевладение носило служилый характер, который в одинаковой мере распространялся на оба вида дворянского землевладения: вотчины и поместья. Известно, что дворянство всегда было более заинтересовано в получении земли на вотчинном праве, так как вотчина представляла собой об'ект, допускавший большую полноту использования и распоряжения со стороны дворянина. И хотя в течение XVII столетия вытеснение поместья вотчиною сделало значительные успехи, тем не менее, вплоть до конца Московской эпохи, поместное землевладение продолжало существовать в довольно обширных размерах, а равно продолжали существовать юридические различия между поместьями и вотчиной.

Ограничения, которые тяготели над землевладением, уже не находили в XVIII веке обоснований в тех производственных отношениях, которые к этому времени сложились. Напротив того, рост денежного хозяйства, начинавшееся дворянское сельско-хозяйственное предпринимательство требовали снятия этих ограничений, которые соответствовали иным хозяйственным формациям, выросли на почве натурального хозяйства и не успели еще окончательно разложиться в эпоху господства торгового капитала. В отношении оформления происшедших хозяйственных изменений, большое значение должно было иметь устранение различия между условным владением—поместьем и владением безуслов-

---

[1]) Указанные ограничения были значительно распространены в начале XVIII в. Таковы—права государства на недра, запрещение рубки некоторых пород леса и др. Во второй полов. этого столетия, когда окончательно формируется дворянская земельная собственность, большая часть ограничений, под влиянием дворянских настояний, была уничтожена.

ным, свободным—вотчиной. Различие между поместьем и вотчиной и было уничтожено в начале XVIII века знаменитым Петровским указом 1714 года „О единонаследии“.

Этот указ касался вопросов поместного и вотчинного землевладения лишь косвенно. Тем менее значение его в истории дворянского землевладения огромно.

Сущность указа заключалась в том, что им устанавливались новые порядки наследования в недвижимых имуществах, т. е. главным образом в землях, поскольку эти последние составляли главнейший вид недвижимых имуществ. Устанавливаемый указом новый порядок наследования сводился к следующему: недвижимое имение обязательно переходило целиком к одному наследнику, т. е. к одному из сыновей, а за отсутствием нисходящих мужеского пола—к одной из дочерей. В случае же отсутствия нисходящих—к одному из ближайших родственников наследодателя. Наследником по завещанию мог быть любой из сыновей, не непременно старший, так что этим указом у нас не устанавливался майорат, при котором родовое имение обязательно переходит старшему сыну или к старшему в роде. Такой переход недвижимого имущества совершался лишь в случае, если наследодатель умирал без завещания, и наступало так наз. наследование по закону.

Младшие дети наследодателя лишались прав участия в недвижимом имуществе и удовлетворялись за счет движимых ценностей, которые обязывался выдать или уплатить соответствующую денежную сумму единый наследник недвижимого имения. Эти младшие дети наследователя или наследники, не получавшие недвижимого имущества, получили характерное наименование „кадетов“.

Устанавливая новый порядок наследования, законодатель не делал различия между поместьями и вотчинами, об'единяя и те и другие под общим названием недвижимых имуществ.

Мотивы изложенного закона были сложны и многообразны.

Одним из них несомненно являлось стремление Петра создать у нас крепкую землевладельческую аристократию, чему препятствовал существовавший до издания указа порядок наследования, в силу которого недвижимые имения обычно делились поровну между детьми наследодателя. Второй мотив заключался в следующем: Петру требовалось весьма значительное количество лиц для отправления разнообразных созданных им воинских и гражданских должностей, а также для занятий ремеслами, торговлей и промышленностью, которым Петр усиленно покровительствовал. Дети богатых фамилий, в той или иной степени обеспеченные отцовским имением по наблюдениям Петровского правительства оказывались далеко не всегда исправными службистами, и правительство расчитывало, что именно кадеты, как лишенные отцовского наследия, и материально заинтересованные в производительном труде, доставят необходимые для нужд государства и промышленности контингенты лиц. Подчиненное значение имел третий мотив, в силу которого предполага-

лось, что сохранение крупных имений в одних руках обеспечит крестьянство этих имений от той безжалостной эксплоатации, в которой оно подвергалось в имениях мелкопоместных, в особенности образовавшихся путем наследственного дробления и перешедших в руки лиц, привыкших в доме своего более богатого отца к более широкому образу жизни, чем тот, который допускался размерами доли имения, полученной в наследство. Этот последний мотив в самом указе совершенно поглощается чисто фискальными соображениями: усиленная эксплоатация крестьян со стороны владельцев ведет к понижению их платежеспособности в пользу государства.

Указ о единонаследии резко противоречил всему прежнему наследственному праву и бытовому укладу дворянства, считавшего своей священной обязанностью передавать имения детям в более или менее равных частях. Это обстоятельство послужило причиной частых обходов закона и продолжительных и сложных тяжб, которые питались не только стремлением сорвать действие нового закона, но и целым рядом технических и редакционных его недостатков, допускавших различное его толкование и делавших неясным применение некоторых его положений. Иногда действие закона носило чисто формальный характер. Для вида имение отказывалось одному сыну, но этот последний клятвенно обязывался умирающему отцу поделиться имением с прочими наследниками. Если принять во внимание значение, которое имели в ту эпоху религиозные воззрения, то надо признать, что подобные клятвы могли иметь вполне реальные результаты.

Центральное правительство было завалено челобитьями дворян об отмене указа 1714 года, и под влиянием дворянских просьб, он в 1731 году был действительно отменен, пережив таким образом своего автора лишь на несколько лет.

Из изложенного как будто следует, что указ о единонаследии противоречил дворянским интересам и никоим образом не может быть оценен, как закон, соответствующий стремлениям дворянства. Между тем, мы знаем и положительную оценку закона со стороны его современников дворян, которые именовали указ 1714 года „изящнейшим благодеянием“ царской власти по отношению к дворянству.

Кажущееся противоречие разрешается очень просто: закон 1714 года уничтожил существовавшие ранее различия между поместьями и вотчинами, допустил переход поместий путем наследования и в том же порядке, какой устанавливался им и для вотчин, унифицировал дворянское землевладение, сделав его наследственным во всех его частях. Последующая отмена указа коснулась лишь нежелательных для дворян порядков наследования, но полностью сохранила слияние дворянских поместий и вотчин в единую категорию недвижимых имуществ, которые приэтом постепенно утратили свой служилый характер и превратились в об‘ект права частной дворянской собственности. Это превращение, правда, произошло не сразу, но указ 1714 года положил описанному процессу прочное начало,

и к половине XVIII века мы можем считать институт частной дворянской земельной собственности уже сложившимся.

§ 3. Дворянство и крепостное право. Будучи в историческом прошлом служилым классом, государственная служба которого обеспечивалась землевладением, дворянство оказалось также обладателем труда сидевших на земле крестьян. Труд земледельца настолько тесно связан с самой личностью трудящегося, что уже в природе этой связи заключалось благоприятное условие для того, чтобы землевладельческое право на труд крестьянина, постепенно изменилось в право на самую его личность. Однако, еще в начале XVII в. с формально-юридической стороны право дворян на сидевших на их землях крестьян, подобно самому праву на землю, носило условно-публичный характер. Государство закрепощало крестьян служилому землавладельцу подобно тому, как и сама земля давалась дворянам ради служебных интересов. Обязывая землевадельцев служить, государство обязывало крестьянство работать на них. Теперь, с падением прежней системы государственной службы, системы, которая явилась результатом господства натурально-хозяйственных отношений, терялось это основание, но дворянство продолжало быть заинтересованным не только в сохранении крепостных отношений, но и в их усилении и в придании им такого вида, при котором власть помещика над крестьянином получила бы совершенно частный характер, подобно власти хозяина над собственным рабом.

Дворянство успевает добиться осуществления и этого своего стремления.

Правда, крепостное право никогда не превратилось в юридический институт рабства, но мы должны признать, что во многих отношениях даже юридически только крайне тонкая и неуловимая грань отделяет положение крепостного от положения раба. Тем более рабским было фактическое положение крестьян.

XVIII век принес с собой несомненные ухудшения в положении зависимых от землевладельцев крестьян. В XVI и XVII ст. еще существовало различие между рабом-холопом и крестьянином. К концу XVII века это различие все уменьшалось и уменьшалось по мере того, как холопы, подобно крестьянам, осаживались их владельцами на землю и становились по роду своих занятий людьми, ничем не отличающимися от крестьян. Тождество положений в с.-х. производстве той и другой категории зависимого населения послужило причиной того, что прежние различия между холопами и крестьянами исчезли и в законодательстве. Податная реформа Петра (введение подушной подати) окончательно слила обе группы сельского населения во едино. Приэтом, если холопы и выиграли что-нибудь, то крестьяне во всяком случае проиграли, так как создавшееся указанным путем состояние явилось чем то средним между древне-русским холопством и крестьянством. Юридически, как мы сказали, крестьяне никогда не превращались в рабов-холопов. Во все продолжение истории русского крестьянства, в том числе и в XVIII столетии, существовали некоторые непосредственные отношения между

крестьянином и государством, отношения, которые дают право считать крепостное крестьянство одним из государственных сословий. Однако, эти отношения заключались ни в чем ином, как в обязанностях крестьянина по отношению к государству. Крепостной крестьянин платил государству подати, отбывал разного рода повинности, поставлял рекрут и проч., но никакими сословно-государственными правами не пользовался. Крепостное крестьянство в полном смысле слова было сословием, на котором тяготел ряд государственных обязанностей, но которое не обладало ни малейшими государственными правами.

Благодаря усилиям дворянства, в течение всего XVIII стол. крепостное право безпрерывно растет качественно, со стороны об'ема помещичьей власти над личностью крестьянина, и усиливается количественно, охватывая все новые и новые группы крестьянства и распространяясь на такие вошедшие в состав русского государства территории, которые непосредственно перед этим не знали крепостничества (Украина).

Еще в XVII столетии помещики присвоили себе ответственность за исправное отбывание крестьянами государственных повинностей. Податная дисциплина в XVIII веке не только не уменьшилась, но напротив того сильно возросла, причем законодательством первых десятилетий XVIII века было установлено, что крестьянин, отлучавшийся из поместья или вотчины, должен был иметь при себе особый паспорт — так наз. „поручную запись“ или „кормежную память“. Тем самым право крестьян распоряжаться своим трудом и имуществом было поставлено в прямую зависимость от помещика. В XVIII стол. семейная жизнь крестьянина также становится предметом распоряжения со стороны землевладельца. Разрешение последнего требовалось для заключения брака между крестьянами, причем землевладельцы часто женили своих крестьян по собственному произволу и усмотрению, руководствуясь чисто хозяйственными или иными расчетами и полностью игнорируя личные склонности брачущихся. Нуждаясь в солдатах, Петр разрешил вступать крестьянам и холопам в армию без разрешения их владельцев. В 1727 году это право в отношении дворовых было отменено. Еще в XVII столетии помещики присвоили себе уголовную юрисдикцию в отношении крестьян. XVIII стол. приносит дальнейшее усиление последней. Так указом 1760 года, помещикам было предоставлено право ссылать крестьян на поселение. В 1765 году появился указ, который предоставлял помещикам право ссылать крестьян на каторжные работы. Близко около того же времени крестьянам было воспрещено жаловаться на своих помещиков, чем самым крестьяне обрекались на полную безгласность и становились об'ектом ничем уже не сдерживаемого произвола со стороны своих владельцев, так как возложенный на местные власти надзор за поведением помещиков по отношению к их крестьянам не давал никаких практических результатов: местное чиновничество, избранное из среды самого же дворянства или находившееся у него на откупу, само собой разумеется, всегда держало руку помещиков.

Весь XVIII век наполнен законодательными актами, направленными на усиление крепостного права. Эта общая мрачная картина господства крепостничества не меняет своих основных тонов оттого, что в 1775 году был издан указ, запрещавший закрепощать вновь крестьян, получивших свободу, и совершенно неправы те авторы, которые усматривают в этом указе „первую ласточку грядущего освобождения“ [1]).

§ 4. Закрепощение крестьян на Украине. Появление крепостного права на Украине (собственно левобережной и слободской) явилось результатом тех социально экономических процессов, которые происходили после восстания Богдана Хмельницкого в половине XVII в. и присоединения Украины к Московскому государству. В результате восстания большая часть земель была экспроприирована у прежних собственников-панов и стала как бы собственностью всего Украинского народа. Однако, эта своеобразная „национализация“ земли просуществовала недолго. Прежде всего, среди украинского населения не существовало социального равенства. Казачество и крестьяне-посполитые представляли собой далеко не одинаковые социальные категории. Вместе с тем из среды самого казачества скоро начала выделяться по своему экономическому положению казачья старшина — лица, занимавшие в казацком войске различные административно-военные должности. При распределении экспроприированных земель никакой планомерности не наблюдалось. Источником земельных прав являлся часто захват—заимка. Приэтом, естественно, кто был посильнее, имел большее влияние и значение — тот мог захватывать и большие земельные пространства. Старшине же и по ее служебному положению были присвоены обширные земельные наделы. Таким образом, с самого начала возникло весьма ощутительное земельное неравенство. Приэтом, крестьянство и часть казачества (маломощные его слои) оказались скоро утратившими свои земли, которые перешли в большей части к казачьей старшине. Обедневшие казаки и крестьяне вынуждены были батрачить на землях богатых казаков и старшин, представляя собой социальную категорию, во многом напоминавшую великорусское крестьянство в XVI и первой половине XVII столетий. Между тем казачья старшина приобретает права российского дворянства, и на Украине слагаются порядки совершенно аналогичные тем, которые наблюдались и в Великороссии: крестьянство оказывается сидящим на чужой дворянской земле. От великороссийского крестьянства первой половины XVIII стол. украинский крестьянин отличался формально существовавшим для него правом перехода от одного владельца к другому. Правда, этим правом в большинстве случаев он не мог воспользоваться легально и подобно своему великороссийскому собрату XVI и XVII в.в., он мог переменить владельца лишь путем бегства. Несмотря на сказанное, украинское панство в лице казачьей старшины, начиная с первых годов XVIII стол., борется против той тени крестьянской свободы, которая была предоставлена указанным

---

[1]) Готье—„Очерки истории землевладения в России“ стр. 110.

выше формальным правом крестьянского перехода. Еще в эпоху украинской автономии, когда малороссийским гетманам предоставлялось право издавать самостоятельные распоряжения, ряд гетманов издает запретительные указы, направленные на ограничения права перехода, а то и на полное его воспрещение. Так в 1739 году крестьянские переходы были запрещены под угрозой смертной казни. Правда, последнее распоряжение было отменено. Однако, на смену ему явилось другое, которое воспрещало уходившему крестьянину брать с собой какое либо имущество, что фактически продолжало запретительную тенденцию.

Таким образом законодательству Екатерины II, направленному на установление крепостного права на Украине, путь был расчищен всей предшествующей украинской историей. В 1783 году Екатериною был издан указ об устройстве податного дела в Малороссийских губерниях, которым между прочим предписывалось каждому крестьянину оставаться на том месте и за тем владельцем, где он записан по последней ревизии. Так получило окончательное оформление крепостное право на Украине, и с указанного момента судьбы великороссийского и украинского крестьянства становятся совершенно тождественными.

Закрепощение украинского крестьянства произошло в порядке общей меры, охватившей значительную территорию. Вместе с тем количественный рост крепостных крестьян в XVIII в. происходит путем отдельных распоряжений, состоящих в пожаловании земель и людей лицам дворянского сословия. Об этих пожалованиях с более подробно будет сказано в дальнейшем.

В конце XVIII столетия крепостное право как с качественной, так и с количественной стороны достигает в своем развитии и оформлении кульминационной точки. Затем под влиянием изменившихся экономических условий и новых потребностей жизни, оно начинает уже понемногу ослабевать, но окончательная его ликвидация в описываемое время была еще далека.

§ 5. Сословное обособление дворянства и монополия дворянского землевладения. Сознаваемая дворянским классом отдельность и специфичность своих интересов, противопоставление этих последних интересам всех других сословий, влекло за собой стремление дворянства обособиться от остального населения, замкнуться в тесные сословные рамки, отгородиться от остального общества формально-юридическими перегородками. Дворянство, как класс, представляло собой известный социальный факт. Дворянству, как классу, принадлежали известные экономические выгоды, те или иные преимущества. Эти выгоды и эти преимущества также носили до поры до времени, главным образом, фактический характер. Но сознававшее свою отдельность дворянство стремилось к тому, чтобы фактически привиллегированное положение его в государстве было закреплено за ним и по закону. Так возникает сословное обособление дворянства. Последнее приобретает сословные права и обязанности, сословную организацию. Процесс сословного офор-

мления дворянства заключается знаменитой жалованной грамотой российскому дворянству, изданной при Екатерине в 1785 году.

В XVIII столетии и весь наш общественный строй проникается сословным началом. Прочие группы населения также организуются по сословному признаку, но само собой разумеется, что по характеру своих сословных прав и обязанностей, дворянство стоит неизмеримо выше всех прочих государственных сословий.

Так как социальное положение дворянства и его экономическая мощь базировались на его землевладении, то естественно, что вместе с приобретением сословного значения, дворянство начинает обнаруживать стремление к тому, чтобы землевладение и непосредственно с ним связанное душевладение стало исключительным дворянским правом.

Дворянство начало притязать на монополию в этой области, и следует признать, что указанная задача удалась ему почти исчерпывающим образом. Целым рядом законодательных актов XVIII стол. круг лиц, имевших право владеть землями, как ненаселенными, так равно и населенными, был крайне сужен. Пределы этого круга, все более и более сжимаясь, приближались на весьма тесное расстояние к границам дворянского сословия. Если государственная власть, несмотря на весьма настойчивые домогательства дворянства, тем не менее допускала право самостоятельного поземельного владения за другими сословными группами, то в этом сказалось значение особых факторов и прежде всего развития промышленности, требовавшей для своего обеспечения рабочих рук, которые при господстве крепостных отношений не всегда могли быть найдены на вольном рабочем рынке. Таково происхождение посессионных крестьян.

§ 6. Возрождение феодализма. Необычайный рост политической мощи русского дворянства, наблюдавшийся в XVIII стол., привел в области земельных отношений к господству таких порядков, которые придали дворянской вотчине характер феодальной сеньерии. По замечанию проф. М. Н. Покровского, „елизаветинская деревня дает столь ярко феодальную картину, что аналогичной мы не найдем, пожалуй, и в предшествующем столетии... Елизаветинский дворянин был таким „государем в своем имении“, каким был разве московский боярин до Грозного“ [1]).

Если с формально-юридической точки зрения крепостной крестьянин и не превращался в раба, в точном юридическом значении этого слова, то чрезвычайно характерным является и официальное и бытовое наименование отношений крепостного к господину „подданством“, т. е. термином, заимствованным из области государственных правоотношений. Впрочем дворяне не прочь были присвоить себе и право над жизнью и смертью своих „подданных“. В проекте уложения, составленном в половине XVIII века, предполагалось наказывать помещика за убийство

---

[1]) Проф. Покровский — Русск. Ист. с древн. врем. — т. III, стр. 92, цит. по изд. 1920 года.

крепостного лишь в том случае, если оно совершено лично, не случайно и притом—с заранее обдуманным намерением. Убийство было бы ненаказуемым, если бы оно было совершено и не случайно и с намерением, но физическим исполнителем являлся бы не сам барин, а действовавший по его приказу слуга. Глухим средневековьем веет от этого проекта, являвшегося восстановлением законодательства XIV в. — „А господин огрешится, ударит холопа на смерть, в вину ему того не ставить“ [1]) Если проект и не стал законом и помещики не смогли легализовать право смертной казни над крепостными крестьянами, то фактически ими это право осуществлялось на практике весьма часто. Кому неизвестны оставшиеся безнаказанными случаи истязаний помещиками своих крепостных, доводивших их до смерти.

Впрочем и легальная юрисдикция помещиков, включавшая в себя, как мы знаем, право ссылать крепостных на поселение и в каторжные работы, достаточно широка для того, чтобы можно было видеть в крепостной вотчине подобие государства, у границ которого почти потухала власть органов государства. Развитое вотчинное управление в лице своей крепостной администрации имело почти все отрасли управления, которые характеризуют государственную организацию.

Здесь мы имеем финансовые органы, полицейские, судебные, имеем вотчинную тюрьму с целым арсеналом орудий пытки и соответствующим штатом мастеров „заплечного дела“, имеем „вотчинную контору“, как высший орган управления, непосредственно сносившийся с „сеньером“—владельцем и т. д.

Чем вотчина была крупнее, тем феодальный характер ее был выражен ярче. Да и чем, в самом деле, отличался от владетельного герцогства, какой нибудь русский магнат, вроде графа Шереметева, которому принадлежали сотни тысяч гектаров земли, десятки тысяч крестьян, промышленные села-города, подданные которого часто бывали сами крупными фабрикантами и душевладельцами.

Отношение такого барина к своим крепостным зачастую выливалось в формы, повторявшие во многих деталях отношения, существовавшие между князем и его вассалами в XV и XVI в. Крепостной сеньер „жалует“ своего крепостного „вассала“, предоставляет ему право на владение имуществом, право суда и расправы над зависимым от него населением и т. д.

С указанной точки зрения очень характерен один указ XVIII века, данный Шереметевым своему крепостному человеку: „Покупным тобою на мое имя недвижимым имением тебе и установленным по тебе наследникам владеть дозволяю, чего ради для владения и дан сей указ“. Другой жалованной грамотой, данной Шереметевым тому же крепостному, этому последнему предоставляется иметь суд и расправу над крестьянами, населявшими приобретенную им вотчину.

---

[1]) Проф. Покровский—у. с., стр. 94.

Вместе с тем помещик для своих крепостных крестьян являлся и властью законодательной. Литература помещичьих инструкций, которыми изобиловал XVIII век, полна правил, регулирующих самые разнообразные имущественные отношения крестьянства. Семейное, наследственное и земельное право крепостного крестьянства, поскольку можно вообще говорить о „правах“ применительно к бесправному сословию, слагалось в значительной степени под влиянием помещичьей указки, в процессе своеобразной „законодательной“ деятельности помещика.

§ 7. Крепостное право и интересы промышленности. Посессионные крестьяне. В XVIII столетии происходит дальнейшее развитие и углубление торговых отношений. При этом, рядом с торговлей возникает промышленность. Фабрики и заводы основывались как государством, так и частными лицами. В начале XVIII века правительство предпринимало ряд мер поощрительного характера, с целью побудить как русских, так и иностранцев к устройству фабрик и заводов. Эти меры заключались в финансовых льготах, в выдаче денежеых ссуд, приписке к фабрикам крестьян и земель, предоставлении различных монополий, установлении особой подсудности и т. п.

Поощряя промышленность, государство в то же время зачастую являлось и единственным покупщиком и потребителем фабричной продукции. Первоначально и сама промышленность возникла в прямой зависимости от потребностей государства — главным образом — военных. Первыми нашими фабрично-заводскими предприятиями были предприятия по изготовлению грубых солдатских сукон, грубого полотна для морских парусов, оружейно- и литейно пушечные заводы и т. п.

По мере роста экономических отношений и все усиливающегося перехода от натурального хозяйства к денежному возникает и усиливается спрос на фабричные товары со стороны населения. Вместе с тем открываются и растут количественно фабрично-заводские предприятия, расчитанные на удовлетворение этих частных потребностей. Возникает текстильная промышленноеть — с ее разновидностями — ткацкой, бумаго-прядильной, ситце-набивной и т. д., железноделательная промышленность и проч. Растущая промышленность не только не нуждается в прямой опеке и покровительстве со стороны государства, но испытывает часто стеснения от излишней правительственной регламентации, которая обычно сопровождает это покровительство. Более того—предприятия, предоставленные самим себе, работающие на вольный рынок, оказываются жизнеспособнее, чем предприятия, пользующиеся специальным вниманием правительства и работающие по его заказам. Опасность, представлявшаяся для молодой русской промышленности в виде заграничной конкуренции, ослаблялась высокими пошлинами, которыми облагалось большинство ввозимых из за границы товаров (система протекционизма).

Особенно заметно развилась промышленность во 2-ой половине XVIII века. Так в 1762 году (год вступления на престол Екатерины II),

считалось 984 фабрик и заводов, не считая горных, а в 1796 (год смерти Екатерины), тех и других уже насчитывалось 3.161 [1]).

Появление и развитие промышленности повлекло за собой самые разнообразные последствия. Остановимся вскользь на главнейших из них.

Промышленность нуждалась в рабочих руках. Эта потребность в условиях господства вольнонаемного труда, удовлетворяется без затруднений. Но Россия XVIII века была крепостной страной. Преобладающая часть ее рабочего населения была прикреплена либо к землевладельцам (крепостные крестьяне), либо к государству (государственные крестьяне). Рынок свободного труда почти вовсе отсутствовал. Большинство фабрикантов, в особенности в первое время, принадлежало к купечеству, которое, как общее правило, не имело права владеть крепостными. Вследствие сказанного фабрикантам приходилось прибегать к найму бродячего и нищенствующего люда, солдатских детей, беглых казенных и крепостных крестьян и т. д. Правительство вынуждено было итти навстречу потребностям фабрично-заводского производства и согласиться на оставление беглецов на фабриках, хотя это и противоречило политике прикрепления крестьянства.

Вместе с тем правительство, стремясь обеспечить промышленность рабочими руками, вынуждено было разрешить приписку земель и крестьян к фабрикам и заводам, хотя бы владельцами последних были лица и не дворянского происхождения. Так явилась особая разновидность крестьянста—так называемые посессионные крестьяне. В связи с этим возникли чрезвычайно своеобразные социальные отношения и не менее своеобразные формы землепользования, следы которых до сих пор еще не изжиты полностью и дают себя чувствовать, напр., в Положении горно-заводского населения на Урале и землеустройстве этого последнего.

Предоставление купцам права покупать земли и крестьян к фабрикам и заводам придало нашей фабрично-заводской промышленности в высшей степени своеобразный характер. По указанию проф. Туган-Барановского „отношения труда к капиталу в нашем крупном производстве вылилось в совершенно другие формы, чем на Западе. Вместо капиталистической промышленности, развивающейся в это время на западе, у нас возникло крупное производство, основанное на принудительном труде“ [2]).

Этот принудительный, крепостной, по существу, характер фабричного труда еще более усилился прикреплением к фабрикам и заводам остальных свободных или полусвободных рабочих. По ходатайству крупнейших фабрикантов в 1736 году был издан указ, согласно которому все находившиеся на фабриках в момент его издания обученные мастеровые должны были навсегда оставаться за владельцами фабрик со своим се-

---

[1]) Туган-Барановский—„Русская фабрика в ее прошлом и настоящем“ изд. 1922 г., стр. 41.

[2]) „Русская фабрика“, стр. 26.

мейством. При этом за мастеров из крестьян, владельцы которых были известны, фабриканты обязаны были заплатить их прежним помещикам соответствующую выкупную сумму. Мастеровые, владельцы коих были неизвестны, оставались за фабрикантами бесплатно. Указ распространялся только на мастеров, т. е. профессионально обученных рабочих. Что же касается беглых чернорабочих, то они подлежали возвращению их законным владельцам. Господство принудительного труда на русской фабрике XVIII в. оказывалось возможным лишь благодаря низкой производительности труда вообще. Этим же обстоятельством следует объяснить и относительно широкое развитие крепостных фабрик в их чистом виде, т. е. фабрик, основанных помещиками и работавших трудом крепостных крестьян. Количество дворянских фабрик к концу XVIII столетия возрастает абсолютно и относительно. В некоторых отраслях фабричной промышленности (производство сукон) дворянство к началу XIX столетия почти полностью вытеснило купечество. По данным Туган-Барановского, из 98 фабрикантов, поставлявших в казну сукно в 1809 году, мы встречаем только 12 купцов, 74 фабрики принадлежали титулованному и нетитулованному дворянству и остальные иностранцам и разночинцам[1]). Вместе с тем, в течение XVIII в. дворянство неоднократно настаивало на воспрещении купцам приобретать крестьян к фабрикам и заводам. Эти домогательства увенчались наконец успехом и в начале XIX века, после ряда правительственных колебаний, такое воспрещение было издано.

Применявшийся на фабриках и заводах принудительный труд, возможность которого обусловливалась общей низкой производительностью труда, таил в себе опасность для успехов самого производства. Техника этого последнего вынуждена была оставаться на одном и том же и притом чрезвычайно низком уровне. Весь XVIII век наполнен жалобами на плохое качество продукции, в особенности в той области, где господствовала дворянская фабрика и где, следовательно, крепостной принудительный труд применялся особенно широко—в области суконного производства.

Крепостная организация фабрично-заводских предприятий не могла стимулировать повышение производительности труда и если удавалось вырабатывать известное количество продукции, то это достигалось путем неимоверной эксплоатации рабочих и крайнего удлинения рабочего дня. О продолжительности последнего можно судить по тому обстоятельству, что 14-часовой рабочий день, который пыталось установить законодательство, считался благодеянием для рабочих. В действительности эта попытка успеха не имела и рабочий день был длиннее.

По мере того, как начало обнаруживаться противоречие между принудительным трудом на фабриках и заводах и интересами производства, стали раздаваться голоса в пользу большей свободы фабрично-заводского труда и применения к нему принципа вольного найма.

---

[1]) „Русская фабрика", стр. 31.

Несмотря на господство крепостного права, многие фабрики уже в 60-х г.г. XVIII столетия работают вольно-наемными людьми. Переход на вольнонаемный труд становится программой некоторых правительственных кругов и некоторых групп дворянства. Сами ограничения для купцов приобретать приписскою земли и крестьян мотивируется тем, что многие фабрики и заводы обслуживаются не столько покупными, сколько вольными людьми.

Дворянство, стремясь использовать свои политические привиллегии, в экономической борьбе с купечеством, настаивая на том, чтобы впредь купечество было лишено права приобретать крестьян приписской к фабрикам и заводам, в то же время желает сохранить за собой право использовать в собственных фабрично-заводских предприятиях как крепостной, так и вольный труд.

По словам Туган-Барановского „дворянские депутаты в известной комиссии по составленю нового Уложения в 1767 году, „проявили необыкновенный либерализм по отношению к вопросам фабричного труда. Почти все они настаивали на том, что фабричные работы могут с успехом производиться вольнонаемными людьми. По словам Щербатова [1]), лучшие фабрики в России те, при которых нет приписных деревень“, т. е. те, которые вынуждены прибегать к вольнонаемному труду. Как же конкретно можно было разрешить проблему обеспечения фабрик и заводов вольнонаемным трудом в условиях крепостного государства? Конечно, наиболее радикальным решением было бы уничтожение крепостного права. Однако такая радикальная постановка вопроса была невозможной. Фабрично-заводская промышленность, промышленный капитализм в XVIII и в начале XIX в.в., был слишком слаб для того, чтобы пробить твердыню крепостничества. Эту свою роль сокрушителя крепостного права он должен был сыграть впоследствии—в конце 1-ой половины XIX века. Мысль об уничтожении крепостных отношений в описываемое время вызвала бы сильнейшую оппозицию со стороны дворянства, об'ективно заинтересованного не только в их сохранении, но и в прямом усилении. Поэтому решение вопроса должно было последовать исключительно в рамках дворянских интересов, т. е. в рамках крепостного права.

Это решение было найдено в том, что купцам было сначала затруднено, а потом и вовсе воспрещено приобретать крестьян к своим предприятиям, благодаря чему дворянство оказалось совершенно монопольным поставщиком рабочей силы на фабрики и заводы.

В XVIII стол. душевладение обратилось почти в исключительное монопольное право дворян и дворянские имения стали единственным источником (не считая разумеется государственных крестьян), откуда промышленность могла черпать рабочие руки.

---

[1]) Известный деятель эпохи, плодовитый писатель и один из наиболее ярких идеологов дворянских интересов.

Отсюда становится понятным тот рост крепостного права в смысле его усиления, который наблюдается на протяжении всего XVIII столетия. Для того, чтобы дворянство могло выступить на рынке труда, в котором нуждалась промышленность, необходимо, чтобы оно сосредоточило в своих руках полное и бесконтрольное распоряжение этим трудом, необходимо было, чтобы этот труд стал собственностью дворян, их имуществом в точном юридическом значении этого понятия. Конечно, специфические свойства этого „имущества“ не допускали таких форм распоряжения им, которые применяются в отношении вещей. Крепостной крестьянин, несмотря на свое бесправное положение, никогда не становился просто вещью, подобно древне-римскому рабу. В этом и заключается юридическое отличие крепостничества от рабства, отличие, которое, впрочем, не спасало крепостного крестьянина от самых тяжких форм эксплоатации его со стороны помещика.

Практически обеспечение промышленности рабочими руками выливалось обычно в следующие формы: крестьянин получал от помещика разрешение уйти на сторонние заработки, обязуясь уплачивать денежный оброк. Чем выше был заработок крестьянина, тем выше был и сам оброк. Таким образом, помещик оказывался заинтересованным в воспрещении купечеству приобретать крестьян не только как конкурент предприниматель, но и в еще большей степени,—как собственник рабочей силы. Это очень хорошо понимало дворянство уже во второй половине XVIII века. Так некоторые дворянские депутаты в упоминавшейся комиссии Уложения 1767 г. прямо указывали, что фабриканты должны производить работу вольнонаемными людьми, отчего будет и дворянству выгода, так как их крепостные получат выгодный заработок. В той же комиссии шуйское дворянство (дворянство одного из промышленных уездов) ходатайствовало ни более ни менее, как о воспрещении дворянству иметь фабрики. Для чего, в самом деле, нести риск предпринимательства, когда можно было получить не меньшие, но более верные и спокойные выгоды путем высасывания средств у крестьян, заработавших эти средства тяжелым фабричным трудом.

Так своеобразно разрешалась проблема обеспечения промышленности вольнонаемным трудом в условиях подневольного существования самих носителей этого труда.

Конечно, это был суррогат вольнонаемного труда по отношению к тем требованиям, которые мог пред'явить промышленный капитализм в его развитом виде, но на той стадии его развития, какая наблюдалась в XVIII столетии, ему приходилось удовлетворяться описанными порядками, которые представляли собой ничто иное, как временное приспособление крепостного строя к потребностям крупного промышленного производства. Помещик в общей экономике промышленности являлся не только поставщиком рабочей силы; он был также и потребителем фабричной продукции. Правда, изощренные вкусы крупного барства XVIII века не всегда могли удовлетворяться грубыми и несовершенными изделиями отечественного изготовления; но массе

средних и небогатых помещиков заморские товары были мало доступны и они, волей-неволей должны были приобретать предметы местного производства, да и крупный барин часто имел в них нужду. С одной стороны, поставляя рабочую силу для промышленности, а с другой — покупая изделия этой промышленности, помещик занимал весьма своеобразное положение в образовавшемся таким путем круговороте средств. С одной стороны он получал эти средства в виде оброка, с другой—отдавал их в виде платы за товары. В свою очередь, купец использовал часть их в виде заработной платы, которую он выплачивал рабочему-крестьянину, вносившему их помещику же в качестве оброка, и т. д.

§ 8. Рост дворянского землевладения в XVIII веке. Пожалования земель. Укрепляясь качественно в смысле юридического оформления, дворянское землевладение продолжает в XVIII столетии расти и количественно. Все новые и новые земельные площади делаются об'ектом монопольной дворянской земельной собственности.

Служба дворянства в XVIII столетии делается, как мы знаем, независимой от землевладения. Вместе с тем, казалось бы, должны были исчезнуть совершенно поводы для земельных пожалований, широко практиковавшиеся в московскую эпоху и составлявшие часть военно-земельной организации Московского государства.

Однако пожалования далеко не прекратились в XVIII стол. Напротив, в это время они получили весьма широкое развитие. Только пожалования эти теперь приобретают совершенно иное значение. Земли и крестьяне жалуются в огромном количестве крупным вельможам, приближенным государя и в особенности государынь, случайным их любимцам, зачастую ловким авантюристам, успевавшим получать десятки тысяч гектаров земли и тысячи душ крестьян. Пожалования сыплются также щедрой рукой на участников многочисленных в XVIII веке дворцовых переворотов, при помощи которых столь часто замещался тогда императорский престол. Таким образом, пожалования в XVIII веке связаны с одной стороны с широким развитием так наз. „фаворитизма“, а с другой стороны—с дворцовыми революциями. Они полностью отражают собой нездоровую политическую атмосферу излагаемой эпохи.

О размерах отдельных пожалований можно судить по следующим фактам: уже в самом начале XVIII стол. один из ближайших сподвижников Петра, типичный „случайный“ человек барон Шафиров, сумел в короткое время сосредоточить в своих руках до 15.000 душ крестьян. Другой любимец Петра — Ягужинский получал со своих имений более 40,000 рублей годового дохода, что в переводе на наши деньги представляет весьма крупную сумму. Рекорд в первой половине XVIII века побил знаменитый кн. Меньшиков. После его падения у него было конфисковано 90.000 душ крестьян и целые города—Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп и Батурин. Правда, кн. Меньшиков далеко не все свое богатство собрал посредством царских пожалований. Многое должно быть отнесено за счет его захватов, взяточничества и иных способов обогащения, предосудительных даже с тогдашней точки зрения.

Случайная удача казаков Разумовских, из которых одному посчастливилось сделаться мужем императрицы Елизаветы, послужила причиной возникновения одного из крупнейших состояний, простиравшихся до 120.000 ревизских душ или до 240 тысяч душ обоего пола (если считать количество женщин равным примерно количеству мужчин). Никому неизвестный серб Зорич, пользовавшийся в течение некоторого времени благосклонностью императрицы Екатерины II, вместе с графским титулом, получил 2 тыс. душ крестьян, а затем ему было пожаловано еще 18 тысяч душ. Кн. Потемкин в конце своей жизни владел 200 тысяч душ. При заключении одного аристократического брака состояние мужа, исчислявшееся в 60 тысяч душ, было увеличено приданым жены, которое заключало в себе 80 тысяч душ[1]).

В настоящее время трудно точно учесть общее количество пожалованных земель и крестьян и лишь с некоторой вероятностью, можно полагать что в течение XVIII века было пожаловано более 2 миллионов душ с соответствующим количеством земель, исчислявшихся во всяком случае десятками миллионов гектаров.

Наибольшее абсолютно число пожалований падает на время царствования Екатерины II. В кратковременное царствование Павла пожалований было абсолютно меньше, но темп их значительно сильнее, чем в предшествующее царствование. При Александре I пожалование населенных имений были прекращены, что приходится об'яснять главным образом исчерпанием самого фонда пожалований. Что касается пожалований ненаселенных имений, то таковые продолжались во все последующие царствования, уменьшаясь постепенно в об'еме.

§ 9. Захваты дворянами земель казны, однодворцев, крестьян и пр. Покупка земли. Вторым источником количественного роста дворянского землевладения в изучаемую эпоху был захват дворянами земель, как пустующих, так и населенных крестьянами. Об'ектом захватов служили по преимуществу государственные земли. Если в московскую эпоху государство вынуждено было вести более или менее правильное земельное хозяйство под влиянием потребностей поместной системы и производить учет государственных земель, то в XVIII веке, с падением поместной системы и прекращением писцовых описаний и межеваний, государственное земельное хозяйство пришло в хаотическое состояние.

Этим хаосом пользовались все те, кто желал увеличения своих земельных владений.

Земли захватывались крестьянами, купцами, чиновниками, но больше всего, конечно, дворянами. О размерах этих захватов можно судить по тому, напр., что вся обширная Тамбовская степь была захвачена дворянами как Тамбовского края, так и соседних губерний. Значительная доля дворянских имений позднейшего времени обязана своим происхожде-

---

[1]) Карнович. Замеч. богатства частных лиц; Семевский. Раздача населенных имений при Екатерине II; его же. Пожалование нас. им. при Павле; Васильчиков. Семейство Разумовских. Литература приведена у Огановского — Оч. по ист. поз. отн., стр. 270—271. Там же приведены изложенные в тексте факты.

нием факту захвата. Автор известных „Записок“ Болотов пишет, что земли „находились в великом небрежении и многие из них захвачены соседственными дворянами во владение“ [1]).

Крупнейшая аграрная мера расматриваемой эпохи—так наз. генеральное межевание, которое имело не только юридическое и землеустроительное значение, но и преследовало, как увидим ниже, цели земельного учета и земельной регистрации, несколько упорядочило положение вопроса о государственных земельных имуществах и если не вовсе прекратило, то сократило количество земельных захватов. Что же касается прежде захваченных земель, то таковые при генеральном межевании были оставлены в пользу захватчиков за весьма невысокую плату.

Предметом захвата служили не только земли, но и крестьяне. Примеры обращения государственных крестьян в крепостное состояние со стороны помещиков мы приведем в другом месте.

Захвату подвергались не только пустующие государственные земли, но и земли, находящиеся в чьем либо пользовании. Особенно страдали от таких захватов однодворческие селения. Пользуясь фактическим правом распоряжения однодворцами принадлежащей им землей, какой нибудь сосед-помещик приобретал клочок земли внутри однодворческого надела, а затем, пользуясь своим влиянием на местную администрацию и суд, начинал расширять свое владение за счет однодворческих земель в полном сознании своей безнаказанности.

Жалобами на захваты земель со стороны сильных людей, преимущественно дворян, полны крестьянские наказы, поданные в Екатерининскую комиссию 1767 года. Дворянские захваты земель были особенно широко распространены на Урале и Приуралье, где дворяне владели огромными промышленными предприятиями, в районах с так называемым инородческим, т. е. не русским населением, и в коренных центральных областях государства, где было особенно сильно представлено дворянское землевладение и где дворянская усадьба — „дворянское гнездо“ господствовало не только над крепостным крестьянством, но и над полусвободным сельским населением, об‘единявшимся в сословие государственных крестьян.

Так крестьяне Кунгурского уезда жаловались на горнозаводчиков за то, что они завладели крестьянскими землями, вследствие чего крестьяне испытывают земельную нужду [2]). Представитель знаменитой в истории уральской горной промышленности фамилии дворян-горнозаводчиков—Демидов был одним из самых крупных захватчиков, сильнейшим образом стеснявших землепользование туземных промышленников крестьян [3]).

Одоевские однодворцы писали в своем наказе, что по писцовым книгам XVII века им принадлежало более $1^1/_2$ тыс. десятин (ок. 1650 га) пашни и

---

[1]) Огановский — у. с., стр. 273. Болотов, I.

[2]) Сб. в пам. В. О. Ключевского. Бочкарев. Земельные нужды русской деревни и т. д., стр. 527.

[3]) Там же, стр. 528.

значительное количество сенокоса, между тем в момент составления наказа и пашня и луг оказались в насильственном завладении соседних помещиков. Однодворцы Калужской провинции указывали, что покупщики их земель захватили насильно много однодворческой земли сверх купленной [1]).

Подобных примеров можно было бы привести любое число.

Один из исследователей крестьянских наказов замечает, что нет ни одного наказа, который бы обходил молчанием острый и больной вопрос земельных захватов („жалобы на дворян-самоуправцев проходят красной нитью через все крестьянские печалования центрального района“) [2]).

Те роковые последствия, которые приносила для землевладения государственных крестьян свобода распоряжения землями, явились причиной ходатайства со стороны последних о законодательной отмене этой свободы. В наказах встречается требование—„впредь оных наших земель в продаже и закладе от нашей братии посторонним владельцам, запретить“. В одном из однодворческих наказов приведенное требование мотивируется следующим образом: „Когда однодворцам помещику свои земли не продавать, то оному в однодворческую округу (т. е. в одну дачу с однодворцами) вступить и через то таковой же обиды учинить уже не может“ [3]). Замечательно, что закон, воспрещавший отчуждение однодворческих земель, был издан еще в 1727 году, неоднократно подтверждался, но на практике не получил применения. Дворянство, заинтересованное в „свободе“ однодворческого землевладения, приняло свои меры к тому, чтобы аннулировать действие этого охранительного постановления. В эпоху генерального межевания за помещиками были закреплены не только все купленные ими у однодворцев земли, но также и самовольно захваченные и заселенные дворянами [4]).

Также неустойчива была, под влиянием захватнических интересов, политика правительства и в отношении землевладения черносошных крестьян Севера [5]). Здесь впрочем в роли захватчиков чаще всего выступало чиновничество, духовенство и городские обыватели.

В вопросах, касавшихся свободы распоряжения землями со стороны не подпавшего под непосредственное действие крепостного права сельского населения, дворянство проявляло большой „либерализм“, имевший тот же источник, что и либерализм его в вопросе о применении вольно-наемного труда на фабрично-заводских предприятиях, принадлежавших лицам не дворянского происхождения. Так свияжское дворянство ходатайствовало о том, чтобы было позволено „имеющиеся у старослужилых мурз и татар старинные и жалованные за службы их, как и российским помещикам, земли, кому они похотят продавать и в наем,

---

1) Там же, стр. 530.
2) Там же, стр. 529.
3) Там же, стр. 532.
4) Семевский—Крестьяне царств. Екатерины II, т. 2-й, стр. 733—735.
5) Там же, стр. 623—624.

насколько кто лет отдавать захочет, продавать не запрещать, от чего тем мурзам и татарам отягощения и убытков быть не может, а единственно в свою пользу получать будут с покупщиков деньги“ [1]).

Мы видели, какую „пользу“ принесла однодворцам, находившимся в положении, сходном со служилыми татарами, фактически практиковавшаяся ими свобода распоряжения землей. Дворяне отлично знали, в какую сторону направится мобилизация земли и в чьи руки достанутся земли, принадлежащие социально более слабым группам землевладельцев.

Предметом захвата делались иногда и земли мелко-поместных дворян, имевшие несчастье понадобиться для округления владений крупных вельмож, не делавших в этом случае различия между дворянином и однодворцем. Кому не известен увековеченный Пушкиным образ старика Дубровского, ставшего жертвой алчности и своекорыстья крупного и могущественного барина. В том, что художественная фантазия поэта не погрешила против действительности, видно, хотя бы из следующего отрывка, заимствованного из упоминавшегося произведения Болотова и рисующего черты поземельного быта в начале второй половины XVIII в.: сосед Болотова, некий Рахманов „очень силен и имеет там в Тамбовской степи, (кстати сказать казенной), две великие деревни и нас повсюду наглостью и многолюдством своим обижает, отнимает у всех насильно земли и луга, а наши по малолюдству своему противиться ему не могут“ [2]).

Наконец, третьим источником роста дворянского землевладения являлась покупка дворянами казенных земель.

Государство, располагая огромными пустырями, в особенности на окраинах государства и будучи лишено фактической возможности вести их правильную эксплоатацию, охотно продавало их дворянам по весьма дешевым ценам. Этим самым достигалось втягивание пустующих земель в сельско-хозяйственный оборот, а с другой стороны поощрялся дальнейший рост дворянского землевладения. Покупка земель дворянами часто сливалась с захватами земель или продолжалась ими. Мы уже указывали, что при генеральном межевании захваченные земли были проданы дворянам. С другой стороны при неопределенности поземельных границ на окраинах и крайне ниской цене на землю, об‘ект покупки не всегда устанавливался точно, и дворяне имели полную возможность расширять свои владения далеко за те пределы, которые предполагались продажею.

§ 10. Концентрация дворянского землевладения и обратные процессы его дробления. Вследствие указанных обстоятельств к концу XVIII столетия площадь дворянского землевладения сильно расширилась и дворянское землевладение появилось в крупных размерах там, где его раньше либо вовсе не было, либо оно наблюдалось в зачаточном

---

[1]) Сб. Рус. Ист. Об-ва, т. 68, стр. 41.

[2]) Болотов, I, стр. 682.—Огановский у. с.

состоянии. Такими местностями были, главным образом, восточные окраины, позднейшая Уфимская и Оренбургская губернии, среднее и отчасти нижнее Поволжье, прикавказские степи и Новороссия. С другой стороны к концу XVIII века мы набюдаем концентрацию дворянского землевладения, выражающуюся в его укрупнении и росте средней величины дворянского имения, в чем убеждают нас следующие цифры:

В 1694 году % крестьян у владельцев, имевших до 500 душ мужского пола равнялся 74,1; в 1835—этот % упал до 52,5. Зато сильно повысился % крестьян у владельцев, имевших свыше 500 душ м. п., с 25,9 до 47,5, причем, % крестьян у владельцев, имевших свыше 1.000 душ м. п. поднялся с 18,6 до 33. Можно приблизительно наметить кульминационный пункт указанной концентрации дворянского землевладения. В 1777 году % владельцев, имеющих до 100 душ равнялся 83,8, а свыше 100 душ—16,2. В 1835 году—первая категория владельцев составляла 84,1, а вторая категория—15,9%. Таким образом между 1777 годом и 1835 г. произошло уменьшение количества более крупных владельцев за счет увеличения более мелких. Значит, кульминация описываемого процесса приходится где то между этими годами. Ее следует относить на самый конец XVIII века и вместе с тем признать, что начиная с XIX века обнаруживается уже обратный процесс раздробления дворянского землевладения [1]).

Что касается распределения этого вида землевладения, по районам, то к концу крепостной эпохи к 1858 году мы имеем следующую картину:

% крестьян у владельцев (в 1858 году) [2]).

Район.	До 100 дес.	100—500	св. 500
Северо-восточный . . .	8,5	11,4	80,1
Среднее Поволжье . . .	13,4	33,1	53,5
Земледельческ. центр . .	21,0	35,1	43,9
Восточная Малороссия. .	25,9	30,6	43,5
Моск. промышл.	22,0	37,3	40,7
Северо-Западный	28,6	43,3	28,1
Новороссийский	35,3	41,2	23,5
Северный	35,1	41,9	23,0
Зап.-Малороссийский . .	5,4	27,8	64,8
Литовско-Белорусский . .	17,2	34,2	48,6

По всей Европейской России % крестьян у владельцев, имевших до 100 душ равнялся 18,6. От 100 до 500—33,9, свыше 500—47,5.

Районами с преобладанием крупного дворянского землевладения являлись следующие: во-первых—северо-восточный. Здесь были расположены огромные латифундии владельцев горных заводов, имения таких фамилий, как Строгановы, Демидовы и проч. Во-вторых—Западно-Мало-

---

[1]) Огановский—у. с., стр. 274—275.

[2]) Там же, стр. 276.

русский и Литовско-Белорусский, где преобладание крупного землевладения восходило еще ко времени Польско-Литовского государства. В-третьих—среднее Поволжье, в котором крупное землевладение обязано своим происхождением главным образом пожалованиям, широко наблюдавшимся в XVIII столетии. Нужно вообще сказать, что крупное землевладение росло по направлению от центра к южным и восточным окраинам, т. е. как раз в тех направлениях, по которым развивались и пожалования земель.

Вышеприведенная таблица показывает, что в Новороссии % помещиков с большим количеством крестьян относительно не велик. Из этого, однако, отнюдь нельзя делать заключения, об отсутствии в Новороссии крупных дворянских имений. Дело в том, что на этой окраине в XVIII в. и первой половине XIX века крепостных крестьян вообще не было или было недостаточно. Помещики здесь захватили огромное количество земель, но обрабатывать их они вынуждены были в значительной степени вольнонаемным трудом.

Из общей совокупности приведенных выше данных усматривается, что достигшая наибольшего своего развития к концу XVIII века концентрация дворянского землевладения уже в начале XIX стол. сменяется обратным процессом дробления, распада крупных имений. Эти последние не обнаружили, таким образом, достаточной устойчивости. Ведь и сама концентрация являлась результатом причин политического характера, была создана искусственным внешним путем, путем пожалований, в которых выразились отдельные политические моменты тогдашней общественной и государственной жизни. Она отнюдь не была результатом органических хозяйственно-экономических причин, и крупные латифундии, создавшиеся часто по капризу правящих лиц, так же быстро и неожиданно распадались, как возникали. Богатство фамилий, выдвинувшихся случайно, было в высшей степени неустойчиво. Такие имения, как Меньшикова, Разумовского, Потемкина и др. уже во втором, самое большее — в третьем поколении, а иногда и при жизни их первоначальных владельцев, прекращали свое существование, дробились, переходили в другие руки и т. и.

Процесс раздробления крупных дворянских имений продолжался и в первой половине XIX века (становясь особенно заметным после 30-х г.г.). Так по отдельным районам, мы имеем следующий % крестьян у владельцев свыше 100 душ мужского пола соответственно для моментов 1835 и 1858 г.г. [1]).

Северо-Восточный	74,2	и	74,1
Поволжье	36,0	„	34,0
Земледельческ. центр	30,2	„	26,9
Восточно-Малороссийск.	30,3	„	27,1
Московск. промышл.	25,1	„	21,0

[1]) Там же, стр. 279 и след.

Северо-Западный.	13,2	„	9,9
Новороссия.	11,0	„	10,7
Северный	6,2	„	9,3
Западно-Малороссийский.	51,5	„	43,0
Литовско-Белорусский.	34,9	„	30,3
Всего по Европейской России. .	33,0	„	29,0

Таким образом, по всем районам, за исключением северного, который мало показателен, вследствие ничтожности дворянского землевладения, мы имеем уменьшение % крестьян у крупных владельцев. Замечательно, что то же явление наблюдается в отношении к мелким владельцам, имевшим до 21 души. Напротив, средние группы от 21 до 100 душ, и от 101 до 1000 душ заметно возрастают. Сокращение крупного землевладения наблюдается как раз по направлению от окраин к центру, т. е. в направлении, обратном росту дворянского землевладения.

Отмечая указанные процессы, мы в то же время должны указать, что само по себе дробление дворянского землевладения не означало еще падения дворянского хозяйства. Напротив того, эпоха начавшегося уменьшения крупных имений совпала, с эпохой сильного расцвета дворянского сельско-хозяйственного предпринимательства. Вместе с тем, необходимо указать также, что несмотря на некоторое измельчание дворянских имений, оставалось еще довольно большое количество крупных латифундий, которые сохранились вплоть до революции 1917 года.

§ 11. Количество крепостных и их распределение по районам. Выше мы привели распределение крестьян между владельцами в зависимости от размеров владения. Что касается общего количества крепостных, то таковое может быть учтено по данным так наз. „ревизий“ или переписей податного населения. По этим данным рост крепостных в Великороссии в XVIII веке представляется в следующем виде:

В эпоху 2-й ревизии 1743 г.—3.443 т. д. или 53,7% сельского населения.

По 3-ей ревизии (1760)—3.787 т. д. или 52,9%.

По 4-ой ревизии (1781—83)—5.092 т. д. или 53,3%.

По 5-ой ревизии (1794—6г.)—5.700 т. д. или 53,1%.

(Следует иметь в виду, что в таблице приведены „ревизские“ души, т. е. души мужского пола).

К моменту реформы общее число крепостных, считая и дворовых, составляло 21.626 т. обоего пола.

Отношение численности помещичьих крестьян ко всему населению для эпохи с 1747 по 1837 год составляло 45%. К 1858 году (десятая ревизия — канун крестьянской реформы) это отношение упало до 37,5%. Такое падение приходится об'яснять не только прекращением пожалований и переходом крестьян крепостных в другие состояния[1]), но и причинам чисто биологического порядка: уменьшенной

[1]) Игнатович. — Пом. крест. накап. освоб.. Корнилов. — Курс Р. И. XIX в.

рождаемостью среди крепостных, что, в свою очередь, можно поставить в связь с тем экономическим и правовым угнетением, которое испытывала крепостная масса. В правильности такого взгляда убеждает то обстоятельство, что и в XVIII веке, несмотря на происходившие тогда пожалования населенных имений, процент крепостных был почти стабилизировавшимся и даже обнаруживал тенденцию к некоторому снижению. Значит, уменьшенную рождаемость среди крепостных можно предположить уже в XVIII столетии.

Во всяком случае, количество крепостных крестьян было огромно, составляя, примерно, половину всего сельского крестьянского населения.

Но это крепостная масса была распределена далеко не равномерно по территории страны. Географическое размещение крепостных полностью отразило на себе исторические судьбы отдельных частей государственной территории и связь крепостного права с поместной системой и дворянским землевладением и аналогичными институтами в тех ее частях, которые были отторгнуты от других государств и присоединены к России.

Так, если мы расположим великороссийские губернии по убывающему процентному отношению крепостных ко всему сельскому населению, то для времени 4-й ревизии (80-е г.г. XVIII века), получим следующую картину:

Калужская губерния	— 83%	Симбирская губерния	— 52%
Смоленская „	— 80 „	Пензенская „	— 51 „
Тульская „	— 80 „	Тамбовская „	— 45 „
Разанская „	— 75 „	Воронежская „	— 37 „
Костромская „	— 72 „	Вологодская „	— 34 „
Псковская „	— 72 „	Пермская „	— 33 „
Нижегородская „	— 69 „	Уфимская „	— 21 „
Орловская „	— 68 „	Казанская „	— 18 „
Владимирская „	— 67 „	Олонецкая „	— 6 „
Московская „	— 66 „	Вятская „	— 2 „
Тверская „	— 64 „	Архангельская „	— 0 „
Саратовская „	— 56 „	Сибирь „	— 0 „
Новгородская „	— 55 „		

Наибольший процент крепостных (свыше 50 процентов) падает на губернии Московского центра („Замосковный“ край), б. Новгородскую область, отчасти Поволжье. Напротив того, восточные окраины обнаруживают значительно меньшее развитие крепостных отношений. На крайнем Севере и в Сибири наблюдается полное отсутствие крепостных. Местности с незначительным развитием крепостного права были районами, где поместное землевладение либо отсутствовало вовсе, (Север, Сибирь), либо было сравнительно недавнего происхождения (Воронежская, Тамбовская губернии).

Ту же картину мы наблюдаем и в XIX столетии.

Так, если по данным 10-й ревизии мы распределим все губернии на 4 группы, соответственно процентному отношению в них крепостного населения, то получим следующее:

К губерниям, в которых крепостных было свыше 50%, будут относиться губернии промышленного и отчасти земледельческого центра и губернии белорусские и право-бережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская).

Широкое развитие крепостных отношений в этих последних районах об'ясняется тем, что здесь издавна еще со времени польско-литовского владычества существовало привиллегированное землевладение с закрепощением сельского населения. К губерниям с крепостным населением от 50 до 25% относились губернии, входящие в состав прежней южной окраины Московского государства, часть Поволжья, некоторые западные губернии Малороссии (левобережная Украина), северная часть Новороссии.

Наконец губерниями с крепостным населением ниже 25% были губернии Петербургская (дворянское землевладение возникло в ней только в начале XVIII века), Север, крайний юго-восток и юго-запад (Астраханская губерния и Бессарабия) юг Новороссии и некоторые поволжские губернии (Самарская и Казанская) [1].

Известный ученый публицист 50 — 70-х г.г. прошлого столетия К. Д. Кавелин, критикуя в своей знаменитой „Записке об освобождении крестьян в России“ [2]) крепостное право, так оценивал существовавшее размещение населения: „В помещечьем крепостном праве заключается если не единственная, то бесспорно одна из главнейших причин неправильного распределения сельского населения в империи и искусственного направления ее промышленной деятельности. Крепостной не всегда поселен там, где ему удобнее и лучше, и не всегда ведет тот образ жизни, который по местным условиям края был бы и для всего государства производительнее и для него самого выгоднее. Многие местности империи содержат сравнительно слишком частое население; другие, напротив, страждут отсутствием рабочих... А отчего это? Оттого, что помещечье право приковывает крепостных к той или другой местности случайно и не дает огромным массам сельского населения расселиться правильным образом“.

Следовательно, размещение сельского населения, являвшееся результатом исторического роста крепостного права, само в себе заключало внутренние противоречия, мешавшие правильному развитию производительных сил,—одно из многочисленных противоречий крепостного строя, живо схваченное представителем либерального дворянства, каким незадолго до крепостной реформы являлся Кавелин.

§ 12. Оброк и барщина и их распределение по отдельным районам. Власть помещика над трудом крестьянина выражалась в повинностях,

---

[1]) Игнатович—у. с., стр. 38, 39.

[2]) Соч. т. II, стр. 27.

которые крестьяне отбывали в пользу помещиков. Эти повинности носили двоякий характер: оброка и барщины. Хозяйственная дифференциация районов, которая намечалась в XVIII веке, определила собой и географическое распределение обоих видов крестьянских повинностей. Там, где качества почв и экономические условия не сулили землевладельцу богатых доходов от сельского хозяйства и где напротив промышленность получила большое значение, помещик предпочитал получать ренту с лица, а не с земли. В таких местностях развивалась оброчная система. Таковы и были северные нечерноземные губернии. В более южных черноземных губерниях, где занятия с. х. могли приносить значительные доходы, помещик эксплоатировал своих крестьян посредством барщины.

Известный историк русского крестьянства В. И. Семевский на основании данных генерального межевания дает следующее распределение крестьянских повинностей для второй половины XVIII века:

ГУБЕРНИИ	Оброчные крестьяне	Барщинн. крест.
I Нечерноземные		
Костромская	85%	15%
Вологодская	83 „	17 „
Нижегородская	82 „	18 „
Ярославская	78 „	12 „
Олонецкая	66 „	34 „
Калужская	58 „	42 „
Петербургская	51 „	49 „
Владимирская	50 „	50 „
Новгородская	49 „	51 „
Тверская	46 „	54 „
Московская	36 „	64 „
Смоленская	30 „	70 „
Псковская	21 „	79 „

Губернии с широким развитием отхожих промыслов, как Костромская, Нижегородская, Ярославская и другие, дают и наиболее высокий процент оброчных крестьян. Несмотря на некоторые уклонения по отдельным губерниям, о чем подробнее будет сказано ниже, в среднем выводе по 13 нечерноземным губерниям оброчная система преобладала над барщиной. Оброчных крестьян в них было 55%, барщинных — 45%. Иная картина наблюдается в губерниях черноземных:

ГУБЕРНИИ	Оброчных крестьян	Барщинных крестьян
II. Черноземные		
Воронежская	64%	36%
Пензенская	52 „	48 „
Орловская	34 „	66 „
Тамбовская	22 „	78 „
Рязанская	19 „	81 „
Тульская	8 „	92 „
Курская	8 „	92 „

По черноземной полосе мы также наблюдаем некоторые уклонения от формулированной выше закономерности (по Воронежской и Пензенской губ., где процент оброчных выше процента барщинных крестьян). Однако и здесь в среднем выводе закономерность сохраняется в полной мере: по 7 черноземным губерниям на 26% оброчных крестьян приходится—74% барщинных.

Итак мы еще раз можем констатировать тот факт, что там, где условия для сельского хозяйства были более благоприятны (а такими местностями являлись по преимуществу губернии черноземные) и где, следовательно, помещику было выгодно вести собственное хозяйство, развивалась барщинная система. Там же, где при наличии промышленности, которая, как известно, сосредоточивалась преимущественно в нечерноземных губерниях, крепостной крестьянин мог заработать на фабрике и заводе, посредством извоза, торговли и проч., помещик эксплоатировал крестьянский труд путем оброка.

Интерес помещика к ведению собственного крупного хозяйства или, напротив, отсутствие такого интереса об'ясняют и некоторые уклонения, которые можно усмотреть из приведенных выше данных. Так значительное распространение барщинной системы повинностей в Псковской, Смоленской и Московской губерниях находит свое об'яснение в том, что здесь несмотря на неудовлетворительные качества почвы, существовали такие условия, которые благоприятствовали дворянскому сельско-хозяйственному предпринимательству. К числу таких условий следует отнести наличие таких рынков, как Москва и Петербург, для Псковской и Смоленской губерний — сверх сего близость к портам Балтийского моря и возможность экспорта хлеба и некоторые другие.

В первой половине XIX века мы наблюдаем господство тех же тенденций с тем лишь изменением, что для большинства нечерноземных губерний количество оброчных крестьян значительно увеличивается по сравнению с XVIII столетием. Это обстоятельство свидетельствует о продолжающемся вытеснении земледелия промыслами в названных губерниях. Сопоставление количества оброчных крестьян в XVIII и XIX столетиях дает следующие результаты[1]):

ГУБЕРНИИ	% оброчных в XVIII веке	% оброчных в XIX веке
I. Нечерноземные		
Псковская	21	23,2
Тверская	46	41,1
Новгородская	49	45,7
Московская	36	67,9
Владимирская	50	69,9
Вологодская	83	84
Ярославская	78	87,4
Костромская	85	87,6

[1]) Игнатович—у. с., Семевский, I, стр., 591—592.

ГУБЕРНИИ	% оброчных в XVIII веке	% оброчных в XIX веке
Калужская	58	55,3
Смоленская	30	26,1
Олонецкая	66	72,3
Нижегородская	82	68,4
Итого по 12 нечерноземным губерниям	55	58,9
II. Черноземные		
Тульская	8	25,4
Воронежская	64	44,8
Тамбовская	22	22,3
Пензенская	52	24,8
Курская	8	25,8
Орловская (по 7 уездам)	39,6	28,2
Рязанская	19	48
Итого по 7 черноземным губерниям	26,1	28,8

Правда, по некоторым нечерноземным губерниям мы имеем увеличение числа оброчных крестьян (Тульская, Рязанская и Курская), но это обстоятельство нисколько не умаляет господствующей тенденции, а свидетельствует о другом: малоземелье в названных губерниях уже в конце первой половины XIX века было настолько велико, что вызвало отход части крестьянства на сторонние заработки, что в свою очередь, обусловило рост количества оброчных крестьян [1]).

Зато барщинная система сделала дальнейшие успехи в губерниях Воронежской и Пензенской, где в XVIII веке преобладал оброк. Вместе с тем барщинная система получила широкое развитие в земледельческих губерниях — приволжских, украинских и новороссийских, о чем свидетельствуют следующие цифры, касающиеся процента барщинных крестьян [2]):

Полтавская губ	98,8
Черниговская	97,4
Екатеринославская	99,8
Казанская	86
Самарская	79

Количество оброчных крестьян сильно поднялось в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской, т. е. в губерниях с особо развитой промышленностью и отхожими промыслами. В частности, в Ярославской губернии оброк почти вытеснил барщину.

---

1) Ср. сб. „Великая реформа“, стр. 126, III, стр. 126, Семевский, стр. 28.

2) Сб. „Великая реформа“, III, стр. 124.

§ 13. Зависимость системы повинностей от размеров дворянского землевладения. Из предыдущего § с полной очевидностью выясняется связь между промышленным развитием той или иной губернии и господством в ней той или иной системы крестьянских повинностей. Установленная в предшествующем изложении основная форма связи усложняется влиянием ряда факторов, один из которых мы уже указали. Это—степень населенности данного района или губернии и стоящая в прямой зависимости от нее степень земельной обеспеченности крестьян. При наличии достаточно густого населения ни занятия сельским хозяйством не могли дать достаточных средств к существованию, ни помещик не мог занять в своем хозяйстве все количество имеющихся в его распоряжении рабочих крестьянских рук. Отсюда — отход крестьян на сторону и как следствие этого,—повышение % оброчников.

Другим фактором, влиявшим на распределение крестьянских повинностей, был размер дворянского имения.

Как общее правило—в обширных вотчинах заметнее преобладание оброка, в мелкопоместных владениях—барщины. Это обстоятельство особенно резко бросается в глаза в XVIII веке и послужило даже причиной неверных обобщений, сделанных писателями того времени (Шторх, Екатерина II), которые полагали, что в России большинство помещичьих имений находится на оброке. В. И. Семевский правильно указал, что эти писатели „вращались в обществе дворян, владевших более крупными имениями, и естественно, что им по большей части приходилось слышать об имениях, состоявших на оброке“ [1]).

Мы можем подтвердить связь между развитием мелкопоместного землевладения и высоким процентом барщинных крестьян на целом ряде фактов. Так если резкое господство барщины в губерниях Смоленской и Псковской отчасти об'ясняется существованием здесь благоприятных рыночных условий для дворянского сельско-хозяйственного предпринимательства, то отчасти оно должно быть отнесено и на счет значительного количества в этих губерниях мелких дворянских владений.

В Смоленской губернии было широко развито землевладение так называемей смоленской шляхты, мелких землевладельцев, существовавших еще со времени польско-литовского владычества, служивших и государству Московскому, а затем причисленных к российскому дворянству.

Что касается Псковской губернии, то мелкопоместное дворянство в ней несомненно преобладало. Во второй половине XVIII века в двух провинциях этой губернии из числа всех помещиков 25,6% имели менее, чем по 10 душ крестьян, 27%—от 10—30 душ, 16,4%—от 30—60 душ. Иными словами, 69% всех владельцев имели менее, чем по 60 душ.

Значительное распространение имело мелкопоместное землевладение также и в Петербургской губернии, благодаря чему оброчная система.

---

1) „Крестьяне и царствование Екатерины II“, т. I, стр. 49.

здесь не получила такого развития, какого мы могли бы ожидать вследствие промышленного характера губернии [1]).

Положение о том, что в мелкопоместных имениях заметнее преобладание барщинных или издельных крестьян, подтверждается также сопоставлением процента тех и других по имениям, заключавшим в себе свыше 100 душ, со всеми вообще имениями. Для XIX века указанные сопоставления приводят к следующим результатам [2]):

Губернии.	В имениях, имеющих свыше 100 душ		Во всех имениях.	
	% оброчн.	% барщ.	% оброчн.	% барщ.
Владимирская	92	8	70	30
Ярославская	91	9	87	13
Костромская	89	11	87,5	12,5
Олонецкая	89	11	72	28
Московская	80	20	68	32
Вологодская	80	20	84	16
Нижегородская	74	26	68	32
Тверская	68	32	41	59
Новгородская	65	35	46	54
Калужская	59	41	55	45
Воронежская	59	41	45	55
Рязанская	48	52	38	62
Смоленская	34	66	27	73
Псковская	33	67	23	78
Тульская	27	73	25	75
Орловская	26	74	28	72
Тамбовская	21,6	78,4	22	77
Пензенская	18,5	81,5	25	75
Курская	17	83	24,5	75,5

Как видно из приведенной таблицы, по большинству губерний процент оброчных крестьян, сосчитанный по всем имениям, ниже, чем тот же процент, взятый только по имениям свыше 100 душ, т. е. по имениям, относительно более крупным. Значит, на понижение общего процента оброчников влияли имения мелкопоместные, в которых, следовательно, мы должны предположить соответственно большее развитие барщинной повинности. Некоторые исключения, как Курская губерния, легко находит свое об'яснение в соображениях, приведенных выше. В случаях обострившегося малоземелья, а это последнее чаще наблюдалось в имениях мелкопоместных, помещику иногда было выгодно отпускать всех или большинство своих крестьян на оброк.

Господство барщинной системы в мелкопоместных имениях об'ясняется тем, что эта система давала владельцу максимум возможности эксплоатации своих крестьян. Тогда как крупный владелец мог доволь-

---

[1]) Семевский, у. с., стр. 21.

[2]) Игнатович, у. с., стр. 41.

ствоваться оброком, который в промышленных губерниях доставлял ему значительные выгоды при большом числе крестьян, мелкий дворянин мог удовлетворять свои потребности только за счет крайней эксплоатации принадлежащего ему крестьянского труда.

С другой стороны, сама обширность вотчины, трудность управиться с администрированием барщины, требовавшей постоянного надзора крепостных управителей и старост, побуждала владельцев переводить крестьян на оброк, который допускал значительно меньший хозяйский контроль.

§ 14. Размеры оброка и барщины. Рост крестьянских повинностей. В отношении размеров оброчной повинности крестьян наблюдалось значительное разнообразие. При современном состоянии наших знаний крепостно гобыта, можно составить себе лишь приблизительное представление об этих размерах, зато можно с довольно большой точностью проследить основную тенденцию в развитии оброчной повинности.

Для третьей четверти XVIII столетия наиболее обычным был оброк в 1—3 рубля с души, хотя и тогда наблюдались случаи более высоких оброков, доходивших до 5 и даже до 10 рублей с души. Эти повышенные оброки взимались в имениях, лежавших вблизи крупных городов, судоходных рек и проч. В конце XVIII столетия в некоторых местах оброк доходил до 20 рублей с тягла.

В среднем оброк по Семевскому возрастал в течение указанного столетия таким образом[1]):

1760-е г.г.	1—2 рубля с души.
1770-е г.г.	2—3 „ „ „
1780-е г.г.	4 рубля с души
Конец XVIII столетия . . .	5 „ „ „

XIX столетие принесло с собой дальнейшее и притом усиленное возрастание размеров денежного оброка. Средний его размер колеблется от 12 р. 50 коп. до 27 р. 56 коп. с тягла при очень сильных колебаниях по отдельным губерниям. Эти колебания зависели от системы хозяйства, развития или отсутствия подсобных промыслов, размеров имения, величины состояния помещика и т. д.. Так в Ярославской губернии, где были развиты отхожие промыслы, оброк доходил до 40—50 рублей. В имениях с большим развитием местной промышленности (промышленные села вроде знаменитого Иванова, Павлова и друг.), оброк иногда повышался до колоссальных размеров, но здесь он уже, строго говоря, утрачивал характер собственно крестьянской повинности, а становился ничем иным, как отчуждением в пользу крепостного феодала части прибавочной стоимости, полученной крепостной буржуазией. Так, напр., обстояло дело в вотчинах одного из крупнейших магнатов,—графа Шереметьева, где практиковался своеобразный „классовый подход“. В промышленном селе Павлове, принадлежавшем графу, средний размер оброка

---

[1]) У. с., стр. 52—53.

составлял около 4 р. 50 к. с души, но при этом, неработоспособные и неимущие освобождались от него вовсе, зато зажиточные платили по 100 и даже по 200 рублей[1]).

В некоторых случаях часть крестьян имения была на барщине, часть отпускалась на оброк. Для этих последних оброк устанавливался обычно в более тяжелых размерах, чем в чисто оброчных вотчинах[2]).

Платежом чисто денежного оброка повинности крестьяне не ограничивались. В некоторых имениях, наряду с оброком, крестьяне отбывали частичную барщину, выполняли подводную повинность и т. д. Обычной была обязанность крестьян как оброчных, так и барщинных—доставлять помещику „столовый запас", т. е. известное количество с'естных припасов. Эта обязанность была тяжела не только потому, что она увеличивала тяжесть поборов, но также и потому, что она была сопряжена с перевозкой продуктов иногда на далекое расстояние. Размеры добавочных повинностей крестьян доходили до трети оброка.

Как бы ни была тяжела оброчная повинность, барщина была всегда еще тяжелее.

Размер барщины определялся количеством дней в неделю и продолжительностью рабочего дня или величиной „урока", т. е. определенного задания, которое крестьянин обязан был выполнить в течение того или иного времени.

Если по некоторым сведениям для XVIII века обычной была трехдневная барщина, т. е. такая, при которой крестьянин работал на помещика 3 дня в неделю, то с течением времени размеры барщины все возрастают. В Саратовской губернии существовала „сквозная" барщина, когда крестьяне работали в помещичьем хозяйстве все 7 дней. Нередки были случаи 4-х, 5-ти и 6-ти дневной барщины. Иногда помещики заставляли крестьян работать на себя все дни за исключением ненастных, которые они предоставляли самим крестьянам. В иных случаях крестьянам приходилось работать для себя лишь в праздничные дни да в лунные ночи. Продолжительность рабочего дня ничем не ограничивалась и крестьянская работа обычно простиралась „от зари до зари". Одно частное соглашение петербургских дворян конца XVIII века устанавливало величину рабочего дня в весенние и осенние месяцы в 11—13 часов, а в летние—в 14—16 часов. И это повидимому должно было рассматриваться как некоторое „облегчение" крестьянского труда, вряд ли осуществленное на практике. Что касается „урочных" работ, то обязанность крестьян обработать на каждое тягло (полнорабочая пара—муж и жена) по десятине (ок. 1,1 га) в каждом поле и скосить 120 пудов сена считалась умеренной. В действительности у некоторых помещиков крестьянами обрабатывалось на каждое тягло по 2 и даже более десятин. (ок. 2,2 га) Положение крестьян ухудшалось еще тем обстоятельством,

---

[1]) Семевский, у. с., стр. 53—54.
[2]) „Вел. реф.", III, стр. 130.

БИБЛИОТЕ
ИНСТИТУТ ...
№ .....

что обычно помещики не разрешали им приниматься за свою работу раньше, чем будет окончена барская работа[1]).

К сказанному необходимо добавить, что барщинные крестьяне, как и оброчные, были также обременены доставкой столовых запасов и подводной повинностью, причем последняя ложилась на них несравненно тяжелее, чем на оброчных. Причина большей тяжести подводной повинности у барщинных крестьян заключалась в следующем: барщина всегда соединялась с более или менее полно выраженным сельско-хозяйственным предпринимательством владельцев, а это предпринимательство всегда предполагало ту или иную связь с рынком и необходимость доставки на рынок продуктов помещичьего хозяйства.

Положение барщинных крестьян было одинаково тяжело как в промышленных, так и в земледельческих районах. При этом в промышленных районах по мере роста дворянских фабрик, что особенно интенсивно наблюдается в начале XIX века, барщинный труд эксплоатируется не только в сельском хозяйстве, но и на фабрике.

Тяжесть положения барщинных крестьян усугублялась еще тем обстоятельством, что они находились под постоянным надзором и наблюдением помещика или его администрации, между тем как оброчные крестьяне пользовались в иных случаях некоторой „свободой“, совершенно неизбежной в условиях оброчного строя имения, и некоторой долей самоуправления, разумеется, сдавленной и стесненной разными „управителями“, „бурмистрами“, старостами и другими должностными лицами крепостной администрации.

Как ни тяжело было само по себе положение оброчных крестьян, оно являлось идеалом для еще более угнетенных барщинных крестьян. В целом ряде крестьянских волнений, которыми так богата крепостная эпоха, их причиной являлось недовольство крестьян переводом их с оброка на барщину, или желание сменить барщинную повинность на оброчную.

В XIX веке наряду с барщинной и оброчной системами повинностей сильно возрастает смешанные повинности, когда крестьяне выплачивали оброк и в то же время отбывали барщину. Положение таких крестьян было особенно тяжело. В некоторых вотчинах крестьяне летом призывались на барщину, а зимой отпускались на оброк.

Из сказанного следует, что в течение первой половины XIX века не только окончательно кристаллизуется географическое распределение крестьянских повинностей, в зависимости от экономических и естественно-исторических условий, но и происходит безпрерывный и притом бурный их рост. Последнее обстоятельство представляется чрезвычайно важным. Оно свидетельствует о том, что денежное хозяйство делает дальнейшие успехи. Все растущая потребность дворянства в средствах заставляет увеличивать размеры крестьянского оброка, предприниматель-

---

[1]) Семевский, стр. 67—68.

ское хозяйство требует увеличения производительности труда, которое в рамках крепостного строя может быть достигнуто лишь дальнейшим увеличением барщинных повинностей. И в том и в другом случае, следовательно, эксплоатация крестьян возрастает, а вместе с тем возрастают и противоречия крепостного строя, ликвидация которого становится об'ективной экономической необходимостью.

§ 15. Отсутствие общей регламентации крестьянских повинностей. Закон 1797 г. Инвентари и их оценка. Одной из наиболее характерных черт крепостного права в России, делавшей его особенно тягостным для закрепощенной массы крестьян,—было полное почти отсутствие законодательной регламентации крестьянских повинностей, следствием чего являлся полный помещичьий произвол, которому не угрожала никакая даже тень законного ограничения, и который ограничивался единственно хозяйственным расчетом самого владельца, поскольку последнему было невыгодно доводить крестьян до полного разорения. Впрочем, и этот ограничительный момент не всегда действовал. Разнузданное, избалованное легкими успехами барство, ведя роскошную жизнь, мотало направо и налево без труда доставшееся богатство, очень часто доводя своих „подданных“ до нищеты. В других случаях к подобным же результатам приводило разного рода хозяйственное „прожектёрство“ помещиков, не всегда построенное на разумных, экономически целесообразных основаниях.

В нашей дореволюционной литературе можно иногда встретить утверждение о том, что отношения между помещиком и крепостным крестьянином не были предметом полного произвола со стороны первого, и что в основе этих отношений лежал некоторый определившийся, обычный порядок, которому, как заведенному обыкновению, подчинялась и та и другая сторона.

Взгляд этот в корне ошибочен. Конечно, экономические условия крепостного права, его экономическая подкладка создала между помещиком и крестьянином некоторый строй взаимоотношений, который господствовал в том или ином районе, с теми или иными отступлениями от него в отдельных случаях, Однако, до усвоения этому фактически существовавшему строю значения порядка, покоющегося на обычном праве, заменяющем собой писаный закон—очень далеко. Всякие взаимоотношения помещика и крестьян покоились исключительно на санкции первого. Достаточно было землевладельцу задумать какое либо предприятие, требующее усиления напряжения крестьянского труда или просто проиграться в карты—и от заведенного порядка не оставалось и следа: десятками лет выплачивавшийся оброк увеличивался, вместо трехдневной вводилась четырех или пятидневная барщина, размеры крестьянских наделов уменьшались и т. п. Так ненадежен был тот „обычно-правовой“ порядок, который по мнению некоторых определял собой отношения между крепостным владельцем и крестьянином. Ни в каком случае он не мог заменить собой писаного законодательства, а этого то последнего, как сказано, и не существовало или почти не существовало.

Впрочем, если бы такое законодательство даже и было, вряд ли положение крепостных от этого улучшилось.

Сколько известно, за всю крепостную эпоху был издан один только общий закон, в котором видят попытку законодательной регламентации крестьянских повинностей. Это — манифест изданный Павлом в день своей коронации в 1797 году. В нем, между прочим, говорится:... „подтвердить... о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских изделье остающиеся в неделю шесть дней, по ровному числу оных, вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром расположении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям“.

Таким образом, манифестом устанавливалась трехдневная барщина, признаваемая достаточной в интересах как помещиков так и крестьян.

На практике действие этого закона было ничтожно, в некоторых случаях он сыграл для крестьян даже отрицательную роль. Из предшествующего изложения следует, что барщина значительно превышала три дня в неделю; вместе с тем, закон 1797 года дал формальное основание увеличить барщину в тех имениях, где она была менее трех дней (в некоторых имениях существовала двухдневная барщина).

Мало облегчила положение крепостных крестьян попытка местной регламентации крестьянских повинностей, предпринятая уже на склоне крепостного права. Это так наз., инвентари в западных губерниях.

В этих губерниях дворянство было польского происхождения, а крестьяне—русского, и правительство Николая 1-го, проявлявшее большую нерешительность в крестьянском вопросе, когда он ставился в общеимперском масштабе, здесь обнаружило несколько более решимости. Под влиянием польского восстания 1831 года, Николай I считал себя вправе поступать так по отношению к собственности дворян, скомпрометировавших себя участием в восстании. В западных губерниях введение инвентарей стояло в тесной связи с предпринятыми правительством мерами по руссификации края [1]).

Недаром ревностным проводником инвентаризации был ярый обруситель, киевский генерал-губернатор—Бибиков.

Инвентаризация заключалась в определении и установлении на будущее время в неизменном виде как количества земли, предоставлявшейся в пользование крестьян из состава дворянских имений, так равно и размеров крестьянских повинностей в пользу помещиков. О том, в какой мере эта форма действительно отвечала интересам крестьян, можно судить по тому обстоятельству, что введение инвентарей не обошлось без крестьянских волнений и без неизбежных в таких случаях—экзекуций.

---

[1]) Корнилов. — Курс Рус. Ист. XIX в., стр. 53.

Основные положения инвентарных правил заключались в следующем: земельный надел находившийся в пользовании крестьян в момент составления инвентаря (т. е. описи земель и повинностей), должен был оставаться без изменения. Его можно было увеличить, но уменьшать не разрешалось. В действительности это правило обходилось. Крестьянам было разрешено менять предоставленную в их пользование землю на другую. Этим пользовались помещики и как сильная сторона достигали того, что при обменах крестьяне получали землю худшего качества либо в меньшем количестве. Барщина крестьян в пользу помещика была точно определена, как равно и количество барщинных работ, которые устанавливались особым урочным положением. Были определены также дополнительные работы крестьян, отпуск их на оброк, плата с безземельных крестьян и проч. В дворовые было разрешено переводить только безземельных. Земля продолжала оставаться „неотемлемою“ собственностью помещика, но надел крестьянский должен был оставаться неприкосновенным [1]).

Некоторые из либеральничавших бюрократов Николаевской эпохи ждали много от введения инвентарей. Чтобы установить, в какой степени эти ожидания соответствовали самому содержанию описываемого мероприятия, достаточно привести мнение дворянских же публицистов и ученых, близких к эпохе.

Известный славянофил А. С. Хомяков относился прямо отрицательно к инвентарной системе. Деятельность крестьянина при этой системе, по его мнению, „заключена в безвыходно тесном круге. Ему даже не дано права требовать замены барщины оброком. Пусть бы лучше наложили высокий оброк, лишь бы крестьянин видел, что когда нибудь да прекратится барщина“.

Киевский профессор В. Я. Шульгин писал:—„Как ни кричали помещики о крутости мер по введению инвентарей, но меры действительно энергические были приняты только в начале, а потом самая благородная мера (!!) была искажена злоупотреблениями и земских полиций и дворянских представителей при наблюдении за точным исполнением инвентарных правил помещиками“ [2]).

Один из позднейших бюрократов (сенатор Половцев) давал такую оценку инвентарям. Он полагал, что цель инвентаризации—ограждение крестьян от помещичьего произвола при полной неприкосновенности помещичьих прав не была достигнута. Инвентари составлялись самими землевладельцами, и эти последние имели полную возможность—показать крестьянскую мирскую землю в уменьшенном виде, по сравнению с действительным размером. Отношения, созданные введением инвентарей, могли быть нарушаемы со стороны помещиков, если последние находили эти отношения невыгодными для себя. Жалобы на такие нару-

---

[1]) Василенко. Крестьянский вопрос в С. З. и Ю. З. крае и введение инвентарей—Сб. „Вел. реф.“ т. IV, стр. 102—103.

[2]) Там же, стр. 104—105.

шения только в редких случаях доходили по назначению. Самые инвентари находились в руках помещиков и они в любой момент могли об'явить их утраченными [1]).

Несмотря на такой характер описываемой меры, она все же встретила возражения со стороны дворян. Инвентари были введены в губерниях—Киевской, Подольской и Волынской (так наз. „юго-западные губернии"). Затем их стали вводить в губерниях белорусских и литовских. Литовское дворянство запротестовало и заявило, что лучше вовсе уничтожить крепостное право, чем ставить их в такое положение, в какое его ставят правила о введении инвентарей [2]). Протест литовского дворянства имел под собой реальное основание, хотя и совсем не то, которое выдвигалось дворянством. Для литовских губерний (Ковенская, Гродненская и Виленская) действительно—„лучше было уничтожить крепостное право, чем вводить инвентари", но не потому, что инвентарные правила были чрезмерно суровы, а потому, что крепостное право изжило себя экономически и требовало не паллиативных мер, а полной ликвидации. Как бы то ни было, но вопрос о дальнейшем продвижении реформы затянулся, а когда в начале 50-х г.г. он снова был поставлен, то будущий царь Александр II—„освободитель" крестьян, напуганный революцией 48-го года, заявил, что нужно всячески поддерживать „священные" права дворянской собственности и что, следовательно, инвентаризация несвоевременна.

Аналогичная введению инвентарей реформа была в средине 40-х г.г. XIX века проведена в Царстве Польском. Здесь были введены так. наз. „престационные табели", которыми закреплялись ранее существовавшие крестьянские наделы и повинности [3]).

§ 16. Размеры земельных наделов крепостных крестьян. В зависимости от господствующей формы крестьянских повинностей оброка или барщины,—находилось соотношение между фактическим землепользованием крестьян и помещика, т. е. между той частью земли имения, которая состояла в фактическом наделе крестьян, и той ее частью, которая находилась в непосредственном хозяйственном распоряжении помещиков.

Зная природу оброка и барщины и их хозяйственную сущность, мы заранее можем предугадать, что в оброчных имениях, где помещик либо вовсе не вел собственного хозяйства, либо вел его в небольших размерах, доля земли, использовавшаяся крестьянами, была относительно больше, чем в имениях барщинных.

Так и было в действительности. В XVIII веке, по данным В. И. Семеновского, в чисто оброчных имениях вся земля находилась в пользовании крестьян. Приэтом в среднем на душу приходилось по 13,9 дес. (ок. 15,3 га) в том числе пахотной—3,8 дес. (ок. 4,2 га). В барщинных на душу приходилось по 10,1 дес. (ок. 11 га), из них пахотной - 4,4 дес.

---

[1]) Там же, стр. 106.

[2]) Корнилов—у. с., стр. 54.

[3]) Корнилов, у. с., стр. 54—55.

(ок. 5 га), в пользовании же крестьян состояло в среднем около 2,9 дес. (ок. 3,3 га) пахотной земли на душу. Средние для нечерноземной и черноземной полосы соответственно—2,5 дес. и 3,1 дес. (2,8 и 3,4 га) на душу).

Что касается средних размеров всего земельного надела барщинных крестьян, то таковой на основании ряда сопоставлений, Семевский для Великороссии XVIII века принимает в среднем в 7 дес. (7,7 га) на ревизскую душу, считая в том числе и лес. По отношению ко всей земле помещика это составляет в среднем же 2/3 всего имения.

Разумеется, фактические размеры наделов были выше в губерниях многоземельных, и ниже—в губерниях малоземельных [1]).

В XIX веке соотношение между помещичьей и крестьянской землей заметно меняется в направлении уменьшения крестьянских наделов. По 19 великороссийским губерниям количество удобной земли, находящейся в пользовании крестьян, нигде не поднимается выше 4/5 всей площади удобной земли, находящейся в крепостных имениях. Это—в оброчных имениях. Что же касается губерний с преобладанием барщины, то в них размер крестьянского надела ниспадает до половины и даже менее всей удобной земли. Указанные изменения являлись следствием дальнейших успехов барщинной системы—в губерниях черноземных и роста смешанных повинностей—в губерниях нечерноземных. Они выражают собой процесс обезземеления крестьянства, которое должно было отзываться на его благосостоянии тем более отрицательно, что абсолютное количество крепостного населения увеличивалось, вследствие естественного прироста. Ко времени реформы размеры крестьянских наделов, исчисленные по имениям свыше 100 душ, представляются в следующем виде: приходилось удобной земли на 1 рев. д. м. п.—до 3 десятин (3,3 га) в губерниях Курской, Рязанской, Московской, Тамбовской, Тульской; от 3 до 5 дес. (3,3 — 5,5 га) в губерниях—Воронежской, Пензенской, Калужской, Орловской, Владимирской, Нижегородской, Тверской, Ярославской, от 5 (5,5 га) и выше, но не свыше 8,7 дес.—ок. 9,5 га в губерниях Псковской, Смоленской, Костромской, Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Вологодской. Таким образом, для местностей нашего земледельческого центра (современная ЦЧО) наличность малоземелья уже в половине XIX века несомненна.

В XIX веке влияние барщины на распределение земли между помещиками и крестьянами сказалось особенно сильно. В черноземных губерниях стало гораздо заметнее преобладание помещичьей земли над крестьянской.

Величина крестьянского надела землей сама по себе однако, еще ничего не говорит о степени благосостояния крестьян. Для того, чтобы иметь представление об этой последней, необходимо сообразить потребности крестьянской семьи и сопоставить их с теми возможностями, которое представлял надел.

---

[1]). Семевский—у. с., стр. 34—36.

Не вдаваясь в подробные расчеты, мы на основании имеющихся литературных данных, должны притти к заключению, что даже в нечерноземной полосе, где размеры фактического крестьянского землепользования достигали относительно значительных размеров, надел часто мог удовлетворить только продовольственным потребностям крестьянской семьи. Следовательно, все то, что крестьянин обязан был выплатить помещику в качестве оброка, и государству—в качестве подушной подати,—он должен был добыть на стороне путем подсобных промыслов. В некоторых нечерноземных губерниях, где уже в крепостную эпоху наблюдалось малоземелье, надел не мог удовлетворить даже продовольственных потребностей крестьянской семьи. Таковы были губернии—Нижегородская, Калужская, Ярославская, Тверская, Олонецкая, Московская [1]). Тем более недостаточен был земельный надел в губерниях черноземных, где преобладала барщина и где значительная часть земель находилась в непосредственном хозяйственном распоряжении помещика.

Вывод из сказанного ясен: крепостной крестьянин вынуждался к крайнему напряжению своих сил, однако и это обстоятельство не спасало его ни от экономического разорения, ни от физического вырождения.

Нищета и полуголодное существование, сопутствовавшее в качестве общего правила крепостному состоянию, за исключением немногих счастливцев из среды крестьян, которым удалось скопить кое какие средства, особенно сильно наблюдались среди некоторых групп крестьянства.

К их числу принадлежали затяглые. Так назывались крестьяне, которые были освобождены от повинностей в пользу помещиков, но зато и не пользовались земельным наделом. Эта категория крестьян наблюдалась в малоземельных губерниях, где аграрное перенаселение и отсутствие вместе с тем подсобных заработков создавало своеобразный крепостной пролетариат, который вынужден был вести совершенно случайное существование.

В некоторых имениях лишение крестьян земельных наделов имело своим основанием перевод их целиком на барскую работу. В таких имениях в пользовании крестьян оставались только усадьбы. Существование крестьян поддерживалось выдачей пайка, так наз. „месячины". (Паек обычно выдавался помесячно).

К числу безземельных крепостных принадлежали дворовые—лица, взятые во двор помещика для его личных услуг. Относительно численности дворовых мы располагаем довольно точными данными. Так, по десятой ревизии их было 1.467 тыс. душ о. п. из общего количества 20.158 тыс. душ всех крепостных. Положение дворовых было особенно тягостным. Находясь под постоянным надзором помещика, являясь жертвами его прихотей и произвола, они вместе с тем зачастую отрывались от всякого производительного труда. То моральное разложение,

---

[1]) Игнатович—у. с., стр. 58.

которое неизбежно вытекало из противоречий крепостного права, с особой силой сказалось на этой категории крепостного люда.

§ 17. Землеустроительный момент в крепостном хозяйстве. Преобладающая масса крестьян, как при оброчной, так и при барщинной системе, обладали то большими, то меньшими земельными наделами, в зависимости как от характера повинностей, так и от степени обеспеченности имения землей. Приэтом необходимо подчеркнуть, что землепользование крестьян носило исключительно фактический характер. Вся земля юридически являлась собственностью помещика. Если законодательством не регламентировались крестьянские повинности, то тем более такая регламентация, (за исключением местностей, где введены были инвентари), отсутствовала в отношении размеров крестьянского землепользования. От помещика полностью зависело—дать или не дать землю крестьянам. Мы видели, что в некоторых случаях помещики практиковали полное обезземеление крестьян и перевод их на месячный паек.

От них же зависело как и где отвести крестьянам надел.

Обзор материалов, характеризующих фактические земельные отношения, существовавшие в крепостном имении, убеждает в том, что крестьянские наделы и земли, остававшиеся в непосредственном пользовании помещика, имели самое разнообразное взаимное расположение и зачастую—самые причудливые очертания.

С точки зрения современных требований, пред'являемых к организации сельско-хозяйственной территории, крепостное имение характеризуется крайней степенью неземлеустроенности. Земли помещика и крестьян находятся в чересполосице друг с другом, те и другие зачастую сильно удалены от хозяйственных центров, крестьянский надел вклинивается в помещичьи земли, часть угодий (сенокосы, луга, выгоны) состоят в общем пользовании крестьян и помещиков и т. д. Эта неземлеустроенность имела свои причины, которые крылись как в общих экономических условиях эпохи, так равно—и в специальных условиях, созданных крепостным правом.

В тех районах, где господствовали экстенсивные формы хозяйства, главнейшим фактором, влиявшим на производительность и доходность хозяйства, являлись природные условия: свойства почвы, положение земельного участка относительно стран света, степень увлажненности и т. д. Помещик, будучи никем и ничем не стесняем в своем распоряжении землей, естественно присваивал себе лучшие куски имения, оставляя крестьянам что похуже. А так как в целом ряде местностей России почвы отличаются крайней пестротой, причем на небольшом протяжении можно встретить самые разнообразные типы почв, то отсюда и получалась нарисованная выше картина взаимного расположения крестьянских и помещичьих угодий. Рост барской запашки сопровождался не только количественным уменьшением крестьянских наделов, но и качественным их ухудшением. Возможность игнорирования помещиком землеустроительных моментов, которые неизбежно должны

были возникнуть в условиях более интенсивных систем хозяйства, обеспечивалась тем, что к его услугам всегда находился крестьянский труд, который мог подвергаться какой угодно эксплоатации. То, что проигрывалось вследствие неземлеустроенности имения, возмещалось путем усиленного напряжения барщинного труда.

Внутренняя неземлеустроенность крепостного имения, не заключая в себе неудобств для помещика, вместе с тем оказывалась в некоторых отношениях для него даже выгодной, являлась лишним источником дохода. Во многих случаях помещичьи поля подходили так близко к крестьянским, что достаточно было малейшего недосмотра со стороны крестьянина для того, чтобы крестьянский скот оказался на помещичьей земле. А это влекло за собой лишние поборы с крестьян сверх их обычных платежей и повинностей.

Надо заметить, что описанные положения надолго пережили крепостное право и после проведения—„поземельного устройства", сопровождавшего крестьянскую реформу 60-х г.г. XIX в. взаимное расположение помещичьих и крестьянских угодий не только не улучшилось, но местами даже ухудшилось.

Впрочем крепостная эпоха знает случаи своеобразного „крепостного землеустройства", направленного на рациональное распределение помещичьих и крестьянских угодий и рациональную организацию крепостного имения. Это крепостное землеустройство стояло в непосредственной связи с тем дворянским с.-х. предпринимательством, которое с особой силой сказалось в первой половине XIX столетия и которое обусловило собой оживленные поиски наиболее рациональной и приспособленной к получению максимальной доходности организации с.-х. производства. В литературе известно несколько опытов такого землеустройства.

Остановимся на одном из них.

Помещик Слободской Украины (Харьковской губернии) Стремоухов ввел в своем имении своеобразный земельный строй, который он именовал сошным устройством. Вся земля имения была передана крестьянам и разделена на части или „уделы". Последние передавались в хозяйственное пользование группам крестьян. Каждая группа в 25 тягол или „венцов" составляла соху или дружину. Дружина обрабатывает свою часть сообща и урожай делит между собой за исключением той его части, которая поступает помещику. Дружины имеют свои мастерские. Каждые две дружины образуют собой „посад", имевший общий скотный двор. Однако общность пользования на скот не распространяется и каждый двор пользуется скотом отдельно. Половина урожая шла крестьянам, треть поступала помещику, а из остальной доли уплачивались казенные подати и другие сборы. Получалась таким образом своеобразная крепостная сельско-хозяйственная коммуна.

Крепостное право знало и противоположную „коммуне" форму землеустройства—участковую, отрубную. Куда только не бросались помещики в целях повышения доходности своих имений и создания таких

условий, которые усилили бы платежеспособность их крестьян? Еще в XVIII веке один из них при земельных переделах требовал, „чтобы не было врозь полос, а все к одному месту“. Не безинтересно отметить, что предок позднейшего насадителя отрубов—Столыпина, еще в начале XIX века пытался образовать отрубное землепользование в своем имении.

Поиски наиболее рациональных способов крепостного землеустройства совпали с широким развитием государственных землеустроительных мероприятий, известных под названием специального межевания и направленных на устранение недостатков землепользования не внутри крепостных имений, а внутри целых комплексов владений—так наз. общих дач, генерального межевания. Об этих аграрных мероприятиях речь будет итти в дальнейшем изложении.

Описанный выше опыт внутрикрепостного землеустройства проведен был в оброчном имении. Оброчная система вообще более благоприятствовала таким мерам, которые содействовали росту производительности крестьянских хозяйств. При барщине помещик был заинтересован в росте производительности собственного хозяйства. Между тем, при оброчной системе доход самого помещика зависел в большей степени от благосостояния крестьян.

В оброчных имениях мы встречаем также и принимаемые помещиками меры к вовлечению в сельскохозяйственный оборот новых земель, рациональному размещению крестьянских хозяйств на территории имения, их расселению и т. п.

Все это делалось, конечно, принудительно, в порядке помещичьего приказа, под угрозой наказания и т. д.

У одного помещика, проживавшего постоянно в Москве, было оброчное имение в Ветлужском краю. Имение растянулось более чем на 20 верст и состояло из большого села и нескольких деревень и починков. Владелец настойчиво предписывал администрации озаботиться увеличением пашни путем расчисток:—„Крестьян как можно к пашне принуждать“, писал он в свою вотчину.

„Старайтесь умножить хлебопашество и леса как можно расчищать..., чтобы каждый крестьянин пахал землю, а праздный ни один бы не шатался“.

Для поощрения расчисток владелец приказывал оставлять их при переделах за теми, кто их расчистил. Вместе с тем, он приказывал крестьянскому „миру“ оказывать помощь неимущим и слабосильным хозяевам, с тем, чтобы они впоследствии, когда окрепнут, уплатили бы сделанные на них затраты.

Тот же владелец практиковал принудительное расселение, в случаях малоземелья и дальноземелья.

„В которых деревнях утеснение в землях, то из тех деревень поселить на новые места, о чем неоднократно от меня предписываемо было, но отговорку приносите, что крестьяне не слушают, то таковых вам наказывать нещадно, а которых крестьян вы берете на поселение

на новые места, а они будут с непослушанием, таковых принуждать, но смотреть, чтобы и не разорить“ [1]).

Администрации имения, следовательно, приходилось и „наказывать безщадно“ тех, кто не пожелал расселиться в добровольном порядке, и смотреть за тем, чтобы такое расселение из-под кнута не разорило ослушников. Забота — вполне понятная. Расселение диктовалось экономическим расчетом самого владельца. Оно сопровождалось образованием новых тягол, а, следовательно, увеличением оброка.

Принудительные методы крепостного землеустройства живо напоминают случаи государственного землеустройства, которые, включая и т. н. „столыпинскую реформу“, часто сопровождалось применением полицейского вмешательства и воинских мер. Государственное землеустройство, проводимое при помощи стражников и солдат, имеет, таким образом, свой исторический прецедент в действиях крепостного феодала, чувствовавшего себя вправе распоряжаться трудом подвластного ему населения по собственному усмотрению и хозяйскому расчету.

§ 18. Формы землепользования у крепостных крестьян. Крестьянская община. Выше нами рассмотрены поземельные отношения, существовавшие между помещиком и крестьянами в крепостной вотчине. Но земельные отношения крестьян этим не исчерпывались. Живя в непосредственном соседстве друг с другом, добывая средства к существованию трудом в сельском хозяйстве, крестьяне, естественно, должны были подчиняться какому-то порядку в использовании того, что составляет основу сельского хозяйства, т. е. земли.

Будучи сословием бесправным, крестьяне не могли иметь и каких-либо „прав“, в юридическом смысле слова, на ту землю, которой пользовались они. Однако, это отнюдь не исключало некоторых фактических состояний, которые признавались и охранялись помещиками, и даже ими поощрялись, хотя бы постольку, поскольку это доставляло им выгоду. Тот феодальный характер, который дворянское землевладение вновь приобрело в XVIII веке, в высшей степени содействовал установлению внутри крепостной вотчины — этой феодальной сеньерии нового времени—весьма своеобразных отношений. Отгороженная от внешнего мира плотной стеной помещичьей власти, крепостная вотчина создавала собственный правовой быт, в котором руководящая роль принадлежала, разумеется, владельцу.

Земля, которой пользовался крестьянин, составляла собственность помещика. На основании узаконений, которые действовали во-вне, помещик мог в любую минуту эту землю безнаказанно отнять. Однако, в огромном большинстве случаев, для помещика было выгодно не только оставить надел в пользовании крестьянина, но еще и побудить его расширить свою запашку путем включения в хозяйственный оборот пустующих земельных пространств.

---

[1]) Чернышев—Агр.—крест. политика России за 150 л., стр. 10—12.

Мы только что видели, как помещик стремился поощрить своих крестьян к такому расширению культурных земель созданием для лиц, затративших свой труд на расчистку пашни из-под леса, устойчивого землепользования, из'ятием расчисток из-под действия переделов. Случай это не единственный, сохраненный историческими документами эпохи. Так, один помещик Владимирской губернии, предписывая крестьянам произвести земельный передел, в то же время отдает такое распоряжение: так как в принадлежащем ему поверстном лесу погорело много лесу, „то не воспрещается трудолюбивому крестьянину, который хочет иметь прибыль... расчищать лес для сенокоса или для пашни, сколько хочет и от него не отнимается, хотя бы и более другого начистил до другой ревизии, которая может быть через 20 лет“.

Устойчивое крестьянское землепользование в условиях существующего товарного хозяйства и в окружении буржуазного земельного режима, должно было создать возможность мобилизации крестьянских земель внутри крепостной вотчины. Эту мобилизацию следует отличать от покупки земель крепостными крестьянами на имя помещика, когда купленная земля фактически поступала в пользование покупщиков, хотя юридически и числилась за помещиком. То было отношение, выходящее за пределы крепостной вотчины. Мы же сейчас говорим о внутривотчинных отношениях.

Такую внутривотчинную мобилизацию можно усмотреть из следующего, напр., случая. При переделе земли возник вопрос, следует ли наделять новые души за счет земель, приобретенных частью крестьян путем покупки. Помещик решил спор в положительном смысле, обязав, однако, лиц, которым попадут доли купленной земли, уплатить ее приобретателям, что следует. Здесь мы видим как-бы факт принудительной купли-продажи земель между крестьянами.

Вместе с тем, история крепостного права знает случаи мобилизации крестьянских надельных земель и в более чистом виде. Так, в упоминавшемся нами в предыдущем §, ветлужском имении, существовали все главнейшие виды сделок о земле. В течение нескольких лет земля крестьянами друг другу продавалась и закладывалась. Правда, потом последовало запрещение сделок; однако, это запрещение не носило абсолютного характера.

Вот что по этому поводу писал помещик в свою вотчину: „Пахатные земли, тоже и сенные покосы не продавать и не закладывать... О пожнях и о землях, кто хочет вновь расчищать и землю распахивать для своей прибыли, а ему она будет излишняя и остается пуста, то таковым можно излишнюю продавать и закладывать, только с обязательством письменным, а у кого пожни и земли и для себя с нуждой, таковым запретить, и чтоб не продавать и не закладывать“ [1]).

---

[1]) Чернышев—у. с.

Таким образом и после запретительного распоряжения остались неиз'ятыми из междукрестьянского внутривотчинного оборота излишние расчищенные земли.

Как ни любопытны приведенные черты крепостного земельного быта сами по себе, не в них, однако, заключается главный интерес этого последнего. Основной вопрос крестьянского землепользования заключается в общинных порядках, степени их распространения, их содержании и происхождении.

К изложению этих порядков мы и переходим.

В. И. Семевский, путем тщательного изучения источников, непреложно доказал, как нам кажется, повсеместное распространение в XVIII веке общинных переделов у крепостных крестьян Центральной России. (Община у государственных крестьян будет рассмотрена нами в другом месте) [1]).

Тем же автором, на основании исторических свидетельств, выяснены и все важнейшие стороны общинного землепользования у крестьян.

Как и в позднейшее время, общинные переделы в XVIII веке носили уравнительный характер, т. е. являлись перераспределением земли на одинаковых для всех участников передела основаниях. Тогда же можно подметить существование двух главнейших видов передела: общих и частных. Общие переделы характеризуются двумя признаками: 1) они распространяются на все крестьянские дворы, входящие в состав данного об'единения, — крестьянской общины, „мира“ и 2) при их производстве меняется как размер, так и количество полос, приходящихся на каждый двор. При частных переделах (иначе — „скидки — накидки“), переверстка земли охватывает только некоторых домохозяев.

Уравнительный характер переделов определял и передельную технику, которая без каких-либо заметных изменений, просуществовала до настоящего времени. Каждое поле, при общих переделах, разбивалось на части, в зависимости от качества почвы, близости к селению и других естественно-исторических и хозяйственно-экономических признаков. Каждый домохозяин получал участки в каждой из частей поля. Крестьяне с большим искусством производили нелегкую, с геометрической точки зрения, операцию перераспределения полей. Крепостные авторы с большой похвалой отзываются о крестьянском землемерии.

Вот, что писал один из таких авторов: „Надо отдать земледельцам справедливость, что они как разбирать свойства худых и добрый полей, а равно и в рассуждении разделения, — великие знатоки, и так что можно сказать, нимало не ошибутся ни в чем“ [2]).

При производстве общих переделов, обычно, оставлялся неразделенный участок для наделения „прибылых душ“, т. е. вновь родившихся, прибывавших со стороны и т. д. Делалось (и делается) это для того,

---

[1]) Семевский—у. с., стр. 101—106.

[2]) У. с., стр. 115.

чтобы произвести наделение таких лиц землей, не прибегая в то же время к новому переделу, который всегда представляет большие трудности и сильно затрагивает земельные интересы крестьян.

Изменения в составе отдельных семейств, которые ведут к разрушению уравнительности в распределении земель между ними, являются причиной производства частных переделов. При них часть земли, находящейся в пользовании одних дворов, снимается и присоединяется к другим дворам, у которых земли оказывается несоразмерно мало. Так бывает в тех, например, случаях, когда состав одних дворов уменьшается, вследствие смерти, ухода на сторону, а состав других увеличивается: посредством брака, примачества, рождения и других причин.

Для XVIII века мы имеем следующие поводы частных переделов: смерть отдельных членов двора, исчерпание запасного участка, вследствие чего становилось невозможным наделение за счет запасных земель и т. д.

Сроки, на которые производились общие переделы, были разнообразны, достигая 3—5—10 и более лет. Иногда они приурочивались к производству ревизий. Для крепостных крестьянских общин этот срок ни в коем случае не был общим правилом. Приурочение переделов к производству ревизий наблюдалось гораздо чаще на землях государственных крестьян. Причина этого явления будет рассмотрена ниже. Частные переделы в некоторых имениях производились чуть не ежегодно.

Переделы влекли за собой то расположение участков отдельных домохозяев, которое называется чересполосностью, и неудобства которого сознавались помещиками еще в XVIII столетии. Упоминавшийся нами Болотов так описывает существовавшие в его время в деревне, как казенной, так и помещичьей, земельные порядки: „Известное всем то дело, что во всех селениях и даже самых однодворческих и прочих казенного ведомства, как и во всех оброчных деревнях, вся земля раздроблена в мелкие участки, которые чем ближе находятся к селению и чем которое из них многолюднее, тем и они бывают меньше. Всеми сими кусками владеют жители тех деревень чересполосно и как земли в дачах не всегда бывают единоравной доброты и способности к обрабатыванию и иные лежат к селению ближе, иные далее, а третьи того еще отдаленнее, то для сравнения обыкновенно и разделяются каждые из них во всех трех дальних и ближних полях, т.-е. озимом, яровом и паровом между всеми крестьянами по кидаемым в них жребиям и каждый двор получает себе оные во владение не по числу находящихся в оном... душ, а по числу находящихся в оном совершенного возраста работников“...

Чересполосность крестьянских наделов не зависела от того, принадлежала ли данная деревня нескольким или одному помещику.— „Крестьяне и даже в единовладельческих деревнях, или так наз. особняках живут между собой в превеликой чересполосице [1])“.

---

[1]) У. с., стр. 105.

Уравнительность землепользования, как сказано выше, заключалась в том, что земля распределялась на одинаковых для всех дворов основаниях. Это не значит, что все дворы получали землю поровну, это значит лишь, что в основе распределения земли лежала некоторая одинаковая для всех дворов счетная единица, которая в позднейшее время получила название разверсточной единицы.

В современном законодательстве о земельных переделах и в передельной практике существует несколько оснований для разверстки земли, несколько разверсточных единиц. Различаются разверстки по рабочим силам, по едокам, смешанные и т. д. Господство того или иного основания разверстки позволяет судить о социально-экономических условиях, влиявших на общинные порядки.

Обращаясь к общинному быту крепостных крестьян XVIII и первой половины XIX в.в., мы видим, что у них господствовала так наз. потягольная разверстка, т. е. распределение земли по количеству тягол. Тяглом чаще всего именовалась полнорабочая супружеская пара—муж и жена. Тождество тягла и брачной пары обусловливало наименование его—венцом. В некоторых местностях наблюдались сложные тягла, которые охватывали несколько работников и столько же работниц. Иногда в состав сложного тягла входило два венца, т. е. две полнорабочих супружеских пары. Тягло являлось также условным счетом. Работник и работница составляли простое тягло, независимо от того, были ли они мужем и женой. В разных местах рабочий возраст считался по разному, но замужество для крестьянской девушки и достижение возраста рабочего совершеннолетия для крепостного парня влекли за собой образование нового тягла. Отсюда проистекали стремления помещика к тому, чтобы крепостные женились в раннем возрасте. Эти стремления часто прикрывались лицемерными заботами о нравственности крепостных, но в основе своей имели всегда элементарный хозяйственный расчет, так как образование нового тягла всегда влекло за собой увеличение помещичьих доходов, которые исчислялись и получались по количеству тягол, независимо от характера повинностей—оброка или барщины.

Господство потягольной разверстки в крепостной общине уже само по себе свидетельствует о близкой связи общиных порядков и крепостного права. Само понятие тягла есть продукт зависимых отношений крестьянства. Тягло характеризует обязанности крестьян. Если в XVI и XVII в.в. эти обязанности тяглый крестьянин нес по отношению к государству, то теперь они отбываются в пользу помещика. Последний был заинтересован в том, чтобы не было неисправностей в отбывании крестьянами их повинностей. А это можно было достигнуть только при помощи примерно одинакового обеспечения крестьян основным фактором производства—землей. Таким образом, помещик был заинтересован в равномерном, т.-е. уравнительном распределении земель между крестьянами. Отсюда проистекали распоряжения помещика, направленные непосредственно на производство земельных переделов у крестьян.

Один из новейших авторов по истории крепостной крестьянской общины пишет следующее:... „Материалы крепостной эпохи показывают, что передельно-тягловая система пользования землей была повсеместно излюбленной формой, которую помещики вводили у своих крепостных... В XVIII веке во многих местах наблюдалось стремление добиваться от крепостных возможно уравнительного разверстания земли. Уравнительная система разверстки считалась наиболее выгодной, потому что она страховала помещика от появления упалых дворов, дававших и плохих плательщиков и плохих работниквв“ [1]). Иными словами, помещик стремился насаждать уравнительность землепользования у крестьян как при барщиной, так и при оброчной системе повинностей.

Предписаниями—произвести уравнительный передел и правилами о том, каким образом, на какой срок и с соблюдением каких условий следует его производить, полны помещичьи инструкции XVIII и начала XIX столетий. Приэтом все инструкции заботятся, конечно, не об отвлеченном господстве уравнительного принципа, а исключительно—об увеличении количества тягол, которое автоматически влекло за собой увеличение владельческого дохода.

Уравнительность землепользования всегда была связана с регламентацией крестьянских повинностей. Так в одной из помещичьих инструкций первой половины XVIII века, мы читаем следующее: „И повинен всякий, имея целое тягло, вспахать моей земли (т.-е. помещичьей) две десятины в поле [2]), а в двух потому же... Також на каждое целое тягло уравнять земли крестьянам их собственные во всех деревнях [3])“.

Связь между передельной общиной у крепостных крестьян и крепостным правом представляется несомненной. Нагляднее всего этого доказано В. И. Семевским, который по своим воззрениям склонен был идеализировать крестьянскую общину. Указанная связь неоднократно отмечались и самими деятелями изучаемой эпохи. Так один из администраторов второй половины XVIII века, рекомендуя ввести уравнительные переделы на землях государственных крестьян писал следующее: „Делить им (т.-е. государственным крестьянам) земли и раздавать в волостях недостаточным равномерно, так как и помещики своих крестьян по числу людей кто, что снести может уравнивают [4])“.

Из приведенной цитаты видно, что „уравнивание“, производилось самими помещиками, т.-е. что уравнительное распределение земель между крестьянами происходило вследствие распоряжений помещика.

Как же реагировала на такое принудительное разверстание сама крепостная деревня.

Необходимо иметь в виду, что деревня описываемой эпохи была далеко неоднородной по своему составу. Если даже в деревне XVI и XVII в.в. мы имеем признаки „расслоения“, распределение крестьян на

---

1) Чернышов—у. с. стр., 22.

2) Ок. 2,2 гект.

3) Там же, стр. 23.

4) Семевский, стр. 104.

группы—„лучших“, „средних“ и „молодших“, то тем более, то же явление наблюдается в XVIII и первой половине XIX в.в. Крепостной крестьянский мир имел свою верхушку, которая обычно выдвигала своих представителей на должности по крепостной администрации и давила на остальную массу крепостного деревенского люда. При производстве переделов, деревенская верхушка естественно стремилась к обеспечению своих интересов и к подавлению интересов бедноты. Указанное явление в некоторых случаях принимало настолько резкие формы, что влекло за собой вмешательство помещика, который был заинтересован в перебойном отбывании крестьянами своих повинностей и вынужден был призывать крестьянский мир к тому, чтобы „бедных конечно не обидети“, т.-е. чтобы не разорить их в конец.

Если земельные переделы являлись в глазах помещика не более, как средством, обеспечивающем исправное отбывание крестьянских повинностей, то они и прекращались волею того же самого помещика, когда помещичьи интересы получали свое осуществление иным путем. Приэтом, необходимо заметить, что зачастую прекращение переделов вполне соответствовало интересам более зажиточной части крестьянства, которая тем самым получала возможность сохранить в неприкосновенном пользовании свои земельные наделы, обычно превышавшие размер наделов прочих групп крестьянского населения.

Важнейшая литература к первой главе.

1. Покровский.—Русск. Ист. изд. 1924 г., т. 3.
2. Рожков.—Русск. ист. в сравнит. излож., т. V, VII и X.
3. Его - же.—Город и деревня в русск. ист.
4. Лященко.—Очерки аграрной эволюции в России, т. I.
5. Его - же.—Ист. хозяйств. быта России.
6. Туган - Барановский.—Русск. фабрика в ее прошлом и настоящем.
7. Чернышев.—Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет.
8. Игнатович.—Крепостные крестьяне накануне освобождения.
9. Семевский.—Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I.
10. Ключевский.—Курс Русск. Ист., т. IV.
11. Сб. „Великая Реформа“, т. I и II.
12. Романович - Славатинский.—Русское дворянство.
13. Латкин.—Ист. русск. права.
14. Готье.—Очерк истории землевладения в России.
15. Ефименко.—Ист. украинск. народа.

ГЛАВА II-я.

Переселения и переселенческие мероприятия в крепостную эпоху.

Миграционные процессы. Отход сельского населения. Направление переселенческого движения. Основные виды колонизации. Переселения и вопрос о малоземелье. Вольнонародные переселения и их ближайшие причины. Крестьянские побеги. Отношение правительства к крестьянским побегам. Устройство беглых на новых местах. Владельческая колонизация. Правительственная колонизация. Заселение Ингерманландии. Ингерманландское межевание. Колонизация Закамья, Слободской Украины, Новороссии. Устройство и заселение Украинской линии. Колонизационое значение Украинской линии. Другие случаи военноземледельческой колонизации в XVIII в. Переселения дворцовых и государственных крестьян. Колонизация и национальный вопрос. Иностранная колонизация в России. Значение колонизации для земледелия.

§ 1. Миграционные процессы. Отход сельского населения. С дальнейшим углублением денежного хозяйства, происходящим непрерывно в течение рассматриваемой эпохи, с возникновением и ростом промышленности увеличивается городское население, отрывающееся от занятий сельским хозяйством.

С 1724 по 1796 год население городов выросло с 328 тыс. 1.301 тыс., т. е. почти в четыре раза. Вместе с тем культурно бытовой и хозяйственный облик города выделяется более резкими чертами. В Московскую эпоху город, по своей экономической физиономии в значительной мере сливался с сельскими местностями, его окружавшими, и занятия городских жителей мало чем отличались от тех промыслов, которые господствовали и в сельских местностях. Теперь же город все больше и больше становится сосредоточием торговли и промышленности, где сельский житель продает продукты сельского хозяйства и приобретает необходимые ему предметы, которые он не может произвести у себя дома или находит такое производство невыгодным.

Рост промышленности и связанный с ним рост городов, торговли, кустарных промыслов, возможность найти заработок, вне дома и помимо сельского хозяйства и проч. содействовали экономическому оживлению страны, усиливали экономические и бытовые связи и т. п. Это оживление выразилось прежде всего в передвижениях самого населения или в так наз. миграционных процессах. Последние будут нам изложены более подробно в дальнейшем. Здесь же предварительно мы кратко укажем на связь отхода сельского населения, совершавшегося притом легально, с развитием промышленности.

Несмотря на крайнее стеснение свободы передвижения, вызванное полицейским характером государства и усиленное крепостным правом, русская деревня XVIII века, по крайней мере, в районах, подвергшихся достаточному влиянию промышленности, далеко не представляется неподвижной. Напротив, она обнаруживает сильное распространение отхода крестьян на дальние заработки, причем отход этот увеличивается от десятилетия к десятилетию.

Так по Ярославской губернии было взято паспортов:

в 1778 году	53.656
в 1788 „	70.144
в 1798 „	73.663
в 1802 „	60.639

Если сопоставить приведенные цыфры с общим количеством населения Ярославской губернии, то окажется, что в конце XVIII столетия, около 20% мужского населения или около одной трети всего взрослого мужского населения губернии уходило на сторону. Отход по другим губерниям был хотя и менее значительным, однако все же развит довольно сильно. Так по Московской губернии он достигал до 10% всего мужского населения, по отдельным уездам Костромской губернии в ее границах XVIII в. он колебался от 5—20% и т. д. [1]). Немудрено, что наблюдателям из иностранцев казалось, что в некоторых местностях на заработки ушло все взрослое мужское население, оставив земледелие исключительно женщинам [2]). Еще большее значение имели переселения, совершавшиеся на дальние расстояния и сопровождавшиеся полным хозяйственным отрывом переселенцев от прежних мест жительства.

§ 2. Направление переселенческого движения. В рассматриваемое время, как и прежде, наибольшее число переселенцев, доставляли такие районы, в которых было относительно наиболее густое население и где крестьянским массам жилось особенно тяжело. Районами выхода по прежнему оставались, главным образом, центральные области государства. Главную господствующую массу лиц, переселявшихся на новые места составляло русское земледельческое население.

Иногда, переселенцы, принадлежавшие к массе крестьянства, на новых местах приобретали характер военно-земледельческий. Иногда, напротив, население, бывшее в начале военно-земледельческим, постепенно утрачивало черты военного быта и становилось вполне мирным, чисто земледельческим. Такое изменение обусловливалось тем, что места, бывшие в эпоху их первоначального заселения окраинами государства, которые нуждались не только в мирном их освоении, но и в военной защите, теряли свое первоначальное значение, а окраинами становились другие области, где колонизация повторяла свой военно земледельческий характер.

---

[1]) Туган-Барановский. „Русская фабрика“, стр. 42—43.

[2]) Пичета. „Пом. крестьян в Великорос. XVIII в“. Сб., „Великая реформа“ т. II, стр. 11.

Вместе с тем, некоторые обстоятельства изучаемой эпохи, о которых будет сказано ниже, послужили причиной довольно значительного переселения в Россию иностранцев. Для призыва и устройства этих последних в Россию было затрачено немало усилий.

Пути, по которым направлялось переселенческое движение, были также старыми проторенными дорогами. Как и прежде, земледельцев центральной России с ее изнуренной и неподатливой почвой, частью покрытой лесами и болотами, привлекали к себе просторные степи юга, низового Поволжья и востока с их тучной землей и редким населением. В эти заветные вольные места направлялись переселенцы то в одиночку, то целыми толпами, то по собственному почину, тайком от помещика и властей, то напротив, по инициативе самих земледельцев, по их распоряжению и при их содействии. Переселение вызывалось не одними причинами экономическими, но также и социально-политическими. Вследствие этого и направление движения переселенцев обусловливалось не одними лишь естественными свойствами тех местностей, куда они направлялись. Переселенцы стремились найти не только более благоприятные условия для своей хозяйственной деятельности, но и свободу от государственного тягла и помещечьего произвола. Земледельческое население зачастую уходило на такие места, где оно надеялось устроить свою жизнь более свободно, хотя бы эти места и не имели земельного простора южных и восточных окраин. Этим обстоятельство приходится об'яснить отлив населения в прибалтийские губернии, Польшу и Литву. Эмиграция населения на Запад наблюдается в течение почти всего XVIII века.

С другой стороны, чисто политические соображения заставляли правительство обращать внимание на заселение таких местностей, которые, не представляли благоприятных условий для сельского хозяйства, имели однако, весьма большое значение в других отношениях. Правительство, заинтересованное в усилении в таких местностях желательного элемента, стремилось направить туда добровольное переселение или принимало даже меры к их заселению в принудительном порядке. Таковы были, например, мероприятия по заселению так наз. Ингерманландии русскими колонистами, поселение военного и военно-земледельческого люда на Юго-востоке и Востоке и т. д.

Следует, однако, иметь в виду, что наибольшей мощностью обладали народные движения, направленные к заселению южных и восточных окраин.

Главная масса переселенцев в рассматриваемую эпоху приходится на местности Европейской России. Переселение за Урал, до 60-х г.г. XIX стол. не успело получить широкого развития. Ограничиваясь пределами Европейской России, мы можем наметить следующую постепенность в порядке заселения отдаленных местностей: до второй половины XVIII века переселенческое движение направляется по преимуществу в области, непосредственно прилегающие к старым центральным районам государства. Эти области стали заселяться еще в Московскую

эпоху. Таковы позднейшие губернии — Тамбовская, Курская, Воронежская, Рязанская, Пензенская и Среднее Поволжье. Сравнительно меньше был приток переселенцев из центра в Харьковскую губернию, составлявшую тогда так наз. „Слободскую Украину“, а также в Малороссию или левобережную Украину.

Слободская Украина еще в XVII веке была заселяема выходцами из правобережной Украины. В XVIII столетии продолжается ее заселение теми же элементами, причем правительство по соображениям политическим, по крайней мере до второй половины XVIII века, затрудняло великороссийским переселенцем доступ как в слободскую Украину, так и в Малороссию в собственном смысле. т. е. в левобережную Украину („Гетманщину“). Что же касается правобережной Украины, то, как известно, до последней четверти XVIII века, большая ее часть входила в состав Польши и кроме того имела собственное довольно густое население. Правобережная Украина была сама районом выхода переселенцев. Выселение с правого берега Днепра об'яснялось как экономическими причинами, так и теми потрясениями, которые испытывал этот край в конце XVII столетия, вследствие происходивших на его территории междоусобий и войн.

Со второй половины XVIII столетия переселенческое движение направляется дальше на юг и юго-восток — в Новороссию, Донскую область, Северный Кавказ, в низовое Поволжье, Башкирию, Оренбургский край. Это движение также началось еще в XVII столетии, продолжалось в течение первой половины XVIII века, во второй половине XVIII века усилилось и не прекращалось уже до конца изучаемого периода. Районами выхода наравне с центральными областями государства становятся мало по малу также и те местности, которые в начале являлись районами заселения. Переселенческое движение, начиная со второй половины XVIII века, направляется даже главным образом из тех местностей куда оно ранее шло.

§ 3. Основные виды колонизации. Переселенческое движение выливалось в три основные формы, в соотвествии с чем различают вольно-народную колонизацию, помещичью и правительственную. Они различались между собой как по вызывавшим их причинам, так по характеру участвовавших в них элементов, так, наконец, по их влиянию на народно-хозяйственный быт. Все указанные виды переселений, вопреки мнению некоторых авторов, существовали и в Московскую эпоху. Под влиянием некоторых условий в изучаемый период значительно увеличились сравнительно с прежним, размеры помещичьей колонизации. Впрочем, и в рассматриваемое время эта последняя совершенно бледнеет по сравнению с тем мощным движением, какое представляло собой вольно-народные переселения.

Вольно-народные переселения совершались по инициативе самих народных масс, их средствами и силами. Главнейший контингент переселяющихся составляли земледельцы. К ним примыкали также различные вольные элементы, лица, оказавшиеся как бы за пределами тогдашнего

общества, „гулящие люди“. Впрочем, этот контингент был немногочисленен. Их количество особенно сократилось после реформ Петра I, в силу которых все гулящие люди должны были избрать себе род занятий и были записаны либо в мещане, либо в крестьяне государственные или помещичьи.

Вольно-народными переселенцами всегда руководила надежда устроиться на новых местах лучше и свободнее чем жилось на родине.

Стремление уйти из-под действия гнетущих условий жизни было столь могущественно, что ему не могли воспрепятствовать ни строгая правительственная регламентация, до крайности стеснявшая свободу передвижения, ни факт прикрепления огромнейшей части земледельческого населения к помещику либо к государству. Крестьяне сотнями и тысячами покидали родные, но неприветливые места и шли проторенными в свое время дорогами, которыми уходили их предки от тяжестей московского тягла.

Вольно-народные переселения в значительнейшей своей части были ничем иным, как бегством населения и должны быть рассматриваем в связи с этим последним явлением. Эти переселения носили стихийный характер. Напротив, деятельность правительства по заселению тех или иных районов исходила из определенных целей и являлась продуктом сознательного творчества. Правительственные переселения совершались по инициативе правительства и заключали в себе либо непосредственную деятельность по заселению отдельных местностей и устройству переселенцев, либо посредственное содействие переселениям в смысле создания условий, поощряющих эти последние.

Колонизационные мероприятия, их географическое направление и содержание, полностью отражали в себе господствующий экономический интерес эпохи. В основе их лежало с одной стороны стремление к расширению сельского хозяйства в экстенсивных его формах, путем включения в сельско-хозяйственный оборот новых земель, а с другой — борьба за рынки и за обеспечение торговых путей. И та и другая задача неизбежно влекли за собой захватический характер колонизационной политики правительства, непосредственную связь колонизационной деятельности с теми или иными военными предприятиями, военно-земледельческий характер отдельных видов колонизации и т. п. Само „окно в Европу“ — приобретение территории на побережье Балтийского моря диктовалось интересами торгового капитала. Завоеванные земли необходимо было закрепить за Россией. Отсюда возникли правительственные мероприятия по заселению Ингерманландии т.-е. местностей, прилегавших к новой столице, о чем уже говорилось выше.

Интересы, связанные с сельским хозяйством и торговлей на юге, юго-востоке и востоке, явились причиной продолжения и усиления экспансии в указанных направлениях. Эта экспансия выражалась в войнах и военных экспедициях, а также в различных видах колонизационной деятельности, в той или иной мере сочетавшей военные и земледельческие элементы.

Наконец, последний вид переселения совершался по инициативе самих землевладельцев, по их распоряжениям и при их содействии. Имея в своей основе универсальный факт общественного строя эпохи — крепостное право, этот вид переселения подчинялся известному экономическому расчету помещиков, которым освоение новых земель и заселение их крестьянами доставляло непосредственную выгоду.

§ 4. Переселения и вопрос о малоземельи. Ближайшие причины переселений весьма разнообразны. Они варьируются также для отдельных местностей. Подробное их рассмотрение всего удобнее произвести в связи с изложением, касающимся отдельных видов переселений.

Вместе с тем в обозреваемую эпоху имелась одна причина, действие которой было более или менее постоянным и заметным, как в отдельных конкретных случаях переселений, так и в общем их направлении.

Такой причиной являлось малоземелье, ощущавшееся особенно сильно в центральных старо-обжитых областях государства.

На первый взгляд кажется странной наличность малоземелья в изучаемую эпоху. Между тем малоземелье устанавливается как свидетельствами современников, так и другими обстоятельствами. Так, у некоторых писателей второй половины XVIII века мы встречаем вполне определенные указания на него. С другой стороны жалобами на малоземелье полны крестьянские наказы, поданные в комиссию по составлению уложения 1767 года.

Однако, для надлежащего понимания этого явления и его значения необходимы некоторые раз'яснения. В земледелии центральных областей государства еще задолго до XVIII века наблюдалось широкое развитие трехполья. Притом уже в конце XVII столетия густота населения Московского центра дошла до 37 — 39 человек на кв. клм., т.-е. была близка к предельной величине, возможной при трехпольном севообороте и теоретически исчисляемой некоторыми авторами в 40—45 человек на квадратный клм. Правда, Петровские реформы и его бесконечные войны сильно сократили население и понизили его плотность, но впоследствие естественный прирост населения пополнил происшедшую убыль. Легко допустить, что в течение XVIII века в различных местностях сельско-хозяйств. население могло дойти до конечной грани, допускаемой господством трехполья и испытать тот относительный характер малоземелья, который заключается в том, что земли не хватает не потому, что ее абсолютно мало, а в том, что она не в состоянии прокормить существующее население при данной системе хозяйства.

Благодаря указанному обстоятельству к концу XVIII века в центре обнаруживаются признаки сельско-хозяйственного кризиса: появляются избыточные рабочие руки, начинает ощущаться недостаток земли. На Севере, с его подсечной или лядинной системой полеводства наблюдается то же самое явление, только там относительное малоземелье должно было наступить еще быстрее вследствие господства еще более экстенсивного земледелия, чем в центре. Выходом из наметившегося кризиса

было бы увеличение запашек, но препятствием к тому служили как естественные, так и социальные условия. С одной стороны дальнейшее расширение запашек оказывалось невозможным, благодаря плохому качеству почвы в нераспаханных местах, обилию лесов и болот и т. д. С другой стороны удобные для распашек места находились часто в собственности отдельных лиц, учреждений, казны и т. д. Они часто вовсе оказывались запретными для земледельческого населения.

О наличности малоземелья в XIX веке могут свидетельствовать данные, касающиеся положения государственных крестьян в 30-х и 40-х г.г. этого столетия. Более подробно эти данные будут рассмотрены нами в дальнейшем изложении.

Необходимо иметь в виду, что в рассматриваемую эпоху малоземелье носило относительный характер не только в указанном выше смысле, но также и в смысле того, что различные группы оказывались имеющими различное земельное обеспечение. В предшествующей главе мы разобрали вопросы о земельных наделах крепостных крестьян. При этом необходимо иметь в виду что крепостные крестьяне, в особенности барщинные, были обеспечены землей хуже, чем государственные. Следовательно—„земельное утеснение“ у крепостных крестьян должно было ощущаться острее, чем у других групп крестьянского населения. С другой стороны при наличии достаточной средней земельной обеспеченности государственных крестьян, отдельные их категории в различных районах могли также испытывать и действительно испытывали недостаток в земле. Даже сравнительно хорошо обеспеченные землей крестьяне могли стремиться к переселениям вследствие того стеснения в своем землепользовании, которое они терпели от захватничества со стороны помещиков. В крестьянских наказах, поданных в Комиссию Уложения, мы встречали не только жалобы на дворянские захваты, но и указания на то, что захваты со стороны дворян вынуждают крестьян стремиться к переселениям. Там же мы находим немало указаний самих крестьян на те способы, какими по их мнению, можно было бы ослабить острую нужду в земле. Наряду с просьбами о разрешении переселений крестьяне ходатайствуют также о дополнительном наделении землей. Некоторые наказы устанавливают и норму наделения. Так один из них настаивал на необходимости произвести земельное наделение из расчета 15 дес. на ревизскую душу. Небезинтересны приводимые наказом мотивы ходатайства: „И если более оного числа десятин не последует, то в земле имеет быть крайний недостаток, потому что земля не хлебородная и не более как засеяна и хлеб сниман бывает лет 10. А потом оставя распахиваем в других местах“.

В соотвествии с господством подсечной системы в северной и восточной России крестьяне в этих местностях просили в своих наказах о дозволении им свободно расчищать лесные заросли под пашни и покосы.

Значение малоземелья, как фактора, обусловливавшего необходимость переселения, особенно заметно в отдельных конкретных случаях.

Так в 1795 году правительство констатировало что нигде дворцовые крестьяне не терпят такой нужды как в Московской губернии, где „от худой и выпаханной земли никогда хлеб не родится, а в иных местах хотя и родится, токмо за тесным расселением той земли и надлежащих им участков довольно не достает и оттого приходят в нищету“. Выход из описанного положения само правительство усматривало в переселении части крестьян на другие более свободные места. О таком переселении правительством и были сделаны тогда же соответствующие предположения.

Однако, как ни велико было влияние указанной причины на развитие переселенческого движения, значение его отнюдь не следует преувеличивать. Рядом с этой причиной и помимо нее действовали другие факторы, вызывавшие у населения стремление к переходу на новые места. Особенно сильным было действие крепостного права и связанной с ним эксплоатации личности и труда крестьянина.

§ 5. Вольно-народные переселения и их ближайшие причины. Мы знаем, что крепостное право и количественно и качественно беспрерывно возрастало в течение всего XVIII столетия. Теряя в процессе развития крепостных отношений личные и имущественные права, становясь игрушкой в руках помещика, не находя защиты ни в законе, ни в суде, крестьянин видел в бегстве единственный выход из своего безмерно тяжкого положения.

Ничем иным, как бегством, тайным уходом от крепостного тягла являются переселения крепостных масс, когда они совершались по инициативе и средствами самих крепостных. Крестьянство жадно ухватывалось за всякую легальную или полулегальную возможность переселения. Существуют известия, что когда помещикам в половине XVIII века предоставлено было право ссылать своих крепостных в Сибирь, то среди крестьян находились лица, которые намеренно вели себя по отношению к своим владельцам так, чтобы вызвать помещика на применение к ним указанной меры. Таким исключительным и тяжелым путем они надеялись получить свободу от крепостного тягла.

С другой стороны, время от времени среди крестьянской массы порождались и распространялись слухи о правительственных разрешениях на самовольное заселение тех или иных окраин. Так в 20-х г.г. XVIII века, значительное количество крестьян и однодворцев бежало на так наз. царицынскую линию. Беглецы оправдывали свой поступок царским указом, в силу которого будто бы всяких чинов люди могли свободно селиться вблизи устроенных на царицынской линии казацких городков и в самих городках. Разумеется царский указ оказался легендой, и самовольным поселенцам пришлось вскоре в этом убедиться. Все они были возвращены на прежние места жительства.

Мы знаем, что особенно тяжело было положение барщинных крестьян. Естественно, что и стремление к бегству среди них было сильнее, чем у крестьян оброчных. Зато и бежать барщиннику было гораздо труднее, чем оброчнику. Барщинный крестьянин всегда находился под зорким глазом управителя, приказчика или бурмистра, и он больше, чем кто либо

другой, рисковал неудачей побега и жестокой расплатой за свою дерзкую попытку.

По мере того, как крепостное право все более и более давило личность крестьянина, жажда воли становилась все сильнее и сильнее у всех разрядов крепостных крестьян.

Последними руководило желание — уйти из под крепостного гнета, который сам по себе был невыносим в особенности для лиц, сохранивших сознание своего человеческого достоинства, независимо от того, какими ближайшими экономическими и хозяйственными условиями сопровождалось крепостное состояние. Вот почему случаи крестьянских побегов наблюдались не только у тех помещиков, у которых крестьянам жилось особенно тяжело, бежали также и от тех владельцев, у которых им жилось сравнительно легко. Имеется немало свидетельств о том, что крепостное право само по себе, независимо от личности владельца, являлось побудительной причиной крестьянского бегства.

В том же направлении, как крепостное право, действовали и такие условия тогдашней политической обстановки, как рекрутчина, религиозные преследования (гонения на раскол), особенно свирепствовавшие в первой половине XVIII века и наконец налоговая тягота в связи с теми суровыми, часто жестокими приемами, к которым прибегало правительство для получения податей и недоимок.

Если крепостное право сильнейшим образом содействовало бегству крепостных, то остальные условия давили в той же мере на крепостных, как и на государственных крестьян.

Как известно, в начале XVIII века была произведена крупнейшая финансовая реформа, сущность которой сводилась к замене ряда существовавших ранее налогах подушной податью. Эта реформа чрезвычайно упростила податную систему, сделав ненужным производство прежних дорогих и сложных земельных адастров, но она страшной налоговой тяжестью легла на плечи обедневшего, разоренного войной и рекрутчиной и административными злоупотреблениями крестьянства. Положение крестьян было тем более тяжким, что помимо подушной подати, население обязано было выполнять ряд натуральных повинностей, которые поглощали немало его трудовой энергии. Возрастание налогового бремени в связи с общим потрясением хозяйства, как следствие войны и реформы, явилось причиной податной неисправности населения. Уже вскоре после введения подушной подати начали обнаруживаться недоимки в платежах, достигавшие очень солидных размеров. Так за время с 1731 по 1734 год в недоимках числилось около 1, 5 мил. рублей, причем в дальнейшем недоимка возрастала весьма быстро: в течение только 1735 и 1736 г.г. прибавилось около 700 тыс. рублей. Все это суммы по тому времени — огромные. Привительство вынуждено было несколько раз слагать недоимку полностью или частично, но более всего, конечно, оно было озабочено своевременным взысканием податей.

С самого начала установления подушной подати тянется ряд правительственных мер, направленных в эту сторону. Мерам этим нельзя

отказать в решительности, но сама их суровость только ухудшала и усложняла положение.

Уже при Петре I к делу взимания подушной подати были привлечены воинские команды, которые терроризировали не только крестьян, но и землевладельцев. Мера эта была предпринята Петром в связи с совершившимся после войны переходом армии на мирное положение и произведенным расквартированием войск, из чего собственно выросли и „ревизии“ и сама подушная подать. Петр находил необходимым участие офицеров в сборе податей, дабы, как он выражался, в это дело „добрый аншталь внести“.

„Долго помнили плательщики этот добрый аншталь“, замечает по этому поводу проф. Ключевский. „Полковые командиры, руководившие сбором подати“, пишет он далее, „были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям года и каждая экспедиция длилась два месяца. Шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержавшихся приэтом, на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций“[1]).

Уже вскоре после смерти Петра обнаружились следствия такой системы взимания податей. Крестьяне продавали за бесценок пожитки, скот и хлеб и спасались бегством. Связь крестьянских побегов и существовавших способов взимания подушной подати устанавливается хотя бы на основании следующего факта: в районе расквартирования одного из полков вскоре после смерти Петра оставалось менее половины назначенных на содержание полка ревизских душ.

Ближайшие преемники Петра не внесли в дело взыкания податей каких либо улучшений. Напротив того в 30—50-х г.г. XVIII века взыскание окладных сборов и недоимок производилось с особой жестокостью. Тюрьма, правеж, батоги, конфискация, штрафы, обильно уснащают изданные в эту эпоху законодательные и правительственные распоряжения, имевшие целью понудить местные власти и население к исправному и своевременному выполнению повинностей перед государством.

Правительство, находя, что местная администрация производит взыскания недостоточно энергично, посылало из центра особых офицеров, которые были уполномочены не только на самые решительные меры по отношению к плательщикам, но и на репрессии по отношению к самим воеводам и губернаторам. Первоначально предполагалось предоставить особо посылаемым военным чинам право держать губернаторов и их товарищей в канцеляриях „без выпуска“, т.-е. подвергать этих высших чинов местной администрации аресту, а воевод, секретарей и неисправных офицеров-сборщиков предоставлялось право держать даже скованными, доколе платежи не поступят сполна. В окончательном виде эти понудительные средства получили несколько более смягченные формы: именно за „нерадетельный“ сбор подушных денег все местные власти подлежали штрафу, который был тем выше, чем выше была должность.

---

[1]) Ключевский, Курс Р. И. т. IV.

До взыскания штрафа и представления денег должностные лица должны были содержаться под арестом в канцеляриях. Впрочем практика, по видимому, склонялась к расширительному толкованию этих и без того широких и чрезвычайных полномочий. Современники и равно лица близкие к описываемой эпохе говорят с „нарочных гвардии офицерах“, которым „вольно было держать воевод и губернаторов скованными до тех пор, пока взыскана будет вся недоимка“.

Легко себе представить, с какой мрачной энергией должна была действовать местная администрация, напуганная перспективой попасть в оковы. Продажа последнего крестьянского имущества, самые тяжкие формы правежа, кандалы и тюрьма были широко практиковавшимися приемами при взыскании податей и недоимок. Ответом на эти приемы явилось широкое распространение крестьянских побегов, выражавших собой пассивное сопротивление крестьянской массы.

Повальное бегство из многих губерний, наблюдавшееся в 30-х г.г. XVIII века, вызвано было столько же случившимся в 1733 году голодом, сколько и выколачиванием недоимок. По сведениям военной Коллегии за время с 1719 по 1727 год числилось в бегах около 200 тыс. душ м. п., что составляет весьма заметный процент тогдашнего населения. По сведениям той же коллегии недоимка подушного сбора за время с 1724 по 1742 год, достигла внушительной цыфры в 5 мил. рублей, „которую за совершенной пустотой никак выбрать неможно“.

По имевшимся в Сенате данным оказывалось, что во многих деревнях оставалась половина и менее записанных в актах плательщиков. Остальные выбыли, умерли или находились в бегах. Наличность круговой поруки, при которой взыскание падало на целые податные об‘единения,— крестьянские „миры“, еще более усугубляла тяжелое положение остававшихся и со своей стороны создавало новый стимул к побегу. Так одна волна беглецов вызывала другую, следующую...

Рекрутчина и преследование раскола по вполне понятным причинам также являлись побуждением к крестьянскому бегству. Религиозные преследования раскольников имели вообще заметное значение в истории переселений рассматриваемой эпохи. На восточных и Юго-восточных окраинах, в глуши северных лесов прятавшиеся от начальственных взоров раскольники основывали поселения и вносили хозяйственное оживление в пустынные края. Частью раскольники бежали за рубеж, главным образом в Польшу и Литву. Некоторые из беглецов во второй половине XVIII века явились обратно по вызову правительства и основали ряд раскольничьих колоний-скитов. Таковы знаменитые в истории русского раскола Иргизские скиты.

К числу причин, вызывавших крестьянские побеги, следует отнести также и те злоупотребления, которые широко практиковались, как частными лицами, так равно и администрацией. В особенности тяжело отзывалось на государственных крестьянах их фактическая беззащитность в поземельном отношении. Нам уже известны случаи захватов земель, находившихся в пользовании государственных крестьян. Нередко и сами

крестьяне делались предметом порабощения со стороны сильных и безответственных соседей. Мы знаем, что жалобами на подобного рода явления полны крестьянские наказы, поданные ими в комиссию 1757 года. В отдельных случаях захваты лишали крестьян необходимых для них угодий и являлись причиной испытывавшихся отдельными крестьянскими обществами недостатка в земле. Этот недостаток и правовая беспомощность крестьян заставляли их покидать родные места, где они не могли найти защиты против сильных своими деньгами и влиянием захватчиков. Захваты крестьянских земель практиковались особенно широко на окраинах, где злоупотребления облегчались удаленностью от центра. Если мы примем во внимание, что именно туда направлялись и переселенческие потоки, то мы легко поймем, как неустойчива была жизнь переселенцев и на новых местах.

Возможность земельных захватов, помимо прочих условий, в высшей степени облегчалась полной неопределенностью границ, в которых происходило пользование крестьян. От захватов теряло и само государство, которого таким путем урывали значительные пространства земли, но непосредственно страдали от них, конечно, крестьяне.

Наконец, причиной, вызывавшей переселения, были различные стихийные бедствия. Среди них важнейшую роль играл голод, от которого столь часто страдала страна и борьба с которым в условиях изучаемой эпохи была в особенности затруднительной, благодаря недостатку, а местами и полному отсутствию путей сообщения и невозможности, вследствие этого, своевременно подвести хлеб в голодающие губернии.

Связь между крепостным правом и вообще тяжелым положением крестьян и их побегами установлена самими современниками. Так, известный администратор Екатерининской эпохи Сиверс указывал на — „тиранство господ“, как на причину усиления бродяжничества. Другой деятель того же времени П. И. Панин полагал причинами крестьянских побегов — тяжесть оброков и барщины, продажу людей в розницу, рекрутские наборы, преследование раскола, злоупотребления администрации и проч.

Каковы бы ни были причины, заставлявшие крестьян, в особенности крепостных, пускаться в бега и как бы ни был велик поток этих беглецов, не одно крестьянство составляло его волны. Вместе с крестьянами покидали родину и разные вольные „гулящие“ люди, отбившиеся по тем или иным причинам, от привычного положения, элементы, не укладывавшиеся ни в одну из искусственно созданных полицейским государством социальных ячеек. Сама неопределенность и неустойчивость их положения побуждала их к бродяжничеству. В стремлении поудачнее и повольнее пристроиться колесили они по лицу земли русской, являя собой, если и не очень значительный количественно, то весьма интересный и своеобразный с бытовой точки зрения, элемент переселения.

Наконец, оказывались в бегах и служилые люди, само собой разумеется, составлявшие низший слой служилого класса, всех этих бесчисленных пушкарей, затинщиков, рейтар, пашенных солдат и проч. Бег-

ство служилых людей имело своей причиной те тягости, с которыми была сопряжена воинская служба. Служилые люди бросали, как и крестьяне, свое имущество и дома и уходили в другие места. В одном из городов, в котором числилось 148 служилых людей, в разное время бежало 73 человека, то есть ровно половина[1]). Как и все вообще бежавшие, этот разряд беглецов также стремился перейти из более центральных областей в более отдаленные места.

По мере сближения в бытовом и юридическом отношении служилых людей с крестьянами, побеги первых становятся типичным крестьянскими побегами.

§ 6. Отношение правительства к крестьянским побегам. Крестьяне иногда уходили от помещика открыто, но так могли поступать лишь крестьяне окраинных местностей, где власть помещика была слаба и обращение к администрации не всегда возможно за отдаленностью жительства властей. Чаще же всего, конечно, крестьянам приходилось уходить тайком, иногда под предводительством бывалых людей, которые брали на себя обязанности проводников. Бывали случаи, что эти проводники сами же грабили и даже убивали доверившихся им людей. Иногда задумавшие бежать крестьяне посылали наперед проведывать про вольные места. Так явились предшественники позднейших „ходоков.“

Само собой разумеется, что ни правительство, ни помещики не оставались равнодушными зрителями происходивших массовых побегов. Владельцы боролись с ними и домашними средствами и при содействии властей. Известны случаи обращения помещиков к верховной власти с просьбой принять меры против крестьянских побегов. Так в конце XVIII века Воронежское дворянство обратилось с просьбой, указывая, что побеги увеличились со времени обнародования манифеста о 5-ой ревизии и сильно разоряют дворян. „Настала лишь весна, настали новые побеги, новые подговоры, новые буйства“, жаловалось Воронежское дворянство, „упадок домостроительства, опустелые земли, презренное хлебопашество, брошенное скотоводство, потерянные крестьян, разграбление беглецами помещичьего имущества, тайные подговоры и явные под прикрытием вооруженных конвоев уводы, разбитие капитан-исправников с учрежденными от правительства для удержания их раз'ездами, платеж за них податей, поставка рекрут... наводят дворянству горесть и сетование“....[2])

---

[1]) Проф. Багалей — Очерки по истории колонизации Степной Украины Московского государства.

[2]) В дворянских наказах, поданных в Комиссию по составлению Уложения 1767 г., во множестве рассеяны жалобы на крестьянские побеги и на неудачи практиковавшихся мер борьбы с ними и на необходимость усиления этих мер. Жалобы эти исходят гл. обр. от дворян пограничных губерний (Псковская), а также—проживавших вблизи местностей, занятых казачьими поселениями. Так дворянство Воронежской провинции в своем наказе жаловалось: «Чувствительное отягощение есть от беглых по смежности Волжского и Донского войск.: люди и крестьяне во всегдашнее время в те места бегут большим числом безо всякого препятствия, и в сыске их и в вывозе... никакого способу нет; случается же, но по самой редкости, некоторых и высылают, но задержание безо всякого удовольствия». Воронежские дворяне обвиняли в приеме беглых не только войсковые казачьи канцелярии, но и монастыри. Сб. Рус. Ист. о-ва, т. 68, стр. 3859—360

Административные меры заключались в содействии органов власти к поимке бежавших, к предупреждению побегов, к возвращению беглых их старым владельцам. Правительство устраивало в тех местах, через которые обычно проходили беглые, особые заставы, организовывало целые воинские экспедиции для их преследования и поимки. В далекой Сибири для этой цели были отряжены особые драгунские команды, которые занимались ловлей всех беспаспортных и подозрительных лиц. В отдельных случаях, таким образом удавалось кое-что сделать. Так при Петре I воинской экспедицией на Дону было схвачено до 300 беглых и возвращено на прежние места. Эта мера послужила одним из поводов к Булавинскому бунту. Уже в 40-х г.г. XIX стол. был предупрежден побег 20 тыс. человек из 46 имений Курской губернии, но в общем борьба правительства с побегами таким путем давала незначительные результаты.

Бежавших было слишком много и побеги принимали иногда прямо стихийный характер. Местами вспыхивало нечто подобное эпидемии побегов, развивалась страсть к бродяжничеству. Условия жизни в коренной России были таковы, что крестьян не могли остановить ни страх правительственных репресий, но заставы, ни таможни, ни драгунские пикеты. С другой стороны, как мы видели из обращения Воронежского дворянства, беглецы иногда организовывали вооруженные сопротивления полицейским и воинским командам и действовали при этом не без успеха.

Более заметных результатов удалось правительству достигнуть, повидимому, в Сибири, где драгунские команды терроризировали население и являлись настоящей грозой для всякого бесприютного и беспаспортного люда. По крайней мере, историк Сибирской колонизации (Ядринцев) склонен об'яснить незначительность вольнонародных переселений в Сибирь в рассматриваемую эпоху принятыми правительством энергичными мерами против беглых. Прежние представления о Сибирском привольe и раздолье сменились тогда среди населения коренной России рассказами о том, что „в Сибири люди живут под землей и там никогда не светит солнце“.

Если чисто административными мерами далеко не всегда удавалось прекратить или ослабить побеги, то не лучше обстояло дело и в борьбе с ними законодательным путем. Законодательные распоряжения, направленные против побегов издавались в весьма большом количестве, что само по себе свидетельствует о широком их распространении. Было бы слишком утомительным излагать историю законодательства, которым правительство думало бороться с крестьянскими побегами. Поэтому мы остановимся кратко лишь на основных его моментах.

Точка зрения правительства в этом вопросе не представлялось устойчивой и менялась несколько раз. Правительство то грозило жестокими репрессиями как самим беглецам, так и лицам их принимавшим, то, напротив, „мерами кротости“ и обещанием прощения стремились вернуть беглецов на прежние места. То и другое помогало весьма мало. Прямолинейному осуществлению требований возвращения бежавших

препятствовали целый ряд соображений общеколонизационного порядка. Было слишком очевидно, что последовательное проведение в жизнь указов о беглых приведет к обезлюдению окраин, убьет начинающуюся там хозяйственную жизнь. Поэтому правительство часто предпочитало оставлять беглецов на их новых местах, иногда вознаграждая их прежних владельцев выдачей зачетных рекрутских квитанций. Так еще в самом начале XVIII века беглые, водворившиеся в Нижегородском Поволжье, не были возвращены обратно и при первой ревизии их записали в различные разряды государственных крестьян. И в последующем правительство поступало так же неоднократно по отношению к беглым, водворившимся в области войска Донского, в Новороссии, Бессарабии и друг. местах. Уже в 30-х г.г. XIX в., когда незадолго перед тем масса крестьян передвинулась в Новороссию и Бессарабию из Тверской, Рязанской и Курской губерний, беглые не были возвращены обратно, так как такая мера подорвала бы развитие края.

§ 7. Устройство беглых на новых местах. Из пограничных губерний потоки бежавших направлялись в Польшу, Литву, Молдавию, Валахию, даже в Остзейский край, но больше всего, конечно, бежали на юг и юго-восток. Вольнонародные переселения, как мы уже говорили, в рассматриваемую эпоху заполняли, главным образом, обширные пустыни, леса и степи Европейской России, однако, и далекая Сибирь не вполне обходилась беглецами. „Рядом с торной дорогой, по которой со звоном кандалов шагали партии преступников, никогда не заростала незаметная лесная тропа, по которой тайком, пробирался „свободный русский переселенец“ [1]).

„Перебираясь через Урал, беглецы терялись в бесконечных лесах и пустынях Сибири, пробираясь одними им ведомыми путями и до Китайской границы, задавались и на север к вечным льдам, доходили и до Камчатки и до безграничных водных пространств Великого океана[2]).“

Как же устраивались беглецы на новых местах? Находили ли они действительное облегчение от тех тягот, которые заставляли их бросить родину?

Устройство беглых на местах их водворения определялось теми условиями, в которые они попадали. Лица, бежавшие на Волгу, становились „волгарями“, пристраивались к судоходному и рыбному промыслам, те, кого судьба забрасывала на Урал, определялись на заводы; впрочем, тяжелые условия заводской жизни делали для них заводы часто лишь временным этапом. Получив вкус к передвижениям они скоро покидали неприветливую заводскую обстановку и либо осаживались в Приуралье, располагались по Оренбургским и Астраханским степям, либо переваливали через Уральский хребет и исчезали в пустынях Сибири. В XVIII веке выходцы из центральной России встречаются не только в западной, но и в Восточной Сибири. Чаще всего, конечно,

---

[1]) Ядринцев — Сибирь, как колония.

[2]) Там же.

переселенцы отдавали себя земледелию, и в этом последнем обстоятельстве и заключается огромное значение побегов — переселений в народно-хозяйственной жизни.

Если в переселениях выразился процесс размещения населения по территории государства, то прямым следствием его явился другой процесс — „рассеяния“ земледелия. Вместе с беглецом переселенцем из центра на окраины шла земледельческая культура, а это обстоятельство имело не только хозяйственное, но и политическое значение. Лишь с появлением земледелия на пустынных окраинах, можно было считать произведенное освоение их государством достаточно прочным. По образному выражению одного из исследователей колонизации, завоеванные обширные территории только тогда получали прочные скрепы с остальной государственной территорией, когда на них падало хлебное зерно завоевателя[1]). Все остальные виды колонизации, как-то военная и промышленная, с этой точки зрения имели лишь предварительное и второстепенное значение. Несмотря на некоторые преувеличения, приведенная точка зрения имеет за собой об'ективные основания. Вместе с тем нельзя не отметить той своеобразной об'ективной трагедии, которую переживал беглец переселенец. Уходя от помещичьего-дворянского гнета, он силою обстоятельств становился об'ективным носителем тех империалистических вожделений, которые питало угнетавшее его самого государство. Выполнявшаяся им, хотя бы и помимо его воли, колонизаторская функция и являлась основной причиной, проявляемой во многих случаях терпимости правительства по отношению к беглецам.

Указанную роль вольнонародная колонизация делила с колонизацией помещичьей и правительственной, поскольку в последних имели также место земледельческие элементы, но вольно-народные переселения численно преобладали над другими формами переселений, а посему и участие их в процессе „рассеяния“ земледелия требует особой оговорки.

Принимаясь за земледелие, переселенцы на новых местах только в редких случаях могли начать хозяйство собственными средствами и силами. Чаще всего у них для этой цели не хватало ни сельско-хозяйственного инвентаря, утраченного в долгой и трудной дороге, или брошенного на произвол судьбы на родине, или наконец, проданного за бесценок, ни семян, ни построек, ни всего того, без чего немыслимо сельское хозяйство. С другой стороны в тех районах, куда проникали беглые, они часто находили уже некоторые зачатки хозяйственной деятельности, возникшие ранее поселения и даже привиллегированных землевладельцев, обычно крайне нуждавшихся в рабочих руках и готовых принять беглецов, несмотря ни на какие запретительные меры. Многие бытовые черты особенно привлекавших к себе районов Юга, как в XVIII так и в XIX в.в. представляли собой подробности, переносившие наблюдатели в XVI и XVII столетия, в эпоху первоначального заселения Украины. Подобно тому, как в там в свое время владельцы, „закликавшие слободу“, т.-е. призывавшие поселенцев на свои земли, ставили крест с проверченными отверстиями, по числу льготных лет или

---

[1]) Ядрищев.

с соответственной надписью, так же точно землевладельцы Донской области выставляли близ своих хуторов рогульки, вроде граблей с зубцами, по числу льготных дней в неделю. Приэтом число зубцов доходило до 3-х, 4-х, и даже 5-ти в зависимости от потребности в рабочих руках и расстояния хуторов от районов выхода переселенцев. Последние уже сами соображали степень выгодности предлагавшихся им таким оригинальным путем условий и либо принимали это молчаливое предложение, либо шли дальше. Подобные же способы зазывания беглых практиковались в Новороссии еще в XIX столетии. Разумеется предоставляемые землевладельцами льготы и сами по себе могли явиться достаточными стимулами к побегу. Здесь кстати упомянуть, что лица, нуждавшиеся в рабочих руках, вели настоящую агитацию среди крестьян с целью подбить их к побегам, причем прибегали к преувеличенным обещаниям. Существуют также извѐстия, что казаки уводили крестьян из соседней Воронежской губернии почти насильственно[1]).

В тех случаях, когда переселенцы осаживались на новых местах собственными средствами и силами, им иногда приходилось встречать недружелюбное отношение старожилого населения. Последнее в иных случаях вступало в открытую вражду с пришельцами. Дело доходило до драк и целых соседских войн, тянувшихся годами[2]).

Как бы то ни было, но из сказанного следует, что беглецы-переселенцы отнюдь не всегда попадали на новых местах в независимое положение. Напротив, не имея за собой в огромном большинстве случаев, ничего, кроме рабочей силы, они и здесь, вдалеке от родины, должны были попасть в экономическую зависимость, которая через более или менее короткий промежуток времени, обычно обращалась и в зависимость юридическую. Тем самым решается вопрос о том, насколько крестьянские побеги доставляли крестьянской массе реальную возможность сбросить тяжести крепостного права.

Выше мы видели, какое значение в широком развитии крестьянских побегов имело последнее. Вместе с тем, следует признать, что крепостное право следовало по пятам за уходившим крестьянином. Беглец, порывая свою зависимость от помещика на старом месте, вынужден был неизменно восстанавливать ее там, куда уходил. Если ему и удавалось временно получить экономическую и юридическую свободу, то эта свобода довольно быстро утрачивалась. Особенно показательным представляется следующий факт: в 20-х г.г. XVIII века в Нижегородском Заволжье, которое было тогда пустынным и малозаселенным краем, скопилось довольно много беглого люда. Этот люд мирно проживал рядом со старожилым населением. Последнее, вследствие земельного простора, не чинило препятствий пришельцам. В первую ревизию (1719 год) все эти беглые крестьяне были записаны в бобыли казенного и дворцового ведомства, т.-е. были причислены к разрядам населения, которые впо-

---

[1]) Семевский, у. с. Багалей — у. с.

[2]) Багалей.

следствие вошли в состав крестьян государственных. Во вторую ревизию мы уже видим часть их за помещиками, а в третью и все они оказались помещичьими[1]).

Факт этот—не единственный. То же наблюдалось и в других местах. Так в Саратовской губернии получение придворными вельможами огромных пространств незаселенных и заселенных земель казенного ведомства привело к закрепощению жившего на этих землях населения, как старожилого так и пришлого. В Аткарском уезде были закрепощены самовольные поселенцы, беглые, однодворцы и проч., как путем пожалования занятых ими земель, так и посредством постепенного и далеко не всегда закономерного, даже с точки зрения дворянского правительства и законодательства, захвата земель и людей помещиками)[2].

В иных местах крестьяне добровольно отдавали себя под покровительство влиятельных землевладельцев. Условия жизни в XVIII веке да и позже, в особенности на новых местах, были таковы, что прожить без защиты сильного человека, представлялось затруднительным. Возникали отношения, напоминавшие собой средневековое „закладничество“ и приводившие в конце концов к полному закрепощению лица, вынужденного искать покровительства. Так явилось „добровольное“ закрепощение. Этим путем, между прочим, попала в крепостную зависимость часть беглых, водворившихся в Аткарском уезде. Добровольное закрепощение особенно широко наблюдалось на Украине

Само собой разумеется, что в виде общего правила не избавлялись самовольные переселенцы и от государственного тягла, рекрутчины, подушной подати и других повинностей, коль скоро государственная власть обнаруживала где бы то ни было самовольно поселившихся лиц.

Итак, следует признать, что крепостное право и государственное тягло беспрестанно настигали уходившего от них крестьянина. Естественно, что если сам побег представлялся следствием недовольства крестьян своим положением, являлся пассивным сопротивлением крестьянской массы угнетавшим ее условиям, то тем более недовольство должно было возрастать, когда крестьянин видел, что уйти от неволи нельзя, что цепкая рука государства и помещика настигают его всюду, куда бы он ни скрылся.

Недовольство это окрепло во второй половине XVIII века, когда с одной стороны для массы крестьянства выяснилась вполне невозможность избегнуть тяготевших над ним условий, а с другой-уменьшилось и количество свободных земель, куда можно было бы уйти и тем хоть на время получить облегчение от крепостного и государственного бремени. Недовольство, в начале глухое, приняло наконец, явственные формы и разразилось кровавым пожаром, потрясшим все здание могущественной с виду империи.

Таким пожаром явился Пугачевский бунт, который был одним из величайших аграрных движений и который питался указанными причинами.

---

[1]) Снежневский.

[2]) Огановский — Очерки по ист. позем. отн. в России.

Положение крестьянства было той социальной почвой, которая сделала возможной пугачевщину. Не случайно главной сценой кровавой трагедии явились юго-восточные и восточные окраины. Именно там скопилось множество недовольного крепостного люда, озлобленного необходимостью покидать родину и нашедшего на новом месте ту самую неволю, от которой он тщетно надеялся скрыться. Пассивный протест, каким были побеги, превратился в открытое восстание против помещика а вместе с тем, и против всего социального и политического уклада.

§ 8. Владельческая колонизация. Если вольнонародные переселения были незаконным, с формальной точки зрения, порождением крепостного права, то другой вид колонизации — колонизация владельческая, помещичья являлась, напротив, прямым и законнейшим его следствием.

В русской литературе высказан взгляд, что со второй половины XVIII века характер переселенческого движения несколько меняется в том смысле, что вольнонародные переселения уменьшаются, а значение помещичьей колонизации заметно увеличивается (Огановский). Уменьшение крестьянских побегов этот взгляд ставит в связь со все увеличивающейся трудностью для крестьян уйти, а также с некоторыми будто бы наступившими улучшениями в их положении, с уменьшением действия некоторых причин, стимулировавших крестьянские побеги. Так указывают, что подушная подать оставалась почти неизменной по абсолютной величине, что при постоянно происходившем падении цены денег, естественно уменьшало ее относительную тяжесть. Далее отмечают ослабление религиозных гонений. С этим взглядом согласиться никоим образом нельзя.

Уменьшение относительной тяжести подушной подати не означало еще уменьшения крестьянских повинностей в пользу государства и помещиков вообще. В своем месте мы приводили рост оброка и барщины, неизменно совершавшийся в течение всего XVIII столетия. Вместе с тем, ослабление религиозных гонений носило неустойчивый характер и после проявления некоторой терпимости в этом вопросе, гонения вновь усиливались.

Можно сказать, что побеги крестьян продолжаются не прекращаясь вплоть до конца крепостной эпохи. Как в конце XVIII века, так и в XIX столетии они попрежнему носят весьма широкие размеры. В конце XVIII века крестьяне массами переходят из Воронежской губернии в Донскую область. В 30-х г.г. XVIII века крестьяне в значительном количестве передвигаются в Новороссию и Бессарабию из губерний Тверской, Рязанской и Курской. В 40-х г.г. того же столетия крестьяне толпами бежали на Кавказ из губерний Саратовской, Курской и Воронежской. Мы приводили факт готовившегося побега 20 тыс. человек из Курской губернии. Побег этот был предупрежден насильственным возвращением беглецов Воронежской губернии.

Да и мудрено было бы ожидать прекращения крестьянских побегов, когда крепостное право продолжало оставаться неустраненным. Можно подметить даже, как изменения в тяжести крепостного состояния не-

медленно отражались колебаниями в количестве беглых. Если принять что положение крепостного в первые годы царствования Александра I было тяжелее, чем в последние годы царствования Екатерины II, вследствие усиления крепостного тягла, то станет понятным и увеличение числа побегов, которое можно констатировать в отдельных случаях. Так, по Арзамасскому уезду Нижегородской губ. за годы 1801—1811 выбежало 491 человек тогда как за годы 1781—1796 из того же уезда выбежало 413 человек. Число беглых в год в первом случае—49 человек, во втором — 28 человек.

За всем тем, начиная со второй половины XVIII столетия помещичья колонизация, т.-е. переселение владельческих крестьян по инициативе помещиков, действительно несколько увеличивается по сравнению как с первой половиной этого столетия, так и с XVII веком. Это оживление колонизаторской деятельности помещиков находится в связи с пожалованием дворянству огромных земельных пространств на юге и юго-востоке, слабо заселенных или не заселенных вовсе. К этому надо присоединить также приобретение помещиками обширных земель Оренбургской губернии, путем их покупки у старинных обитателей края — башкир. Тем же путем приобретались и земли казенные, в особенности расположенные на южной окраине бывшего Московского государства. Наконец, уральская горно-заводская промышленность также требовала рабочих рук, которые доставлялись посредством подневольных переселений.

Интерес землевладельца заставлял прилагать все усилия, к тому, чтобы собрать в своих новых вотчинах необходимое количество рабочей силы. Частично эта потребность удовлетворялась приемом беглых, которые, как мы знаем, заполняли наши южные и юго-восточные окраины. Но прием беглых заключал в себе некоторый риск. Известны случаи, когда землевладельцы, уличенные в нарушении указов о беглых, подвергались конфискации и ссылке в Сибирь. Правда, что страх наказаний далеко не всегда удерживал владельца от приема беглых. В особенности крупные и влиятельные лица умели обходить требования закона без всякого ущерба для себя. Так за Меньшиковым и некоторыми другими сподвижниками Петра уже после их падения были открыты огромные количества беглых крестьян, поселенных ими на Украине. То же практиковалось и другими замлевадельцами. Здесь была как бы точка встречи двух колонизационных процессов — вольнонародных переселений и владельческой колонизации.

Впрочем, землевладельцам не всегда приходилось прибегать к приему беглых или к переселениям крепостных крестьян. Устанавливая те или иные условия для переселенцев, помещик создавал тягу в свои обширные, но малолюдные вотчины, расположенные на окраинах и среди таких элементов, над которыми не тяготело крепостное право, поскольку такие элементы находились в пределах государства или могли прибыть даже из за рубежа.

Вместе с тем указанных источников далеко не всегда хватало для заселения обширных окраинных имений и помещикам волей-неволей при-

ходилось прибегать к переселениям крепостных крестьян. К этому их побуждало также ощущавшееся и на частновладельческих землях центра — малоземелье.

Переселение крестьян по инициативе помещиков совершалось в разных формах. Иногда переселялись целые деревни, иногда отдельные семьи, даже отдельные рабочие единицы. Из большесемейных дворов брали излишек рабочих, равносильные семьи переселялись по жребию. Помещичьей колонизации сильно содействовало право продавать крестьян без земли. Часто целые деревни покупались на вывоз.

Иногда помещик принимал меры, чтобы за счет остающихся на родине крестьян обеспечить благоприятные условия приживаемости переселенцев на новых местах. Прежде, чем переселять крестьян на вновь приобретенную землю, посылали предварительно работников (из числа тех, которые должны были оставаться на прежнем месте) для постройки изб и заготовления всего необходимого. В других случаях остававшиеся на родине вынуждены были давать переселенцам „подмогу“, снабжать их теплым платьем, перевозочными средствами и т. д. Иногда переселяющимся предоставлялось право продать все свое имущество, не исключая и посевов озимых полей, ими обработанных. На новых местах крестьяне иногда освобождались на некоторый срок от взноса оброка и платы подушных. Помещики далеко не всегда проявляли должное внимание к нуждам переводимых ими крестьян и крестьяне в буквальном смысле слова разорялись и нищали благодаря подневольным перемещениям. Если тяжелые условия крестьянского быта заставляли их бежать из родных мест, то не менее тяжелая обстановка, в которую они попадали по воле помещика-колонизатора, создавала среди них обратную тягу. История помещичьей колонизации полна эпизодами крестьянских побегов с мест водворения. Часто крестьяне разбегались еще в пути.

Правительство издавна регламентировало крестьянские переселения, происходившие по инициативе помещика. Однако, эта регламентация была явно недостаточной и слишком односторонней. Она, во первых, касалась только внешней стороны этого вида распоряжения крестьянами со стороны помещика и во-вторых, была густо проникнута государственными фискальными интересами, либо интересами помещика. Интересы же самой переселяемой массы игнорировались вовсе.

В XVII веке, соответственно общим началам тогдашнего земельного строя, для землевладельцев существовало ограничение в виде запрещения переводить крестьян из поместий в вотчины. При Петре I изданы были более подробные правила о переселениях. Их сущность сводилась к следующему: помещик, желавший перевести крестьян из одного имения в другое, обязывался обратиться с соответственной просьбой в камер-коллегию. Последняя давала указ о переселении, а с челобитчика бралась подписка об исправном платеже подушных.

Такой порядок вызывал нарекание дворянства и частые нарушения закона. Поэтому в 1762 году изложенные правила „ко удовольствию дворян“ были изменены. С этого времени постепенно установился сле-

дующий порядок переселений, просуществовавший до самого конца крепостной эпохи. Лица, желавшие переселить своих крестьян, подавали заявления об этом в земский суд, не для получения разрешения, а лишь для сведения. Прежний разрешительный (концессионный) порядок был, таким образом, заменен явочным. При переводе крестьян следовало внести подати за текущий год и исполнить рекрутскую повинность. Со следующего затем года повинности числились за крестьянами уже по той местности, куда они переселялись.

Установившийся во второй половине XVIII века явочный порядок переселения несомненно значительно содействовал развитию помещичьей колонизации. С другой стороны, правительство считало себя заинтересованным в колонизаторской деятельности помещика.

Особую разновидность владельческой колонизации представляла колонизация монастырская. Сколько нибудь широкого значения этот вид колонизации не имел. Более выдающиеся случаи колонизационной деятельности монастырей имели место лишь в первой половине XVIII века и лишь на южной окраине. После секуляризации, т. е. отобрания церковных земель в 1764 году, монастыри и вообще церковные учреждения утратили свое былое землевладельческое значение.

§ 9. Правительственная колонизация. Ближайшие мотивы, вызывавшие правительственную деятельность по переселениям были весьма разнообразны. С одной стороны правительство стремилось к хозяйственному оживлению малолюдных окраин. С другой стороны—им руководило стремление к увеличению русского или, по крайней мере, близкого к нему по этнографическим или религиозным признакам элемента в местностях с редким русским населением, а равно и другие, близкие к описанным цели. Но в общем эти мотивы сводились к тем или иным империалистическим стремлениям, чем об'ясняется столь частонаблюдавшийся военно-земледельческий характер правительственной колонизации. Осаживая на новых местах поселенцев и обязывая их к воинской службе, правительство надеялось достигнуть сразу двух целей—экономического оживления края и обеспечения его военной защитой. Военно-земледельческая колонизационная деятельность Петербургского правительства является прямым продолжением такой же деятельности Московского государства.

С расширением пределов государства, с изменением способов защиты его границ, военно-земледельческий элемент постепенно уменьшается, однако, не исчезает вовсе.

Правительственная деятельность по переселению принимала две формы: правительство либо оказывало содействие колонизации, поощряло отдельных лиц и целые группы к переселению, либо принимало в колонизации непосредственное участие в лице своих агентов, принуждало к переселению, устраивало переселенцев на новых местах, принимало расходы по их передвижению на свой счет и т. д.

Различие мотивов и различная степень участия правительства в переселении вскроется при изучении отдельных конкретных случаев деятельности правительства по переселению.

§ 10. Заселение Ингерманландии [1]). Политический момент был очень сильно представлен в правительственных мерах по заселению того края, который в XVIII веке носил название Ингерманландии и который был приобретен Россией в результате войн со шведами. В дальнейшем мы коснемся лишь таких мер по его заселению, которые носили по преимуществу характер сельской колонизации. Меры по заселению и устройству городов не войдут в наше изложение.

Если на юге и юго-востоке внимание правительства привлекали огромные пространства тучной девственной земли, которая могла стать житницей страны, то здесь среди угрюмых лесов и болот вряд ли приходилось думать о сколько нибудь значительном немедленном под'еме земледельческой культуры; за то Ингерманландия представляла интерес с другой стороны: здесь надеялись развить промышленность и торговлю. В то же время она имела огромное политическое значение, образуя собой край, непосредственно примыкающий к новой столице, на завоевание и создание которой было положено столько усилий, труда и народных жизней. Край этот мог выполнить свое назначение лишь в том случае, еслиб он обладал достаточно густым населением. Приэтом, его окраинное положение заставляло правительство заботиться не только о количестве, но и о качестве населения. Ингерманландия в значительной своей части была некогда русской областью; но столетнее пребывание ее под политической властью шведов, ослабило здесь русский элемент.

Отсюда возникли правительственные мероприятия по заселению Ингерманландии русскими. Эти мероприятия тянутся в течение всего XVIII столетия вплоть до Екатерины II, когда колонизация края происходит уже „самотёком". В дальнейшем правительство заботится о привлечении в Ингерманландию иностранных колонистов. Однако, приток этих последних не был значителен и не мог ослабить результатов предшествующей русской колонизации.

Правительственные меры по заселению Ингерманландии русскими сводились собственно к поощрению помещичьей колонизации. В 1712 и 1713 г.г. был издан ряд указов, которыми определялось общее направление колонизационной политики в крае.

Земли раздавались помещикам под условием заселения их русскими крестьянами. Размеры земельных раздач определялись в зависимости от количества числившихся за помещиками крестьянских и бобыльских дворов. По размерам своих владений помещики разделялись на „статьи" следующим образом:

Лица владевшие	700 дв. и больше	. . .	1-я статья.
„ „	500 до 700 дв.	. . .	2-я статья.
„ „	300 „ 500 „	. . .	3-я статья.
„ „	200 „ 300 „	. . .	4-я статья.
„ „	100 „ 200 „	. . .	5-я статья.
„ „	50 „ 100 „	. . .	6-я статья.

[1]) Якушкин — Аграрная политика России в 18 в.

Помещики	первой	статьи	получали	500	чтв. в поле
„	второй	„	„	400	„ „
„	третьей	„	„	300	„ „
„	четвертой	„	„	200	„ „
„	пятой	„	„	100	„ „
„	шестой	„	„	50	„ „

На каждые 100 четвертей предполагалось поселять по 10 крестьянских и бобыльских дворов. При переводе площадей дач на десятинный счет необходимо иметь в виду, что указанные их размеры даны в одном поле и касаются только пахотной или годной под пашню земли. Помимо последней отводилось некоторое количество земли под усадьбы, под сенокосы и другие угодья, так что размер земельного надела в конечном счете определялся следующим образом: на каждые 10 дворов отводилось под пашню 150 десятин, (ок. 165 га) под дворы, огороды и гумна 15 дес .(ок. 17 га), под выпуск (выгон) 15 дес. (ок. 17 га) под сенокос 30 дес. (ок. 33 га) и лесу вдоль—верста, поперек $^1/_2$ версты".[1])

Установленные законом нормы, представляя значительное земельное обеспечение, могли служить достаточным побуждением к производству переселений. В то же время они заключали в себе гарантию против совершенного обезлюдения имений в центре, так как каждый помещик получал право переселять лишь известную часть своих крестьян и бобылей. Один лишь любимец Петра, Меньшиков, в из'ятие из общих правил, получил право на поселение 1000 дворов.

Закон предусматривал колонизационную деятельность и таких лиц из поместного класса, за которыми крестьянских и бобыльских дворов не было вовсе. Эти лица имели право на получение земельной дачи в наименьшем из указанных в законе размерам, но также под условием заселения пожалованной земли.

Несоблюдение этого условия влекло за собой во всех случаях отобрание пожалованной дачи. В 1713 году было указано, что лица, поселившие на полученной земле меньшее количество дворов, чем сколько следовало по размерам полученного участка, обязываются произвести доприселение в течение 3-х лет, после чего незаселенные земли подлежали отобранию.

На указанных основаниях и началась еще при Петре I колонизация Ингерманландии. Земельные пожалования производились в значительных размерах, но довольно беспорядочно. Дело не обошлось без обычных в приказной практике злоупотреблений. Правительство несколько раз пыталось произвести контроль совершившихся раздач и их результатов. Такие попытки делались в 30-х и 40-х г.г. XVIII века. В 1743 году раздача земель прежним порядком была приостановлена и впредь до выработки новых оснований земельных пожалований раздача могла производиться не иначе, как по особым сенатским указам. В действительности никаких новых оснований создано не было и практика раздач руководилась прежними правилами.

---

[1]) Вдоль ок. 1,1 килом., поперек—ок. 0,55 кил.

Обнаруженное поместным дворянством стремление к заселению Ингерманландии ставит вопрос о причинах той готовности, с какой землевладельцы откликнулись на правительственное предложение. Достаточность земельных наделов могла служить побудительной причиной к производству переселений, но она не могла явиться причиной исчерпывающей, если принять во внимание скудость почвы и вообще затруднительность колонизации глухого и неприветливого края.

Скорее здесь следует допустить влияние побочных обстоятельств. При том упорстве, с каким происходило заселение края, разрешение помещикам заселять край было равносильно приказанию. В этом именно смысле могли быть поняты Петровские указы поместным классом. В том же направлении действовало и стремление дворянства обладать населенными имениями по близости от новой столицы, куда крупное и среднее дворянство вынуждено было переселяться. Наконец, и сама наличность вновь возникшего города с перспективами городского рынка для продуктов сельского хозяйства могла стимулировать переселенческую деятельность помещиков, которые связывали с производством переселения различные предпринимательские расчеты.

Государство, содействуя переселениям в Ингерманландию, принимало в них и непосредственное участие. В этом последнем случае государство само действовало как вотчинник, переселяя в Ингерманландию тех крестьян, по отношению к которым его власть более всего напоминала черты вотчинных прав. Такими крестьянами были крестьяне дворцовые. О переселениях последних мы более подробно скажем впоследствие, равно как и об участии правительства в иностранной колонизации Ингерманландии.

Права землевладельцев на полученные в Ингерманландии земли не лишены были своеобразных юридических особенностей. Эти права носили временно условный характер.

Земли раздавались под условием их заселения и до тех пор, пока заселение не было произведено, земля могла быть правительством обратно взята. В указах, издававшихся по поводу земельных раздач, неоднократно подчеркивалась мысль о том, что основной целью этих раздач является заселение земель русскими крестьянами. В этом смысле в особенности характерен один из указов 1748 года. Этот указ предписывал отбирать земли данные неправильно, для владения. Он лишний раз подтверждал, что земли могли раздаваться лишь для заселения их крестьянами, а отнюдь не для владения.

Мысль указа совершенно ясна. Она сводится к тому, что право помещика на землю стоит в исключительной зависимости от того, выполняется ли им основное условие, под которым произведено земельное пожалование. Поскольку это условие, т. е. заселение земли русскими крестьянами еще не выполнено и лишь находится в стадии исполнения, постольку и поземельные права носили временный характер. Если же условие осуществлено, переселение крестьян в надлежащем количестве произведено, то и само право переставало быть временным и условным

и приобретало всю ту полноту, которая ему была свойственна по общим законам эпохи. Отсюда и выдача окончательных документов на полученные земельные участки могла производиться не ранее, как после заселения каждого участка. В эпоху временности и условности своего права землевладелец не был вполне лишен прав распоряжения отведенным ему участком. Он мог его продать, но лежавшее на земле условие переходило и на покупщика. Последний обязывался землю заселить.

Само собой разумеется, что действительность далеко не всегда соответствовала формальным требованиям закона. Этот последний очень часто нарушался, в особенности со стороны крупных и влиятельных помещиков, которые, получая значительные земельные пространства, не торопились с выполнением основного условия пожалования земель.

§ 11. „Ингерманландское межевание“. В связи с колонизацией Ингерманландии находится совокупность специальных мероприятий, имеющих некоторое значение в истории русского землеустройства и известных в специальной литературе под незванием „Ингерманландского межевания“. Указанная связь дает основание обозреть эти мероприятия в настоящем изложении. Межевание Ингерманландии началось в 1723 г. Побудительной причиной к его производству явились предшествующие земельные раздачи. Правительство и до того времени имело в своем распоряжении некоторые материалы, касающиеся землевладения края. Такими материалами были данные описи земель Ингерманландии, произведенной в 1711 году. Но в процессе земельных раздач появились множество новых владений, которые требовали точного материального определения. Чтобы ответить на эту потребность, а равным образом для того, чтобы иметь более полные сведения об имеющихся свободных землях, и было предпринято межевание. Непосредственными исполнителями его должны были явиться первые русские геодезисты, состоявшие при адмиралтействе.

В задачу межевания входило производство измерений всех розданных земель и составление межевых документов на каждое отдельное владение. Задуманные работы, благодаря новизне дела и неопытности и неподготовленности исполнителей, шли мало успешно. Судя по позднейшим правительственным распоряжениям, можно судить что к 1726 году было составлено всего лишь несколько планов („ландкарт“) и межевых книг— результат явно ничтожный.

Неудача предпринятого межевания повела к тому, что в дальнейшем раздачи земель в Ингерманландии продолжали производиться попрежнему без каких либо точных измерений. Понятно, что это обстоятельство еще в большей степени запутало земельные отношения в крае, тем более, что в дело земельных раздач вкрались крупные злоупотребления. Вследствие сказанного в 1744 году межевание края началось вновь.

На основании данных в руководство при его производстве инструкций необходимо было собрать все относящиеся до землевладения Ингерманландии сведения и путем исследований на месте—установить, чем можно воспользоваться из результатов прежнего межевания и что, на-

против, требовало новых действий. Технические требования оставались прежними. Предписывалось производить геодезические измерения и составлять планы—„ландкарты“—на каждую дачу. Юридическая сторона межевания была подчинена правилам писцового наказа 1684 года. Этот законодательный акт был для своей эпохи весьма замечательным кодексом межевого права, но к рассматриваемому моменту он устарел даже и для тех местностей государства, для которых он был в свое время написан. В этом правительство не замедлило убедиться, попытавшись приложить его принципы к производству межевания во всероссийском масштабе. Тем более он был неприменим к Ингерманландии, поземельный быт которой заключал в себе некоторые своеобразные местные черты. Этим обстоятельством, помимо прочих неблагоприятных условий, следует об'яснить неудачу повторной попытки производства межевания Ингерманландии.

Неудовлетворительность результатов обоих попыток повела к тому, что Ингерманландское межевание так и осталось незаконченным в течение всего XVIII века, и уже в средине XIX столет. пришлось дополнять и исправлять прежние работы, чтобы привести это начинание к сколько нибудь сносному концу.

Изложенные меры не прошли, однако, совершенно бесследно в истории русского межевания. Значение их определяется следующими обстоятельствами: 1) Ингерманландское межевание было первым русским межеванием, измерительная сторона которого была подчинена требованиям геодезической техники, 2) Оно явилось практической школой и установило некоторую геодезическую традицию в межевании, 3) Им определилось содержание и форма межевых документов. Межевой план (ландкарта, по старой терминологии) или графическое изображение обмежованного участка и межевая книга или текстуальное описание того, что на плане изображено в чертеже и цифрах, создали типы межевых документов, неизменно повторяющиеся в целом ряде важнейших русских межеваний XVIII, XIX и XX столетий.

§ 12. Колонизация Закамья, слободской Украины и Новороссии. При колонизации Ингерманландии правительство, как мы видели сводило свое участие к содействию переселениям и их поощрению. Непосредственная активная роль падала здесь на помещиков-душевладельцев.

Такое же косвенное содействие переселению правительство оказывало неоднократно в течение рассматриваемого периода и при заселении других районов, по которым вместе с тем правительством были принимаемы и меры непосредственного характера. Ближайшее изложение будет посвящено мерам такого косвенного содействия правительства при заселении некоторых окраин, с тем, что его непосредственная колонизаторская деятельность по тем же окраинам, а равно и по другим местностям будет изложена дальше.

1. В первой половине XVIII века в ряду других окраин внимание правительства привлекло к себе Закамье. Край этот входил в состав тогдашних Казанской и Оренбургской губерний. Здесь правительство

было заинтересовано не только в заселении огромных пустынных пространств, но и в подчинении старинных обитателей края—башкир. Известно, что башкиры неоднократно в течение первой половины XVIII века организовывали вооруженное сопротивление русской власти. Необходимость колонизации вызывалась, таким образом, как экономическими так равно и политическими причинами.

Условия края подсказывали военно-земледельческий характер колонизации. Наиболее подходящим колонизационным материалом казались отставные военные. Вследствие этого им разрешено было селиться на новой Закамской границе, (нынешняя северная часть Уфимской и Самарской губерний и юго-восточная часть Самарской губернии от Самары к Оренбургу и далее на северо восток, вверх по Яику). Переселение предполагалось исключительно добровольное. Переселенцы получали по 10—15 десятин (11—17 га) на семью, необходимое вооружение, ссуду деньгами и хлебом на проезд и обзаведение. Селиться они должны были в целях безопасности большими слободами. Земли, отведенные переселенцам, могли переходить только по наследству и притом в порядке указа о единонаследии. Ни закладывать, ни продавать, ни отдавать в приданое этих земель не разрешалось. Изложенными мерами предполагалось создать в крае более или менее значительную массу мелких землевладельцев, которые были бы в то же время и земледельцами и воинами.

Несколько иное, но также несомненно колонизационное значение имел указ 1739 года, которым предписывалась раздача земель в Оренбургском крае за деньги. Приэтом, если в Нигерманландии размер земельного пожалования определялся количеством крестьянских и бобыльских дворов, числившихся за помещиком, то здесь размер земельного участка, который мог быть приобретен путем покупки, был пропорционален рангу приобретателя. Очевидно, эта мера была расчитана на крупную помещичью колонизацию.

Заселение края военно-земледельческим элементом началось между 30-ми и 40-ми г.г. XVIII стол. Однако, среди отставных военных, на которых расчитывало правительство, нашлось немного охотников, соблазнившихся предложенными условиями. Поэтому правительству пришлось прибегнуть к другим средствам—легализовать поселение беглых, которые, как мы знаем, направлялись между прочим и в Оренбургский край, являя одну из волн мощного потока вольно-народных поселений. Указы 40-х г.г. XVIII века разрешили принимать на службу в крепости Оренбургской линии беглых, число которых, благодаря этому обстоятельству, быстро достигло нескольких тысяч человек. Так в данном случае правительству, для достижения своих колонизационных целей, за отсутствием легальных элементов колонизации, пришлось использовать тот вид переселений, который принципиально правительством отрицался и с которым оно вступало неоднократно в борьбу. Впрочем случай этот—не единственный: как уже упоминалось, правительству не раз приходилось оставлять беглых на местах их водворения, во избежание обезлюдения окраин.

2.[1]) Изо всех частей Украины наиболее тяжкой, пожалуй, была историческая судьба той ее части, которая составляет правобережную Украину, т. е. заселенные украинским народом местности, расположенные по правой стороне Днепра.

Здесь не место вдаваться в изложение политических событий, составляющих историю Украинского народа, но мы должны отметить, что вторая половина XVII века была особенно роковой для населения правобережной Украины. Эта страна сделалась ареной целого ряда восстаний и войн. Во всяком случае ее население увидело себя вынужденным покинуть родину и на стороне искать тех условий и более или менее спокойного существования, которых ей не в состоянии были дать ни Польское правительство, ни собственные гетманы. Так началось выселение украинцев из местностей правобережной Украины. Было вполне естественно, что переселенцы направлялись в пределы Московского государства. На месте нынешней Харьковской губернии тогда простирались обширные малонаселенные степи. Здесь то и стали оседать беглецы. В соответствии с характером занятий и быта на родине, переселенцы из казаков и здесь образовали военно-земледельческие поселения, приняв на себя обязанность военной защиты и получив от Московского правительства разрешение не только свободно селиться, но и ряд льгот и привиллегий. Так возникла „Слободская Украина", а населившие ее казаки образовали „слободские полки".

В XVIII веке продолжается прилив населения в Слободскую Украину из Правобережной, но в соотвествии с тем, что последняя тогда уже не испытывала прежних потрясений, прилив этот постепенно ослабевает. Последнее значительное переселение украинцев в Слободскую Украину, напоминавшее переселение XVII века, относится к первой четверти XVIII столетия, после чего переселения теряют свой массовый характер.

Таким образом колонизация Слободской Украины с самого начала носила вольный характер; однако, успех колонизации в значительной степени зависел от того содействия и покровительства, которые оказывались ей со стороны правительства для которого эти колонизация была выгодной. Это содействие заключалось, как упоминалось, прежде всего в целом ряде льгот и привиллегий, которые получали переселенцы. Льготы и привеллегии продолжают действовать и в XVIII веке. Малороссийское население Слободской Украины имело казацкое устройство, следовательно, ему предоставлялись широкие права самоуправления. Далее казакам предоставлялось свободное занятие земель и всяких угодий, благодаря чего заимочное землевладение среди них получило широкое распространение; промыслы казаков или не облагались вовсе, или во всяком случае они не подлежали тому мелочному обложению, которое действовало в центре; более того—таможенные сборы (с приезжих купцов) собирали не русские чиновники, а сами казаки и т. д. Правда, им приходилось иногда отстаивать свои привиллегии; различные учреждения то и дело отменяли

---

[1]) Ефименко — История Укр. нар., II.

то те, то другие из'ятия, но верховная власть обычно восстанавливала их вновь в прежнем об'еме.

Проявленная большинством слободских полков лойяльность в делах Булавина и Мазепы послужила одной из главнейших причин того, что прежние привиллегии получили при Петре I свое подтверждение.

Благожелательное отношение к слободским казакам со стороны петербугского правительства резко изменяется лишь при императрице Анне Иоанновне, которая отменила многие льготы. Но Елизавета Петровна вновь восстановила тот порядок, который был при Петре.

Давая слободским полкам обширные привиллегии, правительство вместе с тем заботилось о том, чтобы в привиллегированное положение не попадали великорусские переселенцы. В то же время последним запрещалось селиться на слободских землях, дабы этим не стеснять малороссийских поселенцев. Известны случае удаления великороссийских поселенцев по челобитью казаков.

Все указанные льготы и привиллегии распространялись только на украинских поселенцев, принадлежавших к казацкому званию. Но кроме казаков из-за Днепра выходило немало лиц, принадлежавших к другим классам населения. Эти переселенцы частью записывались в казаки, но большей частью они предпочитали плуг и борону казацкой сабле. Следует помнить, что казачество в Слободской Украине, как в других ее частях, не представляло собой однородной массы. Казацкая старшина, полковники, сотники, эсаулы и проч. возвышались над рядовыми казаками не только своим положением начальствующих лиц, но и своим экономическим достатком.

Пользуясь правом свободной заимки, казацкая старшина захватывала значительные земельные участки, тем более, что при земельном просторе такой захват не мог быть сколько-нибудь ощутительным для других.

На этих то землях, а равно на землях простых казаков позажиточнее селились переселенцы, принадлежавшие к „посполитым“ — крестьянству. Так как потребность в рабочих руках была значительной, то естественно, что крестьяне получали значительные льготы от владельцев. Эти самые льготы привлекли к себе не только переселенцев из Украины, но и беглых из Великороссии, В то же время в XVIII веке и среди великороссийских землевладельцев замечается тяготение к получению земельных имений на Слободской Украине, что в свою очередь ведет к поселению на этой территории великороссийских крестьян. Так рядом с колонизацией, совершавшейся при содействии правительства, происходит другой колонизационный процесс — колонизация владельческая, в общих чертах рассмотренная нами выше. В заключение необходимо отметить, что нисшие слои слободского казачества и крестьянство к концу XVIII в. разделили судьбу тех же социальных групп остальной Украины, т.-е. подпали крепостной зависимости.

3.[1]) Во второй половине XVIII века из южных областей, прилегающих к Азовскому и Черному морям, была образована Новороссийская губерния. Пространство ее все увеличивалось, благодаря новым территориальным приобретениям на юге.

Обширные пустынные, но тучные степи Новороссии требовали рабочих рук, которые могли бы вызвать к жизни дремавшие силы девственной почвы.

В первой половине XVIII века переселения в эти области носили вольно-народный характер главным образом. Они не могли быть многочисленны, если принять во внимание удаленность края и небезопасность его от татар.

Во второй половине столетия вопрос о заселении Новороссии привлекает внимание правительства, и последнее тратит немало усилий для этой цели, как содействуя колонизации, так равно принимая в ней непосредственное участие. Согласно сказанному в настоящем месте мы рассмотрим лишь косвенное участие правительства в заселении Новороссийского края.

Уже обильные пожалования земель в Новороссии дворянам являлись косвенной мерой к ее заселению. Получив многие десятки и сотни тысяч десятин отличного, тучного чернозема, землевладельцы естественно были заинтересованы в том, чтобы эти богатства не лежали втуне. Раздача земель поместному классу тем более могла содействовать успеху колонизации, что очень часто само получение земли обусловливалось ее заселением. Правительство применяло здесь тот же прием, который практиковался в Ингерманландии и других колонизуемых районах.

Уже в 1764 году при самом образовании Новороссийской губернии было об'явлено, что всякого звания люди „могут получить земли во вновь устраиваемом крае под условием заселения их вывезенными из-за границы вольными людьми“. Земля отбиралась, если к заселению не было приступлено в течение года, а также и в том случае, если в течение трех лет не было произведено полного заселения. Владение, таким образом, и в данном случае носило вначале временно-условный характер. По выполнении условия земля переходила в собственность лица, ее заселившего. Однако, размер переходившей в собственность земли был ограничен 48 участками, считая на один участок по одному поселянскому двору. Равным образом никто не мог получить, купить или иным образом приобрести уже населенную землю в количестве, превышавшем указанные размеры. В случае скопления в одних руках в порядке наследования большего количества участков, излишние участки должны быть проданы, а за отсутствием покупщиков отбирались вместе с поселенцами в казну по оценке и либо продавались, либо обращались в государственные земли, а поселенные на них земледельцы — в государственных крестьян. Разумеется, правила, ограничивающие размеры землевладения, применялись лишь к рассматриваемому случаю и не распространялись на земли, жалуемые дворянам.

---

[1]) Якушкин у. с.

Возможно, что благоприятные условия нового края вызывали среди землевладельцев сильное желание переселять туда своих крестьян из более центральных областей. Конечно, это желание шло навстречу правительственным видам, но оно же заключало в себе и некоторую опасность. Неумеренное пользование со стороны помещиков своим правом на переселение крестьян могло повлечь обезлюдение имений в центре. Отсюда явилась необходимость регламентировать особо вопрос о переводе помещечьих крестьян в Новороссию. В 1781 году помещикам разрешено было на розданные и могущие быть розданными в Новороссийском крае земли перевести и поселить до 26 тыс. крестьян. Приэтом генерал-губернаторам было предписано — предварительно собрать сведения о том, кто из землевладельцев пожелает перевести своих крестьян в Новороссию.

Несоответствие огромных пространств Новороссийского края с количеством его населения было очень резким. Вместе с тем представлялось совершенно очевидным, что интенсивная колонизация его туземным элементом невозможна без ущерба для более центральных областей государства. Отсюда вытекало стремление обратиться к иностранным источникам колонизации. Так возникли меры по призыву и устройству в России иностранных колонистов. Среди этих мер находится и упоминавшийся выше указ 1764 года, о заселении Новороссии вывезенными из-за границы вольными людьми.

Меры по иностранной колонизации послужат предметом дальнейшего изложения.

Прежде, чем обратиться к их рассмотрению, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство: сама возможность широкой колонизации Новороссии явилась лишь после того, как край стал безопасным от татарских набегов, т.-е. не ранее 80-х г.г. XVIII века, когда было покорено Крымское ханство. Присоединение последнего к России являются одним из наиболее ярких выражений той русской экспансии на юг, о которой говорилось выше. До покорения Крыма правительству приходилось прибегать к тем средствам, которые практиковались еще в эпоху Московского государства.

Одним из наиболее действительных способов борьбы со степью в XVI и XVII в.в. являлась военно-земледельческая колонизация окраин. Она заключалась в возведении на окраинах укрепленных линий и в заселении их военно-земледельческим элементом. Последним грандиозным мероприятием этого рода в Московскую эпоху было устройство знаменитой Белгородской черты. В XVIII веке сходным мероприятием явилось построение и заселение украинской линии. Эта мера имела весьма большое колонизационное значение, как непосредственно, так равно и в смысле создания благоприятных условий для дальнейшего заселения края. Вследствие этого она заслуживает быть рассмотренной особо.

§ 13. Устройство и заселение украинской линии[1]). Украинская линия в качестве укрепленной черты представляла собой ряд крепостей,

[1]) Багалей.—Очерки по ист. колон. и быта степной Украины Моск. госуд.

соединенных валом и рвом с редутами. Она тянулась более, чем на 430 км., простираясь от Днепра до Донца по южной стороне нынешней Харьковской и Полтавской губерний и захватывала следующие уезды: Изюмский, Змиевской и Вялковский—Харьковской губернии; Константиноградский и Кобеляцкий — Полтавской губернии. Украинская линия располагалась значительно южнее Белгородской черты, что стояло в связи с совершившимся продвижением русских на юг. Постепенно все более южные области становились русской „Украиной“.

Постройка украинской линии началась в 1731 году, окончена приблизительно около 1738 года. Для ее построения ежегодно сгоняли десятки тысяч рабочих из украинских и слободских казаков и украинских крестьян. Работать приходилось в весьма тяжелых условиях. Часть рабочих заболевала и умирала, часть разбегалась. Это предприятие стоило народу огромного напряжения.

Одновременно с возведением украинской линии правительство было озабочено также заселением ее. Ввиду военного значения линии и заселение ее требовало людей привычных к ведению войны в степных местностях. Таким именно требованиям удовлетворяли так наз. ланд-милиционеры, военные поселяне. Они набирались из служилых людей степной окраины Московского государства, обнимавшей собой Воронежский и Белгородский край. Испомещенные здесь некогда служилые люди составляли в рассматриваемую эпоху массу однодворцев, которые в 1724 году были причислены к разряду государственных крестьян. Прежде служилые люди отправляли службу поголовно, начиная с 15 лет. От нее освобождались только старые и увечные. С учреждением ланд-милиции на военную службу стали призываться из однодворцев лица в возрасте от 15 до 30 лет. Деньги на содержание ланд-милицких полков доставлялись остальными однодворцами, которые были обложены помимо подушной подати еще дополнительным четырехгривенным сбором с души. Этот сбор уплачивался однодворцами также, как и прочими государственными крестьянами, но с устройством ланд-милиции он получил специальное назначение. Для защиты южной окраины и заселения украинской линии было предположено образовать 20 ланд-милицких полков. Служащие в полках обеспечивались жалованием и земельными наделами. Взятые на службу однодворцы не должны были немедленно бросать свои дома и ликвидировать прежнее хозяйство. Они обязывались лишь прослужить несколько месяцев на границе и могли по истечении известного времени заменить себя другими лицами, конечно, из состава однодворцев же. При записи на службу строго наблюдалось, чтобы под видом однодворцев не записывались беглые крестьяне.

В целях обеспечения военных поселенцев надлежащими земельными наделами, одновременно с постройкой линии выяснялось также количество земель и угодий. Военная служба ланд-милиционера определялась его местожительством. Земельные наделы, как самому служилому человеку, так равно и его родственникам и свойственникам, предполагались одинаковой величины. При наличности свободных земель на линии слу-

жилый человек мог также селить и своих крестьян (известно, что у однодворцев были свои крепостные).

Заселение линии предполагалось вначале добровольное, но повидимому однодворческая масса не очень охотно шла на него. Поэтому уже в 1732 году правительство выступило с мерами принудительного характера. Каждому служащему ланд-милиционеру надлежало отправить на линию одного работника для исполнения необходимых сельско-хозяйственных работ. Эти работники получили своеобразное название „подпомощников". Их требовалось 20 тыс. человек по числу ланд-милиционеров. Принудительный набор следовало произвести лишь в том случае, если не достает добровольцев из родственников и свойственников служащего. Но добровольцев было немного и администрации пришлось ежегодно наряжать известное количество работников. Разумеется, эти наряды воспринимались украинскими однодворцами, как новая и притом весьма тяжелая форма натуральной повинности.

Заселение украинской линии шло довольно медленно. Поднимался вопрос о поселении на линии раскольников. Вопрос этот, ввиду политической неблагонадежности последних, был решен отрицательно.

Туго развивалось и земледелие на новых местах. По крайней мере, еще в 1743 году на линии чувствовался сильный недостаток хлеба. Мало помогали делу и высылаемые к служащим ланд-милиционерам работники или подпомощники. Требуемое их число высылалось ежегодными нарядами по 13,400 человек в среднем в год. Рассматриваемая с чисто экономической точки зрения мера эта отнюдь не может быть признана рентабельной. По одному расчету, сделанному в то время и дополненному проф. Багалеем, в его исследовании „Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства" (стр. 321) убыток от нее за 9 лет с 1733 года равнялся почти 3 мил. рублей на тогдашние деньги,— сумма огромная. Впрочем, надо иметь в виду, что ланд-милиционеры были заняты своими прямыми обязанностями и не могли уделять занятию земледелием необходимое время и силы. Поэтому помощь хотя бы и подневольных работников являлась весьма существенной.

Выяснившаяся убыточность труда сгоняемых по наряду работников послужила причиной изменения хозяйственного быта на линии. По распоряжению правительства посылка подпомощников была прекращена. Одновременно с этим положение украинских ланд-милиционеров стало безопаснее и они могли уделять больше внимания мирным занятиям. Среди последних преобладало сельское хозяйство.

Увеличившаяся вследствие удачных войн безопасность украинской линии являлась причиной того, что в заселении ее начинает принимать участие и добровольный элемент. Но добровольный элемент первое время совершенно тонул в массе поселенцев, водворяемых по инициативе и с содействием правительства. Украинская линия заселялась и великорусскими крестьянами, которые ранее были перевезены на Украину некоторыми крупными землевладельцами. Следует отметить, что подневоль-

ная колонизация не всегда давала достаточно прочные результаты. Принудительно водворенные поселенцы целыми толпами с женами и детьми покидали место водворения, убегая большой частью в Польшу и вступая иногда в открытые бои с посылаемой за ними погоней.

Так заселялась мало-по-малу украинская линия. Приэтом часть прежних ланд-милиционеров, вследствие происшедших изменений и военных реформ, обратилась в первобытное состояние однодворцев. К началу XIX столетия население линии состояло из трех важнейших групп: однодворцев, войсковых обывателей (т. е. потомков слободских казаков) и казенных крестьян. К тому же времени появились на линии и помещичьи земли. Наличность среди населения линии слободских казаков об'ясняется тем, что сама линия пролегала по таким местам, которые были уже отчасти заселены ими ранее. Мы имеем свидетельство о том, что, в связи с построением линии, земли, принадлежавшие первоначальным насельникам ее — украинским и слободским казакам, отбирались для поселения на них однодворцев. Припомним, что построение линии совпадало с эпохой царствования Анны Ивановны, а эта императрица, как мы знаем, вообще не жаловала слободское казачество. Следует сказать, что построение линии вызвало среди некоторых элементов южнорусского общества заметное недовольство. Построение украинской линии легло на украинское население весьма ощутительными тяготами, повлекло за собой уменьшение украинской территории и вызвало отлив украинского населения в близ лежащие великороссийские губернии— Воронежскую, Курскую, Орловскую, Тамбовскую. Размер этого движения вряд ли был значительным, но украинские землевладельцы, лишавшиеся при этом части рабочих рук и возможности расширить свои владения, преувеличивали в своих жалобах его значение.

§ 14. Колонизационное значение украинской линии. В заключение остановимся на вопросе о колонизационных результатах тех правительственных мер, которые были сопряжены с построением украинской линии и на сравнении ее с колонизационной точки зрения, с другим подобным же предприятием—устройством Белгородской черты.

К 1821 году в состав украинской линии входило 17 крепостей, 3 уездных города, 25 казенных волостей. Волости заключали в себе 6 местечек, 59 слобод, 18 деревень, 242 хутора. Население составляло 168,760 душ обоего пола. Главные занятия жителей—земледелие, скотоводство, рыболовство. Земли приходилось прежде по 15 дес. (ок. 16,5 га) на душу, в самом начале заселения даже по 70 (ок. 77 га); в указанный момент вследствие появления на линии значительного количества помещичьих земель, размеры участков сильно сократились, уменьшившись до 9,6 и даже 3 десятин на душу (ок. 10 и 3,3 га).

Сопоставление в колонизационном отношении Украинской линии с Белгородской чертой дает результаты не в пользу первой. Украинская линия, по своему протяжению и числу крепостей, не уступала Белгородской черте, но население ее было невелико. К тому же часть этого населения была переведена из Белгородской украины, которая и сама

являлась краем новым, нуждавшимся в рабочих руках. Крепости Белгородской черты представляли собой во всяком случае города, тогда как крепости Украинской линии в последующее время обратились в слободы (исключая одной, которая обратилась в гор. Константиноград). Некоторые острожки Белгородской черты также обратились в города, тогда как редуты Украинской линии навсегда сохранили одно лишь военное значение. Значение украинской линии, как колонизационной базы было также меньше, чем таковое же значение Белгородской черты. Благодаря существованию этой последней облегчалось заселение и колонизация огромного края, тогда как сфера действия украинской линии была значительно уже.

Нельзя также не отметить существенную разницу в самых методах возведения той и другой. Белгородская черта воздвигалась в течение десятков лет и потому ее построение не ложилось такой тяжестью на население, как возведение Украинской линии, которая была готова в каких нибудь 3—5 лет. Укрепления Белгородской черты строились либо жителями того самого города, который входил в ее состав, либо особыми партиями работников, но в числе последних непременно находились и будущие насельники устраиваемого города, между тем как над постройкой Украинской линии работали, по преимуществу, украинцы, незаинтересованные непосредственно в ее возведении, но весьма живо ощущавшие все неудобства от выпавшей на их долю тяжелой повинности. Существовала также крупная разница в способах содержания населения. Содержание украинских служилых людей на первых порах Московское государство принимало главным образом на себя, содержание же ланд-милиционеров падало почти исключительно на однодворцев. Здесь кстати отметить, что тяготы по возведению и содержанию Украинской линии распределялись таким образом довольно равномерно между украинцами и великороссами; если первые строили линию, то вторые доставляли и содержали ее первых насельников.

Необходимость постройки Белгородской черты сознавалась гораздо шире, чем возведение Украинской линии: то, что для XVII века было главным оборонительным средством, для XVIII века становилось анахронизмом. Свое оборонительное значение Украинская линия потеряла уже вскоре после ее возведения; известно, что вслед за ее постройкой возникали неоднократно проекты новых линий, но надобность в них исчезала по мере усиления на юге военного могущества России, и наконец исчезла вовсе вместе с распространением и на Крым власти русского империализма.

§ 15. Другие случаи военноземледельческой колонизации в XVIII в. В XVIII веке наблюдаются вообще неоднократно правительственные меры, имеющие характер военноземледельческой колонизации. Эти меры большей частью примыкают к рассмотренным выше. Так в 1739 году определен надел ландмилицким полкам, переведенным в Оренбург. В 1747 году опять поселяются в Оренбургском крае четыре ландмилицких

полка и два полка драгунских; им обещается, что они получат достаточное земельное обеспечение.

Военно-земледельческая колонизация предполагала не только заселение колонизуемых местностей надлежащим элементом, но и возведение там укрепленных линий. Так в 30-х г.г. правительство вознамерилось предпринять сооружение Царицынской линии. Повидимому с одной стороны эта линия должна была явиться продолжением украинской линии, а с другой—ей ставилась та же задача, что и различным линиям Закамского и Оренбургского края, т. е. утверждение русского империализма в местностях, занятых башкирами, калмыками и киргизами. Линию предполагалось заселить охотниками из донских казаков. Поселенцы получали денежное жалованье, хлеб из казны и земельные наделы. Сверх сего они освобождались от всякой службы за исключением несения караулов и раз'ездов по линии. Первоначально предполагалось поселить до 1000 семей. Запись охотников пошла весьма успешно, так что уже вскоре после открытия записи правительство имело в своем распоряжении 570 добровольцев. Для поселенцев было предписано отвести местность по рекам Плавле и Медведице, где не было ни ранее возникших городков казацких, ни поселений, принадлежавших великороссийским помещикам. Земли по Волге не подлежали отводу поселенцам из казаков, так как здесь правительство предполагало поместить полк, набранный из служилых людей Казанской губернии. Другими мотивами к такому ограничению служило опасение столкновений которые могли возникнуть между казаками и калмыками. Повидимому тот же мотив послужил причиной запрещения поселенцам добывать соль за Волгой. Более 1000 казацких семей правительство на первое время не предполагало селить на указанных местах, дабы тем не ослабить защиты других окраин. Поселенцы получили ряд льгот—безоброчное пользование угодьями, в том числе рыбной ловлей, право винокурения и свободной (беспошлинной) торговли между собой. Впоследствие однако выяснилось, что предназначенные первоначально под поселения места находились уже в пользовании донских казаков, а потому решено было поселенцев поместить между Царицыном и Камышином с тем, однако, чтобы места поселений не распространялись на Заволжье.

Таким образом было поселено 1057 семей, из них собственно донских „природных“ казаков было 520 семей, остальные же были—великороссийские и украинские „сходцы“.

Вместе с тем правительство было озабочено и дальнейшей колонизацией Нижнего Поволжья. С этой целью в 1737 году было предписано исследовать местность между Саратовом и рекой Старой и высказано намерение—заселить ее служилыми людьми прежних служб.

Колонизация поволжья казаками составляла лишь часть правительственных мер по организации, устройству и урегулированию земельного быта различных казацких войск, которые и должны были явиться реальными выразителями идеи русского империализма и русской экспансии на юге и юго-востоке. С уничтожением Запорожской Сечи бывшие казаки,

оставшиеся верными правительству, были переселены на Кубань, где, таким образом было положено основание новой русской колонии—Кубанскому казачьему войску.

В 1777—99 г.г. вообще устраивается укрепленная линия на северной границе Кавказа и туда переселяется несколько казачьих полков с Волги и Дона. Организуются и устраиваются казачьи войска в азиатских владениях России и т. д.

§ 16. Переселения дворцовых и государственных крестьян. Но кроме военноземледельческой колонизации правительство часто организовывало непосредственно также и колонизацию мирную.

Последняя осуществлялась в форме происходивших по инициативе правительства и с его содействием переселений крестьян различных ведомств, об'единившихся с течением времени в сословие крестьян государственных. Так в 1701 г. из Ростовского, Ярославского, Костромского и Пошехонского уездов было переселено в нынешнюю Воронежскую губернию 1021 дв. или 4919 обоего пола дворцовых крестьян; через три года туда же было переселено около 1000 дворов крестьянских и бобыльских. Переселения эти отнюдь не могут быть названы удачными; так по имеющимся сведениям, из первой партии переселенцов вскоре после их водворения налицо оказалось всего лишь 159 дворов; остальные либо разбежались, либо умерли. Из второй партии 410 душ скоро убежали, 1602 человека умерло. Переселения дворцовых крестьян в небольшом количестве совершались в Ингерманландию. Переселения эти не имели значения, но они с одной стороны рисуют настойчивые заботы правительства о заселении края, а с другой—представляют любопытные подробности, касающиеся тогдашних колонизационных мероприятий. К переселению предназначались исправные и зажиточные семьи. Специальные чиновники должны были наметить такие семьи; вопрос о том, какие именно из них подлежали переселению, решался жребием. Каждый переселяющийся двор получал денежную помощь и по 2 мирские подводы. Остающееся на местах прежнего жительства имущество переселенцами предоставлялось продать, если находились покупщики; в противном случае продажа возлагалась на местное начальство. Переселенцы переводились на жительство в Мызу Саарскую—позднее Царское (ныне—Детское) Село. На местах водворения они получали земельный надел, материал для построек и помощь от казны—впредь до устройства собственного хозяйства. Те из переселенцев, которые вследствие какой либо печальной случайности, впадали в бедность, получали из казны ссуды, часто безвозвратные.

Переселения совершались с 1715 по 1726 год. За это время переселилось всего 204 двора.

В 1735 году правительство, принимая во внимание крайне тягостное положение многих из дворцовых крестьян Московской губернии, страдавших от недостатка и малого плодородия земли, издало общее распоряжение—переводить крестьян в другие дворцовые волости с большим земельным запасом и более плодородной почвой. В 1781 году по-

следовало распоряжение о переселении крестьян Рижского и Ревельского дворцов в Новороссийскую или Азовскую губернию. Во второй половине XVIII века правительство усиленно заботилось о переселении малоземельных экономических крестьян и однодворцев. Так в 1781 г. было издано распоряжение о переселении экономических крестьян на Волгу, в 1789 году о переселении однодворцев на Моздокскую линию; в том же году были указаны места на Кавказе для поселения экономических крестьян и однодворцев, всего на 4382 души.

Но особенно крупный и планомерный характер носили переселения государственных крестьян в XIX веке. Эти переселения составляют часть мер, предпринятых для устройства быта государственных крестьян в 30—50-х г.г. XIX века.

В то время среди государственных крестьян наблюдалась крайняя неравномерность землепользования. Наряду с обществами, в которых приходилось по 20 десятин на душу и более, существовали общества с земельным наделом всего лишь по $^1/_2$ десятины на душу. Неравномерность землепользования царила и в среде отдельных обществ, благодаря тому, что при распределении общественной земли мироеды обделяли в свою пользу прочих крестьян. В степных губерниях этому сильно содействовал господствовавший там способ захватного пользования.

Вследствие недостатка в земле многие крестьяне вынуждены были арендовать землю у посторонних лиц, тогда как казенные земли часто оказывались в аренде у спекулянтов, которые затем уступали их в аренду крестьянам же по тройной цене. Наряду с малоземельем и неравномерностью землепользования наблюдалось полное безземелье. Многие крестьяне вследствие указанных причин вынуждены были селиться на помещичьих землях или же массами уходили в другие губернии отыскивать свободные земли. Таким образом, различные неустройства земельного быта государственных крестьян содействовали вольно-народным переселениям, о чем речь шла выше. Часть самовольных переселенцев действительно устраивались на новых местах, другие же напротив, вынуждены были возвращаться назад и должны были заново налаживать разрушенное уходом хозяйство.

Между тем, самовольные переселения не улучшали и положения остававшихся. О переселенцах не имелось сколько нибудь точных сведений, на старых же местах они показывались налицо и за ними числились огромные недоимки. Так по одной Курской губернии было открыто недоимок более 400 тыс. рублей, числившихся на лицах, давно уже ушедших в другие губернии. Переселенцев, о которых не было сведений, оказалось более 24 тыс. ревизских душ.

Предпринятые в 30-х и 40-х г.г. XIX стол. переселения имели своей целью урегулировать самовольный переселенческий поток, а также явились одним из способов борьбы с крестьянским малоземельем. Той же цели служили и производившиеся расселения государственных крестьян. Селения малоземельные или наделялись землей из состава свободных

казенных земель или же из них производились переселения на свободные земли. Переселяли из местностей, имевших менее 8 дес. (ок. 8,8 га) на ревизскую душу. Переселения направлялись в губернии Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую, а затем—в губернии Саратовскую, Самарскую, Предкавказье и друг. На местах водворения переселенцев заготовлялся лес для построек. Переселенцам давались семена, орудия для обработки и проч.

Переселения государственных крестьян совершались и ранее, но в указанное время они приняли значительно большие размеры и более планомерный характер. Об увеличении размеров переселений могут свидетельствовать следующие сравнительные цифры: за 7 лет до 1837 года переселение крестьян из малоземельных губерний на свободные земли составило 24.733 души, за 6 же лет с 1837 г. было переселено 64.812 душ. В одном только 1842 году переселено 13814 душ, дано дозволение на переселение 10.745 душ и заявило желание переселиться 54.982 души. Всего было переселено 169 тысяч душ мужского пола, которые были наделены $2^1/_2$ миллионами десятин (ок. 2,8 мил. га).

В первой половине XIX века переселения производились не только на свободные казенные земли Европейской России, но и в Сибирь. Переселялись по вызову правительства, причем переселенцам обещались льготы и вспомоществования.

Эти переселения происходили и в пореформенные годы. Тогда в них приняли участие и бывшие помещичьи крестьяне.

Приведем несколько цифр, характеризующих размеры переселений в Сибирь. В 1854 году в Томскую и Тобольскую губернии было приписано 19.163 души переселяющихся. С 1846 по 1879 год в Тобольскую губернию было перечислено 43.753 души, в Томскую в 1852 по 1879 г.—35.000 душ.

Самые большие размеры переселения имели перед Крымской войной. Они затихли во время войны и возобновились с новой силой после нее. Этот под'ем переселенческой волны продолжался до реформы, так что в одну только Томскую губернию с 1852 по 1863 год число переселившихся определялось в 18 слишком тыс. душ. Перед самой реформой переселенческое движение стало несколько падать, а после нее возрастать.

Наибольшее количество переселенцев из государственных крестьян доставляли губернии: Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская, Курская, т. е. как раз губернии непосредственно примыкавшие к старому Московскому центру. Это обстоятельство лишний раз подтверждает высказанное выше положение о том, что во вторую половину рассматриваемой эпохи указанные губернии были уже достаточно насыщены населением и в свою очередь стали районами выхода переселенцев.

В предшествующем изложении мы исчерпали важнейшие правительственные меры по заселению свободных земель собственными контингентами. Теперь нам предстоит дать очерк иностранной колонизации

в России. Но прежде остановимся, хотя бы весьма кратко, на одном вопросе, который тесно связан с колонизационной политикой прошлого, и разрешение которого могло последовать только в наши дни.

§ 17. Колонизация и земельно национальный вопрос.—Колонизация неизбежно должна была столкнуться с коренными обитателями колонизуемых территорий. Освоение территорий не могло произойти без борьбы колонизаторов с местным населением. Борьба, начавшаяся еще в XVI и XVII в.в., продолжалась и в XVIII и в XIX стол. Эта борьба имела самые разнообразные формы, начиная от грандиозных и длительных войн, какими были, напр., войны с Турцией, и кончая мелкими, но постоянными пограничными стычками и вытеснением коренного населения путем отобрания от него земель и имущества разными способами „культурного" воздействия, прикрывавшимися видимостью легальных сделок.

Чем организованнее и сильнее было коренное население, тем труднее и длительнее была борьба. Однако исход ее оказывался заранее предрешенным. Не только разрозненные и слабые племена юго-востока и востока, но и крепкий, в течение ряда веков бывший грозой для соседей Крым, за которым стояла могущественная Турецкая империя, не могли противостоять победному шествию русского торгового капитала, подчинявшего себе новые народности и земли при посредстве штыков регулярной армии, военно-земледельческих поселений и т. д.

В настоящее время ни по состоянию материалов, но по степени их научной разработки, не представляется возможным дать сколько-нибудь исчерпывающий очерк этой эпопеи колонизационных войн, которая, надо заметить, по своему драмматизму вряд ли уступит наиболее захватывающим эпохам колонизации Нового Света; впрочем, для наших специальных целей в этом не встречается особой надобности. В дальнейшем мы остановимся лишь на некоторых эпизодах, характеризующих столкновения русской колонизации с интересами местного населения и на тех результатах, которые принесла с собой колонизация для отдельных национальных территорий, причем наше изложение будет носить только иллюстрационное значение.

На востоке и юго-востоке под непосредственное действие русской колонизационной политики и колонизационных мероприятий и процессов попали в рассматриваемую эпоху, как известно, башкиры, киргизы (казаки) калмыки и многочисленные племена предкавказских степей и Северного Кавказа, на юге-Крым. Мы не видим оснований относить к числу охваченных русской колонизацией территорий—Украину, по следующим соображениям. Украинцы сами явились колонизаторами той части современной Украины, которая носила название Слободской Украины. Они же, вместе с великороссами, колонизовали б. Новороссию, отчасти—Крым и Кавказ. Что же касается собственно русской колонизации Украины, то она не могла носить сколько нибудь обширных размеров уже по одному тому, что на Украине было свое достаточное густое население, свой достаточно организованный и настроенный довольно агрессивно по отношению к русским притязаниям правящий класс в лице казацкой старшины.

В коренной Украине правительственные мероприятия по колонизации ограничивались немногочисленными в общем раздачами населенных уже земель крупным великороссийским землевладельцам, вроде Меньшикова, Шафирова и т. д. Устройство Украинской линии и заселение ее ландмилиционерами из великороссийских однодворцев нельзя рассматривать, как колонизационный акт, направленный исключительно против Украины. Правда, это мероприятие сопровождалось отобранием части украинских земель, однако Украинская линия выдвигалась в целях обеспечения успешного продвижения русских на юг и непосредственно угрожала татарам и Турции. Действие русского империализма на Украине выражалось не столько в колонизации ее, сколько в стремлении к ликвидации украинской автономии и самобытности при посредстве русских чиновников и ее собственного правящего класса, который все более и более проникался интересами и духом российского дворянства. Если при этом и наблюдались случаи „экспроприации", то они касались лишь непокорных представителей этого класса и заключались в замене таких неподатливых элементов русскими чиновниками и помещиками.

Многие из территорий, занятых поименованными выше народностями, формально давно числились в составе Российской Империи, однако фактическое властвование над ними требовало значительного напряжения и сопровождалось почти беспрерывной то скрытой, то явной борьбой. Мелкие пограничные стычки, которые происходили почти беспрерывно и в которых русский поселенец опирался на укрепленные линии, раскинутые, как мы видели, по всем окраинам, переходили часто в настоящие соседские войны. В своем стремлении к наиболее полному овладению колонизуемыми территориями русский империализм стремился действовать не только штыками и пушками, но также широко использовал тот принцип, который неоднократно оправдывал себя в истории, и который гласит: „разделяй и властвуй"... Этот принцип применялся как к межнациональным, так и к междуклассовым отношениям.

Можно было бы привести немало примеров указанной политики русского империализма в отношении колонизуемых территорий. Ограничимся одним из подобных примеров.

Отправляемому в нач. XIX в. в Грузию новому наместнику края (князю Цицианову, кстати сказать, — уроженцу Кавказа же) было предписано: „Привесть в ясность запутанные дела края и кротким, справедливым (!), но при том твердым поведением стараться приобресть доверенность к правительству не только Грузии, но и соседственных с нею владений".

О том, как понималось „кроткое, справедливое, но твердое" правление, можно судить по донесению наместника, который писал в Петербург: „Правила кротости и человеколюбия несовместимы в сношениях с хитрыми, коварными, вероломными народами; напротив того, гораздо полезнее содержать их всегда во вражде между собою" [1]).

[1]) Цит. по кн. „Быт русского дворянина в разных эпохах", вып. I, изд. 1851 г., стр. 80—81.

А о том, какое реальное содержание вкладывалось в понятие „кроткого, но твердого правления“ с достаточной наглядностью свидетельствует следующее извещение того же представителя русской власти, посланное им к одному из кавказских племен, осмелившихся не подчиниться его притязаниям. Начавши с указания на то, что „кротость и милосердие“ оказались недействительными, автор этого извещения пишет: „Вы отзываетесь бедностью, не будучи бедны; если шелку нет— пришлите на первый срок одиннадцать тысяч русских рублей серебром...; приготовьте такую же сумму, и тогда я вам отец буду; тогда покажу, как кротко и милостиво русское правление (!). Но, видно, вы не чувствуете моей жалости к пролитию вашей крови реками и к лишению вас домов ваших и имения. Ждите времени, сберите всех дагестанцев, и готовьтесь перемерзнуть в снегу среди гор... истреблю вас с лица земли и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю; и хотя русские не привыкли жечь, но я попалю все то, что займу войсками и водворюсь навеки в вашей земле“ [1]).

Типичный пример происходившей на востоке и юго-востоке колонизационной борьбы представляет история Башкирии.

Башкирия оффициально вошла в состав Русского государства давно, еще в XVI стол. Тогда же башкиры были „пожалованы“ всеми своими землями на правах вотчинников, и тогда же начинается колонизация Башкирии как русскими людьми, стрельцами, боярскими людьми, подьячими и т. п., так и лицами других национальностей, близкими к башкирам по языку и происхождению—тептерями, мещеряками, татарами и друг. Колонизаторы скупали у башкир землю за бесценок, а то и просто захватывали ее. Несмотря на „добровольный“ характер подчинения Башкирии русскому правительству, последнее вынуждено было селить здесь значительное количество военно-служилых людей. Так в XVII веке на территории Башкирии была поселена так наз. смоленская шляхта, мелкие служилые люди, выведенные из Смоленской земли, после возвращения ее от Польши. Впоследствие из этих шляхтичей, служивших ранее королю польскому и переименованных на московской почве в городовых служилых людей, были сформированы драгунские полки [2]).

Устройство Закамской линии, о чем говорилось выше, облегчило дальнейшую колонизацию Башкирии.

Население Башкирии было чрезвычайно пестрым по своему национальному составу [3]), и межнациональная рознь наблюдалась в отношении самых различных национальных групп. Однако наибольшей остроты она достигала по отношению к русским, которые были наиболее активными и опасными колонизаторами края. Один старый автор, склонный вообще идеализировать русскую колонизацию, вынужден был однако признать, что „долго русские поселенцы не могли ужиться с баш-

---

[1]) Там же, стр. 97—98.

[2]) Витевский—И. И. Неплюев и Оренбургский край до 1758 года, вып. 1, стр. 127.

[3]) Там же, стр. 129.

кирами". Приэтом главной причиной недовольства башкир он считает злоупотребления администрации и чиновников края, которые притесняли башкир, несмотря на постоянные, будто бы предписания центрального правительства—„смотреть за тем, чтобы отношения к башкирам были нисколько не стеснительны для них". Однако тот же автор отмечает, что правительство не довольствовалось сбором ясака (дани) и понуждало башкир к платежу дополнительных сборов [1]).

Появление в XVIII в. горных заводов сопровождалось интенсивными земельными захватами и усиленным стеснением башкир [2]).

Обострение межнациональных отношений не замедлило вылиться в форму открытых восстаний башкир против русского владычества. Восстания, начавшись еще в XVI столетии, происходили в течение всего XVII стол. Первое восстание произошло еще в 1584 году. Далее наиболее крупные волнения падают на следующие годы: 1645 г. (ближайшая причина — захват русскими колонистами земель в Уфимской провинции), 1662, 1664 г.г. (т. н. Сентовский бунт" по имени его предводителя старшины Сента), 1677, 1680, 1683 г.г. Усмирение волнений стоило немалых усилий. В усмирении принимали участие яицкие и украинские казаки, которые таким образом, оказались привлеченными к проведению русской империалистической политики на восточной окраине.

Начало XVIII века ознаменовалось новыми волнениями башкир. Восстания происходили в 1704, 1707, 1717 г.г. К восставшим башкирам примкнули киргизы. „Бунтовщики" располагали значительными силами и развернули свои действия на обширной территории. Однажды отряды восставших достигли почти самой Казани. Русские поселки по рекам Каме, Белой и Самаре были уничтожены, а население—частью уведено в плен, частью—побито. Русские отряды, посылавшиеся против восставших, попадали в очень тяжелые условия. Башкиры, входившие в состав русских отрядов, изменяли [3]).

Возведение в 30-х г.г. XVIII стол. Оренбургской укрепленной линии, которая по выражению одного автора, близкого эпохе, должна была России — „путь во всю полуденную Азию отворить... а своевольный башкирский народ на вечные времена обуздать" [4]), вызвало новое, очень крупное волнение среди башкир, для усмирения которого потребовались соединенные силы регулярных войск, донских и яицких казаков, лойяльных калмыков, чувашей, мещеряков. Только путем напряженных усилий, больших жертв с обоих сторон и жестокой расправы с восставшими (после одной из „победоносных" битв яицкие казаки сожгли до 200 башкирских деревень) удалось ликвидировать восстание [5]), При этом земли, принадлежавшие бунтовщикам башкирам, предположено было отобрать,

---

[1]) Там же, стр. 130.

[2]) Лященко — Крестьянское дело и пореформ. земл. политика, стр. 156.

[3]) Витевский — у. с., стр. 131.

[4]) Там же, стр. 133.

[5]) Там же, стр. 141—149.

а земли, находившиеся в пользовании лойяльных тептерей и мещеряков, предполагалось передать в их вечное и безоброчное владение[1]). Путь в полуденную Азию было отворен: в 1736 году в Оренбургском краю существовало уже 21 укрепление[2]); однако и после этого своевольный башкирский народ оказался далеко необузданным, как мечтал о том русский империалист XVIII стол. Башкиры восставали неоднократно, как в первой половине XVIII стол.[3]) так и в последующее время. Известна та роль, которую сыграли башкирские массы в эпоху пугачевщины. Однако борьба была неравной. И если империя смогла справиться, хотя бы и ценой сильнейшего напряжения, с обострением собственных социальных противоречий, выражением чего явилась пугачевщина, то тем более она справилась с недовольством башкир, киргиз, калмыков и других национальностей, испытавших на себе тяжелую поступь победоносного шествия русского торгового капитала, вдохновлявшего колонизационную политику.

Недовольство, разумеется, не исчезло. Оно, под влиянием внешней непобедимой силы, ушло вглубь, локализовалось в сознании наиболее угнетенных царской колонизацией социальных групп, входивших в состав покоренных национальностей. Будучи лишены возможности активных выступлений против победоносной русской колонизации, обиженные элементы пытались отстаивать свои интересы легальным путем, путем обращения к правительственным органам, у которых они надеялись найти защиту, тем более, что центральная власть, неоднократно прокламировала необходимость покровительственного отношения к покоренным. Надежда, тщетная, конечно. От торжественных заверений до будничной действительности было далеко.

Касаясь, в частности, башкир приходится констатировать, что последние в течение всего XVIII и XIX стол., вплоть до Октябрьской революции, неуклонно теряли, под влиянием колонизации, свои земли, которые переходили в руки поселенцев разными путями, причем видимость легальной сделки прикрывала самую возмутительную и беззастенчивую эксплоатацию башкирской некультурности и национальной отсталости. Достаточно сказать, что уже за пределами излагаемой эпохи, во второй половине XIX стол. разыгралась знаменитая эпопея расхищения башкирских земель под видом их покупки. Хищники были все люди высокопоставленные и привиллегированные, включительно до министров внутренних дел и государственных имуществ[4]). Всего было скуплено тогда до 850 тыс. десятин (более 900 т. га) башкирской земли по цене в среднем менее 1 р. за гектар, причем, в отдельных случаях цена доходила до 30 и даже до 8 копеек за гектар[5]).

---

[1]) Лященко — Крестьянское дело и пореформ. земл. политика, стр. 136.

[2]) Витевский, стр. 149—150.

[3]) Подробно изложено в у. с. Витевского.

[4]) Ремезов — Очерки из жизни дикой Башкирии.

[5]) Вся территория современной Башкирии достигает несколько более 15 мил. гект., считая леса, неудобные земли и проч.

Если так обстояло дело в „просвещенное“ время, следовавшее за проведением реформ, в эпоху относительной гласности, то легко можно представить себе, что творилось в более глухие времена, и какие сложные национальные взаимоотношения должны были возникнуть на почве, утучненой описанными методами колонизации.

Если у подпавших под действие русской колонизационной политики народностей не доставало сил на активное сопротивление, если в то же время на успех легальной борьбы не было никакой надежды, то ставшая об‘ектом колонизации национальность оказывалась иногда вынужденной прибегнуть к эмиграции, как к единственному исходу, который гарантировал бы ее от угнетения, которое неизбежно сопровождало политическое и хозяйственное освоение края. Эмиграция была, повидимому, широко распространена среди народностей, населявших южные и юго-восточные окраины. Известны массовые выселения за пределы занимаемых ими территорий, часто—за пределы досягаемости русского империализма, киргиз (казаков), калмыков, бурят и друг. Какими потрясениями хозяйственной жизни должны были сопровождаться эти выселения—говорить много не приходится.

В отношении киргиз и калмыков дело упрощялось хоть несколько тем обстоятельством, что в данном случае эмигрировавшие массы были кочевниками. Кочевнику, разумеется, легче передвинуться на новое место, чем оседлому жителю. История русской колонизации знает случаи, когда на эмиграцию вынуждалось именно оседлое население. Так, под давлением русского завоевания, ушли в Турцию некоторые кавказские племена.

По сохранившимся от них следам можно думать, что ушедшие обладали довольно высокой земледельческой культурой. Их уход повлек за собой обезлюдение на долгие годы обширных местностей (Черноморское побережье теперешнего Северного Кавказа). Особенно сильной была эмиграция крымских татар [1]). Остановимся несколько на этом последнем явлении.

Правительственные распоряжения, изданные после присоединения Крыма к России, носили успокоительный характер. Коренным жителям края была обещана охрана личности, имущества и религии. Высшему сословию были дарованы права российского дворянства. Был предоставлен ряд льгот по отбыванию воинской повинности и налогам. Несмотря, однако, на эти заверения, среди татар тотчас по присоединении Крыма стала развиваться стихийная эмиграция в Турцию. В настоящее время трудно определить размер этой эмиграции. Один из современников определяет ее количеством в 80 тыс. человек, другой—в 300 тысяч. Первая цифра—преуменьшена, вторая—явно преувеличена, но, несомненно, что эмиграция и абсолютно и относительно была огромна. Эмиграция про-

---

[1]) Блюменфельд.—Крымско-татарское землевладение. Лашков.—Исторические очерки крымского татарского землевладения. Усов.—Ист.-Эк. оч. Крыма в прош. и наст.:—Крымск. сельск. хоз., Симфер., 1925 г.

должалась от покорения Крыма и до конца XVIII ст., захватив частью нач. XIX ст.

Вторая сильная волна эмиграции падает на 50-е и 60-е г.г. XIX в. Она была вызвана сложными причинами, в том числе — Крымской войной и опасением репрессий со стороны русских после ухода союзнических войск. Относительно этого эмиграционного движения мы также не имеем исчерпывающих данных, однако, о нем можно судить по следующим, хотя бы и не полным, сведениям. В Перекопском уезде опустело 278 татарских селений из общего их числа 320; всего же в 4-х крымских уездах, за исключением Ялтинского, было покинуто татарами 687 селений; из них 315 опустели совершенно и не были заселены вплоть до нач. 70-х г.г. XIX ст. По официальным сведениям эмиграция татар выражалась в следующих цифрах:

В 1860 г.	126.455	чел.
„ 1861 „	13.355	„
„ 1862 „	1.897	„
ВСЕГО:	141.707	чел.

Это—не считая тех, которые ушли вместе с турецкими войсками, покидавшими полуостров после окончания войны. Таврический губернский предводитель дворянства доносил министерству внутренних дел, что за 4 месяца 1860 года Крым покинуло до 100 тыс. ревизских душ сельского населения. По его словам, степная часть Крыма представляла пустыню, при чем та же участь грозила и горному Крыму. Следствием ухода было резкое падение цен на землю—с 20 до 6 и даже до 3-х руб. за десятину [1]) (ок. 1,1 га).

С какими чувствами покидали эмигранты родину, можно видеть из следующих слов очевидца: „Татары идут и идут; целуют землю, плачут, но все-таки идут“ [2]). Трагедия эмигрантов увеличивалась чрезвычайными жертвами в пути и горьким разочарованием, которое они испытали в Турции, где их встретили сурово и недружелюбно.

Эмиграция в 50-х и 60-х г.г., когда она достигла неожиданно огромных размеров, вызвала со стороны русского правительства некоторые, правда, нерешительные меры противодействия и даже предложение ушедшим—возвратиться на родину, правда, под условием поселения на землях крымских помещиков. В XVIII ст. мы не замечаем даже этих, хотя бы и не полных и двусмысленных мер сохранения старых насельников края. Покинутые татарами земли тогда немедленно обращались в казну и становились предметом раздач в целях колонизации полуострова русскими (и украинскими) элементами. При этом, до конца XVIII ст. было роздано около 350 тыс. дес. (ок. 390 т. га), что составляет до 15% всей земельной площади полуострова [3]). Правительство сильно расчиты-

---

[1]) Усов—у. с., стр. 53 — 53. Замечательно, что вспышки татарской эмиграции замечались и позднее—в 70-х и 90-х г.г.,—там же, стр. 53.

[2]) Там же, стр. 51.

[3]) Там же, стр. 36—37.

вало на помещичью колонизацию Крыма. Поэтому раздачи носили крупный характер. Среди них встречается немало очень крупных, в особенности, принимая во внимание своеобразные условия Крымской природы и общую ограниченность земельных фондов. Так, личный секретарь Потемкина получил более 27 тыс. десятин (ок. 30 т. га), гр. Безбородко— 18 тыс. дес. (ок. 20 т. га). (правда, вместе с землями, пожалованными в Днепровском уезде), адмирал Мордвинов — ок. 6 тыс. десятин (около 7 т. га), адм. Ушаков — более 8 тыс. дес. (ок. 9 т. га), Потемкин—13 т. (а вместе с землями в Днепровском и Мелитопольском уездах—ок. 70 т. дес., соответственно ок. 15 т. и 77 т. га) и т. д. [1]).

Обе волны татарской эмиграции, в связи с производившимися русским правительством мероприятиями, произвели настоящую земельную революцию в крае, замену одних владельцев другими, привычного строя земельных отношений — совершенно новым, выражавшим собой иной хозяйственно-культурный тип.

Эмиграция крымских татар лучше всего свидетельствует о том, какими тяжелыми последствиями сопровождалась русская колонизация, вдохновлявшаяся русским империализмом, выражавшим собой интересы торгового капитала, для тех национальностей, которые делались об'ектами и жертвами этой колонизации. В частности, для того же Крыма появление на его территории русского дворянского землевладения сопровождалось закрепощением таких туземных элементов, которые, в эпоху существования национальной власти, владели землей более или менее самостоятельно. Таковы, напр., владельцы т. н. „оживленных“ участков, т. е. включенных в культурный оборот путем обработки орошения и т. п. [2]). Разумеется, подобные факты не могли содействовать добрососедским национальным отношениям и, понятно, почему до сих пор в районах национальных автономий живет недобрая память о временах появления в них русских поселенцев и существует весьма сдержанное отношение к использованию свободных земельных фондов и для целей дальнейшей колонизации. По мере того, как сознание безвозвратности минувшего и невозможности повторения при Советской власти прежних колонизационных методов, проникает в широкие массы отдельных национальностей, населяющих Советский Союз, изживается и указанное отношение.

Говоря о национальной розни, явившейся результатом колонизации, мы не должны забывать о некоторой условности и неполноте этого понятия. Дело в том, что национальности, подпавшие под действие русской колонизационной политики, как бы ни был в отдельных случаях примитивен их быт, не представляли полного единства в социально-политическом смысле. Каждая из них имела свою правящую верхушку, промежуточные группировки и угнетенную массу. В настоящее время не пред-

---

[1]) Усов—у. с., стр. 35—36.

[2]) Там же, стр. 40. Старое мусульманское правило гласит: „Кто оживляет мертвую землю, тот приобретает ее в собственность“.

ставляется возможным говорить сколько-нибудь точно о том, как реагировали на колонизационные мероприятия отдельные социальные слои, на которые распадалась каждая национальность. Подобная цель, со всей очевидностью, должна составить задачу ближайшей разработки местной истории, и приходится лишь пожалеть о том, что указанная постановка не получила до сих пор в трудах местных историков сколько-нибудь четкого выражения. В настоящий же момент можно лишь утверждать, что если правящие группы и не выигрывали от тех новшеств, которые несло с собой русское завоевание и русская колонизация, то уж проигрывали-то они, во всяком случае, меньше, чем народная масса. Для этой последней колонизация зачастую превращалась в удвоение и утроение того угнетения, которое испытывалось ею раньше. К эксплоатации, производившейся „своими", прибавлялась эксплоатация со стороны чужих пришельцев. К тому же, то, что утрачивалось правящими группами в результате русской колонизации, могло быть перекладываемо ими на плечи зависимых от них туземных же элементов.

Наконец, и отношение колонизаторов к правящим группам было существенно иное, чем к остальной массе коренного населения. Для колонизатора-помещика, колонизатора-чиновника лица, принадлежавшие к этим группам, были естественными союзниками, с ними их сближало чувство не менее глубокое, чем чувство национальной принадлежности,— общность экономических и социальных интересов. Если правильно, что вторая волна татарской эмиграции из Крыма стимулировалась отчасти самими владельцами, опасавшимися, под влиянием слухов о скором освобождении крестьян, необходимости поступиться частью земель в пользу своих крепостных [1]), то в этом отношении вряд ли существовало какое-либо различие между землевладельцами русскими и татарами. Недаром, на всю огромную массу выселившихся из Крыма, приходилось дворян-татар всего лишь 297 человек, или 0,2% [2]).

Вместе с тем, среди лиц, получивших земли в Крыму в 80-х г.г. XVIII в., в качестве одних из самых крупных получателей мы встречаем лиц татарской национальности [3]).

Выше мы видели, что манифестом 1784 года высшим сословием татар были предоставлены дворянские права. Этот прием вообще очень часто применялся русским правительством в завоеванных и присоединенных областях. Основания его ясны. Наделяя местные правящие группы правами российск. дворянства, русское правительство тем самым получало в их лице надежных союзников, которые вместе с коренным русским дворянством шли сомкнутым строем против интересов народных масс.

Так национальный момент в колонизации осложнялся моментом классовым.

---

1) Усов—у. с., стр. 50.
2) Усов—у. с., стр. 53.
3) Там же, стр. 35.

§ 18. Иностранная колонизация в Россию. Иностранная колонизация в Россию и правительственные меры по ее проведению отразили на себе влияние господствовавших в XVIII веке экономических теорий.

По учению меркантилистов богатство каждой страны заключается в возможно большем скоплении в ней благородных металлов. Эта цель достигается преобладанием вывоза над ввозом, что в свою очередь предполагает наличность развитой промышленности и достаточно густого населения. Поэтому все почти правительства крупных государств XVIII в. стремятся к увеличению народонаселения. С этой целью эмиграция воспрещается под страхом весьма тяжких наказаний. Во многих случаях лицу, совершившему попытку покинуть отечество без надлежащего разрешения с целью переселения в другую страну, а равно и его пособнику и подстрекателю грозит смертная казнь.

С другой стороны всячески поощряется иммиграция (вселение). Правительство не скупится на разного рода обещания, льготы, привиллегии и проч. для того, чтобы привлечь как можно больше желающих поселиться на их территориях. Происходит любопытная конкуренция правительства друг с другом. Изощряются в способах перетянуть подданных друг у друга. Переселяющихся стараются окружить заботами и вниманием, дабы создать дальнейшую тягу, в то время, как собственные подданные часто страдают от голода, болезней, нищеты и проч. Экономическая система меркантилизма в особенности благосклонно относилась к иммиграции промышленного элемента. Появление во второй половине XVIII столетия идеи физиократов, не изменив существенно популяционистской политики (т.-е. политики народонаселения) Западно-Европейских государств в то же время заставило правительства уделять внимание иммиграции также и земледельческих элементов.

Россия в XVIII стол. подобно прочим государствам пережила пору увлечения популяционистскими идеями. По условиям ее быта, вследствие наличности в составе ее территории обширных пространств, требовавших земледельческой культуры, идеи школы физиократов практически в ней восторжествовали. Иностранная колонизация в России носила главным образом земледельческий характер. Этому в значительной степени содействовало то обстоятельство, что правящие лица во второй половине XVIII столетия обнаруживали явную склонность к идеям физиократов. По учению последних не обрабатывающая промышленность, а земледелие является истинным и прочным источником благосостояния страны.

Экономические идеи, лежавшие в основе колонизационной политики русского правительства, осложнялись соображениями национальными, религиозными, политическими и проч. Этим последним обстоятельством в значительной степени об'ясняется то внимание, которое в вопросе иностранной колонизации уделялось славянскому элементу и христианам Турции. Этим же об'ясняется и неоднократно высказывавшееся правительством нежелание иметь в числе колонистов лиц польского происхождения. В колонизационной политике русского правительства в достаточной мере сказались также и антисемитские настроения.

Помимо общих побуждений были свои местные причины, заставлявшие обращаться к иностранным источникам колонизации. К половине XVIII века внутренний источник колонизации в значительной степени оказывается исчерпанным. Этот недостаток собственного колонизационного материала побудил правительство уже в 40-х г.г. XVIII стол. обратиться к содействию иностранцев.

Чрезвычайно характерным для колонизационной политики указанного времени представляется то обстоятельство, что одними из первых иностранных колонистов являются единоплеменники русских—австрийские сербы. Они образовали на юге две колонии—новую Сербию и Славяно-Сербию. Поселения сербов имели стратегическое значение. Они явились прямым продолжением прежних колонизационных мероприятий на южных окраинах государства. В конце 50-х г.г. XVIII века вопрос об иностранной колонизации ставится широко, но практическое осуществление наметившихся тогда мероприятий относится уже к 60-м и последующим г.г. того же столетия (царствование Екатерины II).

Помимо увеличения народонаселения от иностранной колонизации ждали и других положительных результатов. Руководящие правительственные лица полагали, что хозяйства колонистов будут иметь показательный характер. Они явятся образцовыми для местного земледельческого населения. От колонистов местные земледельцы должны были заимствовать более совершенные способы и приемы сельского хозяйства.

Для содействия переселению и устройству иностранцев на новых местах были созданы особые учреждения и в 1763 году издан манифест, устанавливавший основы колонизации.

Сущность этого манифеста сводится к следующему:

1) Все иностранцы получают позволение приезжать в Россию селиться в ней. Лиц, не имеющих средств на переселение, правительство перевозит на свой счет. По приезде в Россию переселенцы обязаны избрать род занятий.

2) Иностранцы поселяются в России на следующих условиях:

а) им даруется религиозная свобода,

б) иностранцы, поселившиеся колониями на пустопорожних местах, освобождаются от податей и налогов всякого рода, служб и повинностей на 30 лет; прочие—на более короткие сроки,

в) переселенцы получают достаточное земельное обеспечение и необходимое вспомоществование сообразно с избранным родом занятий,

г) иностранные капиталисты, устроившие в России на собственные средства фабрики, мануфактуры, заводы и проч., получают право покупать к своим предприятиям крепостных крестьян.

д) иностранцы, поселившиеся колониями и местечками, получают право собственной юрисдикции.

Манифест предусматривал возможность отдельных соглашений переселяющихся с русским правительством.

Тогда же были определены, и места, куда направление земледельческой иностранной колонизации представлялось наиболее желательным.

Такими местами являлись восточные, юго-восточные и отчасти южные окраины, а именно—Барабинская степь и местности губерний Уфимской, Оренбургской, Астраханской и Воронежской. Позднее, под поселение колонистов были отведены также местности Новороссийского края (губернии Екатеринославская, Херсонская и Таврическая), колонистам не воспрещалось селиться и в других районах, где они пожелают и где имелся запас свободных земель.

Вызов желающих переселиться совершался через особых агентов. Эти агенты либо состояли в непосредственном заведывании высшего колонизационного учреждения — „Канцелярия опекунства иностранных", либо являлись частными лицами. В последнем случае они составляли специальные товарищества вызывателей с которыми правительство заключало особые договоры. Занятия этим делом доставляло значительные выгоды, но было сопряжено и с немалым риском. Правительства крупных государств Европы не щадило репрессий по отношению к лицам, способствовавшим эмиграции их подданных. Естественно, поэтому, что по большей части за это дело брались лица весьма сомнительных нравственных качеств и темного происхождения.

Иммиграция в России протекала довольно успешно. С 1763 года по 1766 год в одно только Поволжье было отправлено 6.342 колонистских семейства, что составило около 22.800 душ обоего пола. Главным поставщиком переселенцев явилась Германия, собственно ее мелкие княжества. Крупные немецкие государства боролись с эммиграцией, и вывоз оттуда переселенцев был затруднен.

Успех иностранной иммиграции в России, помимо энергии неразборчивых в средствах вызывателей, об'яснялся теми тяжелыми условиями, в которых находились в это время народные массы Западной Европы. Там царила безработица, благодаря развитию крупной мануфактуры, лишавшей ремесленников заработка, и окончанию семилетней войны, которое привело к роспуску многочисленных армий.

Эти обстоятельства приводили к тому, что главным переселенческим контингентом являлись преимущественно жители городов: мелкие ремесленники, рабочие, выбитые из обычной житейской колеи, представители интеллигентных профессий. Рядом с этими элементами, представлявшими городской пролетариат, отправлялись и ремесленники среднего достатка, мечтавшие разбогатеть на новых местах. Русское правительство расчитывало, что часть эммигрантов во всяком случае займется земледельческим трудом или ремеслами, нужными в сельском хозяйстве.

Недовольство Западных государств энергичной деятельностью русских агентов по вызову переселенцев, послужило одной из причин того, что в 1766 году вызов был приостановлен. Этому способствовала также затруднительность, медленность и дороговизна перевозки и устройства колонистов. Ни средства, ни правительственный колонизационный аппарат не были расчитаны на такое их значительное количество, которое имело место в действительности.

Иностранная колонизация не прекратилась вовсе, но с 1766 года она совершалась на иных основаниях. Переселенцы приезжали в Россию на свой счет и устраивались на местах указываемых правительством, главным образом, в Поволжье.

Удачные войны на юге имели своим последствием значительную колонизационную деятельность по заселению южных окраин турецкими и крымскими подданными — христианами, греками, армянами, валахами, болгарами и проч. В XVIII столетии кроме немцев в Россию из Западной Европы переселялись также шведы, корсиканцы и некоторые другие. Однако, эти народности совершенно тонут в колонизационном потоке, шедшем в продолжение XVIII и первой половине XIX века из Германии. Немецкий элемент среди иностранных колонистов в России преобладает.

О размерах иностранной колонизации за изучаемый период времени можно судить по данным 10 ревизии, бывшей в 1858 — 59 г.г. К этому времени колонистов числилось более 52 тыс. семейств, занимавших более 2 мил. десятин (около 2,2 мил. гект.). Главная их масса приходилась на Поволжье (более 23 тыс. семейств) и Новороссию (27,5 тыс. семейств). Первоначальное земельное наделение колонистов было 60 десятин на двор (около 66 га).

О значении иностранной колонизации для народного хозяйства России существуют разные мнения. По одному из этих мнений признается, что важнейшая цель колонизации — стать средством распространения более совершенных хозяйственных способов и приемов среди коренного земледельческого населения достигнута не была. Необходимо иметь в виду, что если это мнение и признать правильным, то в отсутствии положительных результатов нельзя винить ни иностранных переселенцев, ни коренных русских земледельцев. Слишком были различны хозяйственные предпосылки тех и других для того, чтобы заимствование могло произойти в сколько нибудь обширных размерах.

§ 19. Значение колонизации для земледелия. В заключение остановимся кратко на тех результатах, которые сказались, благодари колонизации, в области земледелия. Мы знаем направление колонизационных процессов, и именно начиная, приблизительно со 2-ой половины XVIII в., центр тяжести земледельческого производства стал очевидным образом перемещаться по тому же направлению, т. е. к югу и на юго-восток. Это перемещение особенно заметно на распределении угодий по различным районам в различные моменты XVIII и 1-ой половины XIX в., которое усматривается из следующей таблицы:

На 100 гект. всей удобной земли приходилось:

Районы		Пашни	Сенокос	Лес	Остальн. угодия
Северо-Западн.	Генер. межев. . .	14,7	3,0	61,6	20,7
	50-е г.г. XIX в. . .	17,7	6,8	57,0	18,5
Моск.-Промышл.	Генер. межев. . .	30,8	5,5	54,4	9,6
	50-е г.г. XIX в. .	34,9	12,4	42,7	10,0

Районы		Пашни	Сенокос	Лес	Остальн. угодия
Центр.-Землед.	Генер. межев. . .	41,3	18,0	20,4	20,3
	50-е г.г. XIX в. .	60,7	12,2	15,4	11,7
Средне-Волжск.	Генер. межев. . .	36,6	13,1	40,8	9,5
	50-е г.г. XIX в. .	41,8	9,2	40,9	8,1
Север.-Вост.	Генер. межев. . .	10,3	8,9	56,6	24,2
	50-е г.г. XIX в. .	11,0	9,5	59,3	20,2
Всего по 26 г.	Генер. межев. . .	24,0	9,7	47,4	18,9
	50-е г.г. XIX в. .	29,4	10,5	44,8	15,3[1])

Из приведенной таблицы видно, что пашня возрасла всюду за счет соответственных угодий—(леса и сенокоса); однако этот рост неодинаков для различных районов: он всего выше для Центрально-Земледельческой области и всего ниже—для Московско-Промышленного Северо-Западного и Северо-Восточного. Ближайшей причиной роста пашен на окраинах является колонизация. Скромный прирост пашни в Поволжьи об'ясняется тем, что для изучаемой эпохи этот край был еще районом сравнительно недавно колонизуемым.

Относительное перемещение земледелия усматривается из следующих сопоставлений:

Из 100 гект. всей пашни было:

	В конце XVI в.	В конце XVIII в.	В 50-х г.г. XIX в.
1. В старых центральн. областях	76,1	32,6	31,1
2. В центр-земледел. и средн. Поволжье . .	23,9	67,4	68,9[2])

Колонизационное движение было столь значительным, что рост населения на окраинах обгонял даже рост пашни. Так к концу изучаемой эпохи в Центрально-Земледельческом районе, Среднем и Нижнем Поволжье сосредоточивалось 68% населения, и 75% всей пашни. Вместе с тем и система полеводства существенно разнилась по отдельным районам. В центральных старообжитых областях государства уже в конце XVIII века и даже ранее господствовало трехполье. На многоземельных окраинах господствовали более экстенсивные системы (переложная, на севере-подсечная), которые приближались к трехполью, по мере сгущения здесь населения.

Итак, уже во второй половине XVIII века наметилась в основных чертах хозяйственная дифференциация районов: юг и юго-восток приобретают черты, которые впоследствии создали им славу „житницы России“;—на севере, в нечерноземных губерниях, приобретает значение промыш-

---

[1]) Цифры взяты из соч. Огановского — „Закономерность аграрной эволюции“— ч. 11, стр. 242; автор заимствует их у Арсеньева и Янсона (данные генер. межев.) и Вильсона (50-е г.г. XIX века).

[2]) Огановский, указанное соч. стр. 243.

ленность и связанные с ней занятия, торговля, извоз и проч. Эта хозяйственная дифференциация возрастает от десятилетия к десятилетию и по мере ее возрастания все оживленнее становится товарный обмен между севером с одной стороны и югом—юго-востоком—с другой. Московский рабочий из среды оброчных крестьян ел тамбовский или украинский хлеб, а на украинских ярмарках бойко торговали владимирскими ситцами и платками. В первой половине XIX века промышленные губернии продавали в одной только Малороссии и Новороссии своих товаров на 80 мил. рублей. Увеличение емкости хлебного рынка, явившееся в результате того, что промышленные губернии не могли прокормиться своим хлебом подтверждается следующими фактами. В 40-х г.г. XIX века в Ярославской губернии не хватало и половины необходимого ей для продовольствия хлеба. Крестьяне Кинешемского уезда Костромской губ. покупали на семена ячмень и овес, привозившийся на барках с низовых губерний. Крестьяне Тверской и Смоленской губер. также вынуждены были прибегнуть к покупке хлеба[1]).

Важнейшая литература к главе II-ой.

Кроме упоминавшихся общих работ проф. Покровского, Рожкова, Лященко, Ключевского, Семевского и других, необходимо иметь в виду следующие труды:

1) Якушкин—Очерки русск. позем. политики в XVIII в.
2) Багалей—Очерки по ист. колон. и быта степной украины Моск. госуд.
3) Перетяткович—Поволжье в XVII и XVIII в. в.
4) Миклашевский—К истории хозяйственного быта Московск. госуд.
5) Соколов—Раскол в Саратовском крае.
6) Быховский—Из ист. заселения Новороссийского края.
7) Ефименко—Ист. украинского народа.
8) Заблоцкий-Десятовский—Граф П. Д. Киселев и его время.
9) Писаревский—Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.
10) Штах—Очерки из истории колонистов.
11) Витевский—Неплюев и Оренбургский край до 1758 г.
12) Савельев—Трехсотлетие войска Донского.
13) Рябинин—Уральское казачье войско.
14) Янчевский—Гражданская борьба на Северном Кавказе.
15) Вощинин и Ямзин—Учение о переселении и колонизации.

---

[1]) Пичета—„Помещичье хозяйство накануне реформы"—Сб. „Великая реформа"—т. III, стр. 109 и 111.

ГЛАВА III.

Реформы начала XVIII в. Земельный быт около полов. XVIII века. Генеральное межевание.

Разрушение поместной системы. Реформа обложения. Влияние реформ на состояние землеустроительного дела. Неустроенность пограничных отношений. Неопределенность поземельных прав некоторых категорий владельцев. Поземельный быт черносошных крестьян Севера. Поземельные владения, находившиеся в специальных условиях и некоторые специальные виды поземельных прав. Недостатки и особенности судебно-земельного процесса. Вопрос о примерных землях. Некоторые специальные виды землевладения. Пути сообщения. Межевание. Попытки производства межевания в 30 г.г. XVIII в. Межевание 50-х и 60-х г.г. XVIII в. Инструкция 1754 г. Недостатки инструкции 1754 г. Организация межевания. Законодательные работы и важнейшие нормативные акты по генеральному межеванию. Задачи генерального межевания. Основные принципы генерального межевания. Сплошной и обязательный характер. Территориальное начало. Основания установления границ, поверка поземельных прав и вопрос о примерных землях при генеральном межевании. Производство межевания в бесспорном порядке. Содержание возникавших при генеральном межевании споров. Межевые учреждения. Спорные отводы. Исследование споров. Основания к решению споров. Техническая сторона генерального межевания. Юридическое значение результатов генерального межевания. Право и факт при генеральном межевании. Землеустроительные моменты при генеральном межевании. Количественный успех и результаты генерального межевания. Генеральное межевание в прежней литературе. Оценка генерального межевания с социально-экомомической точки зрения.

§ 1. Разрушение поместной системы. Рост денежного хозяйства и постепенное разрушение натурально-хозяйственных форм сделали ненужным существование поместной системы. Реформа армии, начавшаяся еще в XVII веке, закончилась в начале XVIII века, преобразованием воинских сил в регулярную армию по Западно-Европейским образцам. Социальный состав армии также изменился. Прежде основное ее ядро составляло дворянское сословие ополчение („милиция“). Дворяне, как известно, были обязаны поголовной и пожизненной службой государству. В обеспечение службы им давалась земля на поместном или вотчинном праве.

С превращением прежних дворянских ополчений в регулярную армию, рядовой ее состав стал пополняться за счет рекрутских наборов, производившихся главным образом среди низших слоев населения. Дворянство в этой реформированной армии занимало офицерские, командные должности. Правда, по законодательству Петра служба для дворян сохраняла свой прежний обязательный характер, но мы уже знаем,

что во второй половине XVIII века, дворянству удалось освободиться от этой обязанности. Вместе с тем дворянство сумело практически обойти и свести к нулю требование о том, чтобы прохождение службы дворянами начиналось с низших солдатских должностей. Обход закона совершался следующим образом: молодой дворянин записывался на службу еще в младенческом возрасте, а то так и в утробе матери. Производство в чины шло в то время, когда он пребывал под родительским кровом, гоняя голубей с дворовыми ребятами. Когда же дворянин подрастал настолько, что мог физически приступить к службе, его отправляли в полк. К этому времени он уже обычно имел офицерский чин.

Обеспечение службы землей соответствовало господству натурально-хозяйственных форм. С осложнением последних, с происходящей денатурализацией во всех областях общественного и хозяйственного быта, этот способ должен был исчезнуть. Служба должна была оторваться от земли и мы видели, как это произошло. Земля оставалась за дворянами, но теперь уже не в качестве средства обеспечения службы, а в качестве об'екта дворянской земельной собственности, приобревшей монопольный характер.

Отрыв службы от земли сделал ненужным то обширное земельное хозяйство, которое вынуждено было вести Московское государство и наиболее ярким выражением которого являлась поместная система. Теперь исчезла надобность в поместных раздачах и всех тех мероприятиях, которые их сопровождали. Такими мероприятиями были: учет государственного земельного фонда, надзор за его использованием, производство обширных землеотводных работ и т. п. Поместные раздачи стали анахронизмом уже после указа о единонаследии 1714 г.; правда они продолжались по традиции и после указанного момента, но их количество было крайне незначительно и в 1736 году они были окончательно и бесповоротно прекращены. Дворянское землевладение теперь растет иными путями, которые подробно рассмотрены нами в предшествующем изложении.

§ 2. **Реформа обложения.** В связи с военной реформой стоит и другая важнейшая реформа XVIII в.—податная. После окончания Северной войны, возник вопрос о способах содержания армии. Правительство не придумало ничего лучшего, как отнести расходы по указанной надобности непосредственно за счет населения. Воинские части были расквартированы по отдельным местностям. Каждая местность обязана была доставить содержание соответствующей части путем внесения необходимых денежных сумм. Вся тяжесть этих расходов падала на низшие классы населения — крестьянство и посадских. Высшие классы были от них освобождены.

Для определения размеров обложения необходимо было произвести несколько счетных операций: установить размер потребностей и количество плательщиков. Тогда простым арифметическим делением одного на другое получалась величина обложения, приходящаяся на каждого плательщика.

В 1718 году было приступлено к производству учета плательщиков. На землях владельческих—сами владельцы, а на землях государственных—должностные лица обязывались сообщить сведения—подать „сказки“ о количестве крестьян. Эти сказки проверялись—„ревизовались“. Впоследствие вся эта операция, как и такие же последующие, получили название „ревизий“.

Ревизии, таким образом, суть переписи податного населения. Они производились в течение XVIII века и первой половины XIX века вплоть до реформы 1861 года. Всего было десять ревизий. Последняя десятая произведена в 1858—59 годах. Ее данные легли в основу поземельного наделения крестьян в 1860-х г.г. Промежуток между ревизиями исчисляется в 12—15 и более лет. Первая ревизия, начавшаяся в 1718 году, была произведена крайне неумело и недобросовестно. Ее окончание затянулось до 1724 года. Платежи исчислялись по количеству мужских душ. Так явился термин „ревизская“ душа. Это, прежде всего душа мужского пола, записанная в акты ревизии. Впоследствие, понятие „ревизской души“ получило несравненно более широкое значение.

Размер обложения был первоначально определен в 70 к. с души. Так возникла знаменитая подушная подать, ставшая затем главной формой прямого обложения, и оторвавшаяся от своего первоначального основания. Вместе с тем в нашем сословном праве явилось новое понятие—„лица податных сословий“... Это понятие с особой силой подчеркнуло противоположность в юридическом положении привиллегированных и непривиллегированных групп населения.

Семигривенный сбор с души падал одинаково на всех плательщиков, как на крепостных, так и на государственных крестьян. Последние были обложены еще дополнительным четырехгривенным сбором с души. От дополнительного сбора крепостные крестьяне были освобождены, в виду того, что они отбывали повинности в пользу помещика. Четырехгривенный сбор, беспрестанно увеличиваясь в размере, образовал так наз. оброчную подать, взимавшуюся с государственных крестьян в пользу государства. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что оброчная подать носила по основаниям расчета и взимания подушный характер. Однако, ее ни в коем случае нельзя смешивать с подушной податью. Это две разные формы повинностей и по целям и по размерам.

Реформа обложения, будучи связана с военной реформой, имела вместе с тем и самостоятельное значение. Она отвечала тем стремлениям к увеличению государственных доходов и поискам более совершенных налоговых систем, которые наметились еще в XVII веке и особого напряжения достигли в XVIII столетии, ввиду усиления элементов денежного хозяйства и роста государственных потребностей.

В XVII веке пришлось отказаться от „посошной системы“ взимания налога. Налог при этой системе падал на обработанную землю и вел к уменьшению темпа в росте культурных угодий—собственно—

пашни. Сделана была попытка перейти к подворному обложению, при котором налог взимался по количеству дворов. Однако и эта система скоро обнаружила ряд существенных неудобств.

Дворы показывались в преуменьшенном против действительности числе. На время производства переписей два или несколько дворов обводилось одним тыном и показывались за один двор. В некоторых случаях население укрывалось от переписчиков в лесах, и дворы, принадлежащие беглецам, показывались пустующими.

Мало помогали делу и различные комбинированные системы, к которым прибегало правительство.

Введение подушной подати, которая заменила собой ранее существовавшие формы прямого обложения, было завершением описанных правительственных исканий. Проведением этой реформы правительство расчитывало достигнуть упрощения финансовой техники и в то же время гарантировало себя от сокрытия об'ектов обложения. Известно, что за неверные показания в ревизских сказках, назначались весьма тяжелые наказания.

Подушная подать сыграла огромную роль в истории русского крестьянства. Значение ее далеко не исчерпывалось одним фискальным моментом. Оно частию выходит за пределы нашей специальной темы, частью излагалось в предшествующем и будет излагаться в дальнейшем. Здесь же отметим, что подушная подать и связанное с ней производство ревизий сильно упростили юридический состав русского общества. Последнее было разделено прежде всего на две большие социальные группы — „податные сословия“ и сословия привиллегированные, свободные от подати. В свою очередь внутри податных групп произошло также упрощение состава. Подушная подать, которая одинаково распространялась как на крестьян, так и на холопов, содействовала об'единению тех и других в одно „крепостное состояние“. Об этом уже говорилось раньше.

Вместе с тем, ревизии ликвидировали или во всяком случае сильно ослабили различные промежуточные состояния, довольно многочисленные в Московскую эпоху. Исчезли, или почти исчезли так наз. „вольные гулящие люди“.

Они должны были избрать себе род жизни — записаться в государственные крестьяне или мещане или, наконец, избрать себе владельца, т. е. стать крепостными крестьянами. Об этом также уже упоминалось.

§ 3. Влияние реформ на состояние землеустроительного дела. Неустроенность пограничных отношений. Изложенные выше реформы нач. XVIII ст. повлияли сильнейшим образом на состояние землеустроительного дела и на организацию тех учреждений, которые этим делом ведали. Разрушение поместной системы устранило необходимость в производстве сплошных и обязательных межеваний, производившихся по инициативе государства. Податная реформа сделала ненужными прежние дорогие и сложные земельные кадастры. Вместе с описанными реформами разрушается, хотя и сложная, но не лишенная стройности система землеустроительного дела, наблюдавшаяся в Московскую эпоху. Помест-

ный приказ, который стоял во главе Московских межеваний, во главе земельного хозяйства Московского государства, утрачивает свое первоначальное значение, а затем и вовсе ликвидируется. Он был заменен учреждением с гораздо более узкими функциями—Вотчинной Коллегией.

Вследствие отсутствия сплошных и обязательных государственных межеваний, наступает неустроенность пограничных отношений. Эта неустроенность составляет выдающуюся черту поземельного быта первой половины XVIII ст.

Последнее, сплошное „валовое“ государственное межевание производилось в 80-х г.г. XVIII ст., еще при действии поместной системы. В силу различных причин межевание это осталось неоконченным и коснулось далеко не всех владений государства. После этого, межевание производилось лишь по отдельным просьбам, подававшимся сначала в поместный приказ, а затем, в вотчинную коллегию, а также по отдельным правительственным распоряжениям, касавшимся каких-либо исключительных случаев. Таковы были, напр., правительственные мероприятия первой половины XVIII века, являвшиеся попыткой произвести межевание земель, принадлежавших некоторым категориям служилых людей прежних служб, межевание выгонных земель городов, межевание башкирских земель, имевшее целью упорядочить отношения коренных обитателей края с пришлыми поселенцами, межевание вотчин, составлявших личную собственность императрицы Елизаветы, и некоторые другие.

В большинстве случаев, эти попытки были неудачными и не охватывали сплошных территорий, за исключением так наз. „Ингерманландского межевания“, которое, впрочем, также не имело успеха и которое мы рассмотрели в другом месте.

Подавляющая же часть владений частных лиц, крестьян и казны оказывались вовсе неустроенными. Границы, установленные в порядке прежних писцовых межеваний, в огромном большинстве случаев, исчезли, сделались неясными и спорными. Путем раздроблений ранее существовавших поземельных единиц, образовалось множество новых владений, границы которых никогда не подвергались определению и юридическому оформлению и т. д.

Благодаря указанным обстоятельствам, пограничные отношения спутались до крайности. Участились взаимные захваты земель. Возникли многие тяжбы, трудно поддававшиеся разрешению. Владелец, действовавший даже и вполне добросовестно, всегда рисковал быть обвиненным в захвате земли у соседа, в виду неизвестности границ, и подвергнуться действительному захвату со стороны соседа по той же причине.

Захваты и тяжбы даже и при наличности полной бесспорности земельной правоспособности владельца, делали землевладение положительно неустойчивым.

Те земельные захваты, которые наблюдались в XVIII веке и которые составляли выдающуюся черту в земельной истории указанного столетия, имея своим источником причины социального характера, тех-

нически сильно облегчались именно благодаря указанной неустроенности пограничных отношений.

В своем месте мы приводили свидетельства современников, касающиеся описываемой стороны земельного быта. Еще более характерным, чем приведенные выдержки из авторов, писавших в XVIII в., является официальный акт — донесение Вятского воеводы. Это донесение рисует дело такими чертами, которые переносят воображение в какие-то совершенно первобытные условия, свойственные зачаточному состоянию гражданственности и совершенно не мирящиеся с представлением о сколько-нибудь благоустроенном государстве: „между Вятским и Устюжским уездом... пришлые неведомо какие люди немалым числом поселясь насильно собой, деревнами и починками живут, от которых во время посыланных для взятия их от Вятской канцелярии партий чинятся многие противности и притом же сильно поселившиеся крестьяне об'являя о себе, будто бы та земля и они Устюжского, а не Вятского уезда, и посланных и понятых бьют их и увечат безчеловечно, из коих понятых одного крестьянина и до смерти убили, точию за оными противностями вяще ж за неимением... о земляных дачах известиях о тех землях и пришлых крестьян следствия производить и окончить невозможно“.

Попытки упорядочения пограничных отношений приводили нередко к открытому сопротивлению, дракам и убийствам. Так, известно, что при производстве межевания собственных вотчин императрицы Елизаветы в Нижегородской губернии произошли крупнейшие беспорядки. В них приняли участие не только мирские люди, но и монашествующая братия расположенных по смежеству монастырей. Беспорядки сопровождались убийствами. Так как неопределенность границ и земельные захваты непосредственно вредили крестьянам, населявшим казенные и частно-владельческие земли, то беспорядки часто обращались в столкновения между крестьянами соседних имений. Крестьяне, то по настоянию владельца или приказчика, то по собственной инициативе, устраивали на границах целые сражения.

Неустроенность пограничных отношений, усиливавшаяся с каждым годом, по мере того, как прежние документы на землю и прежние писцовые межевания утрачивали соответствие с современностью, выдвигало необходимость производства сплошного и обязательного государственного межевания. В том же направлении действовали и другие стороны поземельного быта, частью явившиеся результатом реформ нач. XVIII ст.

§ 4. Неопределенность поземельных прав некоторых категорий владельцев. Как известно, помимо дворян служилыми землевладельцами являлись многочисленные и разнообразные разряды служилых людей низших служб. Они во множестве населяли бывшую степную окраину Московского государства, а также встречались, хотя и в значительно меньшем числе, и в других районах. В нач. XVIII века весь этот бывший служилый люд об'единился под наименованием однодворцев. Наряду с этим названием, некоторое время официально существовали и другие

(„старых служб служилые люди“), постепенно исчезавшие и вытеснявшиеся указанным наименованием.

Землевладение однодворцев и других разрядов низших служилых людей произошло таким же путем, как и землевладение дворянства. Земля давалась и тем и другим на поместном праве — за службу и в обеспечение службы. Однако, реформы нач. XVIII века, разрушив поместную систему, повергли землевладение однодворцев в состояние значительно большей неопределенности, чем землевладение дворянства. С нач. XVIII века служба однодворцев теряет свой прежний поголовный характер. Как мы знаем уже, из однодворцев организуется особый род территориальных войск—(„ландмилицкие полки“). Ландмилиция содержалась частью за счет общегосударственных средств, подобно прочим вооруженным силам государства, частью—за счет специальных подушных сборов, взимавшихся с однодворцев также, как и с прочих разрядов государственных крестьян.

Таким образом, служба однодворцев, как и служба дворянства, отрывается от земли. Однако, на этом сходство в положении тех и других и кончалось. Землевладельческие права дворянства не подвергались никакому сомнению и оспариванию. В отношении же землевладения однодворцев возникал вопрос: на каком основании они владеют землей, если уничтожена была их обязательная и поголовная служба. Признанию за однодворцами права собственности на землю мешала общая тенденция эпохи, которая клонилась к усвоению только дворянам права владеть землей, как собственностью.

Таким образом, землевладение прежних служилых людей низших служб существовало, как широко распространенный факт, но факт этот не имел точных определений в действующем праве. Тем самым, возникала задача определить правовое положение и правовую квалификацию однодворческого владения в новых условиях общественного и государственного быта. В первой половине XVIII века был издан законодательный акт, касавшийся непосредственно однодворческого землевладения. Указ 1714 года был воспринят однодворцами, как освобождение поместных земель от лежащих на них воспрещений в смысле их отчуждений. Вследствие этого, однодворцы начали продавать свои земли посторонним лицам. (Право обращения однодворческих земель путем сделок среди служилых людей одного и того же города существовало и раньше). В 1727 году правительство признало совершенные ранее сделки, но воспретило заключение их в дальнейшем. Указ этот, однако, в значительной степени оставался мертвой буквой. Его было совершенно недостаточно для точного определения правового положения однодворческого землевладения.

Недостаточная определенность поземельных прав существовала не только в отношении однодворцев. Как мы знаем, в течение XVIII столетия все более и более обнаруживается стремление законодательства к тому, чтобы предоставить дворянам монополию на право владения землей, как собственностью. Вместе с тем, в состояние правовой не-

определенности попадало землевладение многих лиц, земельные права которых сложились исторически, или возникли фактически, но теперь оказывались в противоречии с общим направлением законодательной политики, а часто и с буквой действующего закона. Отсюда возникала задача пересмотреть действующие правила, привести их в систему, устранить из них неясности и противоречия и согласовать их с основными принципами земельного законодательства, все более и более проникавшегося исключительностью дворянских интересов. Далее, необходимо было пересмотреть фактическую сторону землевладения под указанным углом зрения и ликвидировать такие виды земельных владений, которые противоречили основным началам земельной политики. Эта последняя задача не могла быть решена в рамках одной лишь законодательной деятельности и требовала непосредственного вмешательства со стороны государства в область поземельных отношений.

§ 5. Поземельный быт черносошных крестьян севера. Неопределенность поземельных прав существовала и в отношении так называемых черносошных крестьянах севера. Их поземельный быт представляет значительный интерес, в виду относительной многочисленности этой группы свободного крестьянства.

Черносошные крестьяне населяли северную окраину России—уезды поморские и северу-восточную окраину Новгородской земли (бывш. Обонежская пятина). Они жили в пределах позднейших губерний Архангельской, Вологодской и Олонецкой. Черносошные крестьяне представляли собой остатки некогда распространенных всюду „черных“ крестьян. Эти последние в центральных частях бывшего Московского государства исчезли благодаря поместным раздачам и увеличению землевладения церковных учреждений. На севере поместное землевладение почти вовсе отсутствовало, и жившие там черные или черносошные крестьяне смогли сохранить свою свободу от крепостного права и свой исторически сложившийся земельно-хозяйственный уклад.

Этот уклад представлял значительные своеобразия. Крестьянские земли делились на две категории: земли, находившиеся в пользовании крестьянских общин — волостных и деревенских и земли, состоявшие в пользовании отдельных крестьян. В индивидуальном пользовании находились пашни, часть сенокосов, расчистки, (места освобожденные от леса трудом отдельных крестьянских семейств). В общинном пользовании состояли часть сенокосов, леса, воды и некоторые другие угодья.

Взаимные отношения земельных прав общины и отдельных крестьян, не были точно определены. При наличности некоторых высших прав общины на всю общинную территорию отдельные владельцы из числа крестьян распоряжались находившеюся в их пользовании землей, как личной собственностью. Они дробили ее в порядке наследования, закладывали, дарили, продавали и проч. Отчуждение крестьянских участков не ограничивалось тесным кругом лиц, принадлежавших к крестьянскому „миру“. Помимо самих крестьян в приобретении крестьянской земли участвовали городские жители, купцы, чиновники, духовенство и проч.

Права крестьян на столь свободное распоряжение принадлежащими им участками земли не были определены законом. В законодательстве XVII стол. можно найти даже стремление ограничить эту свободу. Однако, издававшиеся иногда ограничительные постановления не достигали цели. Таким образом, свобода распоряжения явилась в результате фактически сложившегося положения вещей. Она не находила себе опоры в общем духе законодательства XVIII столетия, становившегося все более и более враждебным по отношению ко всякому виду свободного в юридическом смысле землевладения, кроме дворянского.

Существовавшая свобода отчуждения крестьянских участков привела к имущественному неравенству в среде самих крестьян и к появлению так наз. „деревенских владельцев", собственников крестьянской земли из числа посторонних крестьянству лиц. Владения этих лиц достигали иногда значительных размеров. Деревенские владельцы вторгались в среду крестьянского люда и были настоящей язвой северной деревни. Отторгая от крестьян значительную часть их земель, они в то же время всячески уклонялись от участия в общественных повинностях и раскладках. Вместе с тем, пользуясь беззащитностью крестьян и их тягостным положением, они их беззастенчиво эксплоатировали. Крестьянская земля сосредоточивалась не только в руках лиц некрестьянского происхождения, но также в руках отдельных зажиточных крестьян, которые были ничем не лучше, чем деревенские владельцы из числа посторонних лиц. Изложенное обстоятельство обусловливало собой задачу уточнения поземельных прав черносошных крестьян, принятие мер против существующего земельного неравенства и дальнейшего перехода крестьянских земель в посторонние руки.

К такому вмешательству в поземельные отношения черносошных крестьян правительство вынуждалось не только общей неупорядоченностью этих отношений, но и соображениями фискального свойства: неодинаковость земельного обеспечения крестьян, наличность в их среде малоземельных и даже вовсе безземельных влекла за собой неисправность в отбывании повинностей и платежах подушного сбора. Одинаковость налоговых тяжестей, исчисляемых вне всякой зависимости от степени имущественного достатка и земельного обеспечения, должна была подсказать мысль о необходимости земельного поравнения.

§ 6. Поземельные владения, находившиеся в специальных условиях и некоторые специальные виды поземельных прав. Все следствия, вытекавшие из неустроенности землевладения, получали особую остроту в отношении некоторых отдельных местностей и некоторых видов поземельных прав.

На степной окраине бывшего Московского государства, в области так наз. „диких полей", еще в эпоху действия поместной системы возникло множество поземельных владений. Они находились в особенно неясном и неопределенном положении, которое являлось источником нескончаемых споров и тяжб. Это — так наз. дачи из диких полей. В свое время их отвод не сопровождался всеми теми действиями, ко-

торые обычно происходили при отводе земель в более центральных уездах государства и которые придавали землевладению в этих последних большую прочность, устойчивость и определенность. Если землеизмерительная и землеотводная техника в Московском государстве вообще была низка, то на окраинах не прибегали и к тем примитивным техническим приемам, которые практиковались в центре. Благодаря этому владельцы дач из диких полей были поставлены зачастую в невозможность указать хотя бы приблизительно границы своих земель. Эти границы не могли быть и восстановлены вследствие недостаточности, а часто и совершенного отсутствия необходимых данных в актах отвода и иных документах, удостоверяющих права владения.

Отсюда возникала задача — создания особых специальных правил, направленных на упорядочение поземельных отношений в районах диких полей.

Другим видом владения, возникшим также в связи с поместной системой, было общее и чресполосное владение. Этот вид земельных отношений количественно постоянно возрастал вследствие происходившего дробления и мобилизации земельных имений. Он был свойственен уже не одной какой либо местности, а встречался буквально всюду. К этой категории сложных форм земельных отношений следует отнести также некоторые специальные виды сервитутов. Таково, напр., „право в'езда в чужой лес".

Указанные формы земельных отношений стесняли хозяйственную инициативу и самодеятельность владельцев. В некоторых случаях, как напр., в случаях права в'езда, они побуждали к хищническому использованию природных богатств. В то же время эти формы являлись постоянным источником земельных неурядиц. Условия землепользования в так наз. общих и чресполосных дачах приводили к постоянным столкновениям, вызывавшимся нераздельностью некоторых угодий и чресполосным расположением других. Вместе с тем, они питали среди совладельцев особое чувство соседской подозрительности.

Невозможность проверить соответствие фактического пользования с правами, служило причиной появления у каждого сомнений в правильности владения всех прочих участников общей дачи. Каждый готов был предположить, что у его соседа находится земли больше, чем ему следует по его правам.

Неудобства общего и чресполосного владения сознавались еще в XVII веке и ранее [1]). Однако, меры принятые в 80-х г.г. этого стол. к его сокращению успеха не имели. Проблема ликвидации общих и чресполосных дач оказывалась весьма сложной и требовала большой осторожности в подходах к ней. В XVIII стол. во всяком случае вставала задача, если не полностью ликвидировать общее и чресполосное владение, то, по крайней мере, создать такие условия, которые бы облегчили достижение этой цели в будущем.

---

[1]) Рождественский — Служилое землевлад. в XVI в. Седашев — Очерки и матер. по ист. рус. землевлад. Шульгин — Очерки позем. быта в Моск. госуд.

§ 7. Недостатки и особенности судебно-земельного процесса. Запутанности поземельных отношений сильно содействовали недостатки самого суда, призванного к охране земельных прав. Эти недостатки носили частью общий характер. Они заключались в общественных и служебных нравах того времени, в пристрастности и взяточничестве судей, в их склонности поддерживать интересы более сильной стороны, в зависимости судей от посторонних влияний и т. д. Частью же, недостатки эти коренились в особенностях самой организации суда и процесса.

К рассмотрению этих последних мы и переходим.

Прежде всего земельные правонарушения ведались двумя видами учреждений, резко отличавшихся и по своему составу и по способу действия и по своей авторитетности. Нарушения, заключавшие в себе элемент самоуправства, как напр., земельный захват, составляли компетенцию органов административно-полицейских. Таковыми являлись органы воеводского управления. Эти органы совершенно не были приспособлены к разбору земельных дел. Они вносили в них свои специфические навыки и на первый план выдвигали более близкую к обычному кругу их деятельности сторону уголовно-правовую. Вместе с тем они игнорировали то, что в земельных столкновениях составляет их главную сущность и что придает этим столкновениям их специальный характер, т. е. нарушение собственно земельных прав владельцев. Кроме того, административно-полицейские учреждения, пользуясь недостаточной определенностью закона и руководствуясь сложившейся практикой, принимали к своему рассмотрению по одному лишь признаку совершенного правонарушения и такие дела, которые не относились к кругу их деятельности.

Споры о правах, вытекавших из гражданских правоотношений, в том числе и спор о праве собственности, подлежали веденію вотчинной коллегии.

Это учреждение, явившееся на смену поместному приказу Московской эпохи, было поставлено очень высоко. Однако этого единственного по существу настоящего судебного учреждения по спорным земельным делам было явно недостаточно. К тому же оно не располагало надлежащим количеством агентов для производства местных обследований, экспертиз и других действий, имеющих столь важное значение в земельных делах.

Вотчинная коллегия была перегружена множеством дел, поступавших со всех концов обширной империи. Дела в ней залеживались годами и десятками лет, дожидаясь своей очереди и усиливая тем самым общую картину судебной волокиты. Обстановка была такая, что часто оказывалось невозможным—добиться сколько нибудь быстрого и правильного решения. Разумеется, недостатки судоустройства широко эксплоатировались тяжущимися и их пособниками из числа „служителей правосудьи“. Скромное положение этих последних далеко не всегда соответствовало тому значению, которое они могли иметь в разрешении дел.

Недостаткам судоустройства соответствовал ряд недостатков судопроизводства или судебно-земельного процесса в тесном смысле слова.

Действовавшие процессуальные правила основывались на уложении, дополнительных к нему статьях, писцовом наказе 1684 года и некоторых распоряжениях более позднего времени. Они давали сложную сеть постановлений, касавшихся одного из существенных моментов процесса—вопроса о судебных доказательствах. Эти постановления были лишены об'единяющего начала, были проникнуты с одной стороны крайней казуистичностью, а с другой—не предусматривали целого ряда случаев, встречавшихся на практике неоднократно. Точные законодательные определения были тем более необходимы, что одним из главнейших источников доказательств, в соответствии с общим характером процессуального права того времени, признавались различные документы. Они относились как к основаниям владения, так и к его размерам.

Документы носили чрезвычайно пестрый характер. Они различались как по времени своего происхождения, так равно и по степени полноты и точности. Нередко, одни документы находились в резком противоречии с другими, между тем законодательство не давало точных правил относительно подобных столкновений или существовавшие правила не соответствовали действительной ценности документа. Так при столкновении писцовых книг разновременного происхождения предпочтение отдавались более поздним, между тем боле поздние писцовые книги были далеко не всегда и более точными. Напротив, благодаря целому ряду обстоятельств, очень часто наблюдалось явление обратного порядка. Между тем вместо того, чтобы предоставить оценку доказательств свободному усмотрению судьи процессуальное право устанавливало чисто внешний принцип—происхождение документа во времени. Этим признаком судья неизбежно должен был руководствоваться.

Действовавшие правила не устанавливали также достаточно точно и подробно отношения документальных доказательств к другим их видам—дознанию через окольных людей, свидетельским показаниям и проч., что на практике, понятно, приводило к важным неудобствам.

Одним из крупнейших недостатков судебно-земельного процесса являлось смешение в нем иска о границах—иска межевого, а равным образом—о восстановлении нарушенного владения с иском о самом праве на владение—иском вотчинным.

Все эти виды исков, разделяемые в позднейшем праве, смешивались в праве Московской эпохи. Тогда такое смешение диктовалось всеми условиями земельно-правового строя. Правовая тенденция Московской эпохи сводилась к отрицанию за поземельными границами самостоятельного значения. Законное владение данного лица простиралось до пределов, определяемых не столько внешними его границами, сколько тем количеством земли, на которое служилый человек имел право в силу поместного пожалования или иного основания. Изложенное начало было в высшей степени свойственно владению поместному, но оно не было чуждо и владению вотчинному. Отсюда,—всякий иск одного владельца против другого о нарушении владения, влек за собой поверку прав обоих, т. е. удостоверение в законности основания владения и в соот-

ветствии фактических размеров землевладения с правами каждого. То же самое происходило и в случае исков, направленных на установление спорной границы. Последняя определялась в связи с основаниями владения, с родом прав и количественной их стороной. Такой порядок вещей основывался на происхождении и зависимости поземельных прав от государства.

В соответствии с этим и был построен весь административно-судебный и судебно-земельный аппарат московского государства.

К половине XVIII века строй, созданный условиями предшествующей эпохи, уже совершенно разрушился. Он был подточен целым рядом законодательных актов, постепенно устранявших или ослаблявших действовавшие ранее принципы. Между тем в процессуальном праве продолжали сохраняться прежние правила. Легко себе представить, к каким неудобствам приводило это на практике. Всякий спор о завладении, который мог быть разрешен сравнительно просто на основании фактического владения в момент, предшествовавший правонарушению, необходимым образом влек за собой постановку весьма сложного вопроса об основании и законности размеров владения обоих спорящих сторон. Решение этого вопроса встречало сильнейшие препятствия как в недостатках судоустройства и судопроизводства, так равно, и в сложности и запутанности фактической обстановки подобного рода дел. Таким образом возникла весьма трудная задача, заключавшаяся в реформе суда, в изменении процессуальных норм и в приспособлении их к новым условиям общественного и правового строя. Эта задача предполагала не только хорошую изученность бытовых отношений, но и способность к юридическим расчленениям и обобщениям. Она должна была привести к отделению факта и права и к созданию таких условий, при которых спокойному и бесспорному факту, как таковому, была бы гарантирована правовая защита, хотя бы он и не соответствовал формально бесспорному, но утратившему свою жизненную силу и практический смысл праву.

§ 8. Вопрос о примерных землях. Расхождение факта и права с особой силой сказалось в одной любопытной и важной подробности поземельного быта эпохи—в вопросе о т. н. примерных или излишних землях. Возникновение последних относится к предшествующим столетиям.

Примерные земли были результатом своеобразия землеотводной техники Московской эпохи, были одним из ее приемов. При поместных раздачах, в целях придания землевладению большей материальной определительности, устанавливались границы тех территорий, в пределах которых происходило испомещение. Хотя с этими границами и не связывалось всех тех юридических последствий, которые им были усвоены последующим правовым развитием, но тем не менее они представляли известные удобства и значение, так как ими определялся об'ем тех поземельных единиц—писцовых дач, в пределах которых осуществлялось наделение и которые в своей совокупности как бы составляли

территориальную канву, облегчавшую использование земельного фонда со стороны государства и придававшую известную внешнюю определительность и наглядность использования его со стороны отдельных владельцев.

Во избежание при проведении границ исскуственности, которая привела бы к усложнению технической стороны в землеотводных операциях, границы стремились устанавливать по т. н. живым урочищам. Приэтом, пространство внутри границ часто заключало в себе количество земли повидимому или даже и заведомо большее того, на которое имели право наделяемые лица. Эти излишки, определившиеся приблизительно, прикидывались, примеривались на глаз в различных целях, напр., в целях использования их для наделения новых лиц, для так наз. одабривания земель, исправления за их счет допущенных при отводе ошибок и проч. Нечто подобное наблюдалось в передельной практике крестьян еще в 40-х г.г. XIX столетия, когда земли было относительно много и когда крестьяне часть земли не пускали в передел, оставляя ее как для наделения прибылых душ, так равно и для исправления ошибок, которые могли вкрасться при производстве передела.

Примерные земли в дачах не отграничились от земель, розданных в поместное владение. Тем самым облегчалась возможность захвата их со стороны участников дачи.

Такой захват не представлял большой опасности с точки зрения интересов государства, которое считало себя непосредственным собственником и распорядителем примерных земель. При последующих описаниях и измерениях земель за владельцами все равно оставлялось лишь то количество земли, на которое они имели право и которое, во всяком случае, не превышало величины их служилого оклада. Все же остальные земли, как излишние, в виде общего правила, отписывались „на государя“, отрезывались в государственный земельный фонд.

Таким образом, термины „примерная“ и „излишняя“ земля выражают собой две стороны одного и того же явления. Первый термин указывает происхождение, второй—дальнейшую судьбу этих земель.

Легкость захвата примерных земель представляла даже своеобразные удобства с точки зрения интересов государства. Такой захват земель, обычно, сопровождался их обработкой, приведением их в более или менее культурное состояние. Тем самым повышалась, разумеется, ценность этих земель, а вместе с тем, и общая ценность всего свободного поместного фонда, для которого примерные земли, в силу указанных причин, все равно не могли быть утрачены.

Примерные земли явились, повидимому, в результате того любопытного обстоятельства, что древне-русская землеустроительная техника гораздо легче справлялась с задачей собственно измерения земель, чем с задачей отвода определенного заранее количества их.

К половине XVIII ст, фактическое положение вопроса о примерных землях изменилось довольно резким образом. Благодаря продолжительному отсутствию сплошных государственных межеваний, захваченные

примерные земли успели „застареть“ за лицами, учинившими захват и получили в их представлениях характер правомерного обладания. Этому в сильной степени содействовала длительность и спокойствие владения такими землями, не нарушавшегося часто в течение весьма продолжительного времени. Примерные земли вместе с прочими неоднократно переходили по наследству, раздроблялись, отчуждались и т. п., что, с своей стороны, также усиливало убеждение в их принадлежности владельцам. К тому же, к половине XVIII века совершенно потеряло практическое значение понятие о служилом окладе, как о таком пределе, за которым владение теряет свой правомерный характер.

Землевладельцы, готовые во всякий момент заподозрить у соседа наличность излишков в даче и на этом обосновать собственные притязания, отнюдь не склонны были в то же время считаться с формальными правами государства на их собственные примерные земли.

К этому приводили и хозяйственные условия. Примерные земли подвергались в течение многих десятков лет хозяйственной обработке. Они настолько тесно слились в хозяйственном отношении со всем составом имения, что из'ятие их могло нарушить хозяйственную целостность и хозяйственный распорядок, а вместе с тем, подорвать хозяйственное благосостояние имения.

В связи с вопросом о примерных землях возникала задача—санкционировать и дать правовую охрану фактически сложившемуся положению вещей. Эта задача полностью соответствовала интересам дворянского землевладельческого класса, так как большая часть примерных земель входила в состав дворянских дач.

§ 9. Некоторые специальные виды землевладения. Очерченные выше задачи усложнялись еще наличностью некоторых специальных видов землевладения, которые требовали особого содействия со стороны государства.

Таково было, во-первых, землевладение городов. Размеры земельных наделов городам были еще определены законодательством XVII века. Однако, фактический отвод произведен не был. В то же время, в пределах запроектированных площадей городской земли возникли многочисленные случаи землевладения отдельных лиц. Это землевладение возникло как путем захватов, так и иными способами. Земли, находившиеся в черте городских земельных наделов, принадлежали, по большей части, городским обывателям. Таким образом, возникала задача — произвести фактическое наделение городов землей, оформить земельные отводы городам и урегулировать вопросы частного землевладения, возникшего на городских землях..

Далее — в 1764 году была произведена секуляризация церковных земель. Однако, существовавший союз церкви и государства не дал возможности этому последнему уничтожить полностью церковное землевладение. Отбирая одной рукой церковные земли, государство в то же время приняло на себя обязательство обеспечить церковные учреждения некоторыми земельными наделами. Выполнение этого обязательства ста-

вило государство в необходимость—произвести указанную землеустроительную операцию.

Секуляризация церковных земель не коснулась сельских церквей. В отношении этих последних правительство продолжало политику московских государей. Эта же политика была проникнута заботливостью об обеспечении земельного быта сельского духовенства, в котором правительство видело свою собственную агентуру. Наделение землей сельских церквей достигалось, обычно, при производстве писцовых межеваний. Однако, это наделение не всегда осуществлялось достаточно последовательно. В то же время, многие церкви возникли уже после писцовых межеваний. Таким образом, к половине XVIII века, некоторая часть церквей либо имела наделы недостаточные, либо не имела их вовсе. Тем самым, возникала задача — привести состояние церковного землевладения в соответствие с потребностью в земле сельских причтов.

Мы уже знаем, что с нач. XVIII века стала развиваться обрабатывающая промышленность. Промышленные предприятия нуждались для правильного своего функционирования в некотором обеспечении их землей. Если многие из них и владели уже землей фактически, то это владение носило часто случайный, неурегулированный и недостаточный характер. Тем самым, к указанным выше задачам, присоединялась еще одна— урегулирование землевладения промышленных предприятий. Это урегулирование должно было заключаться в отводе им земельных наделов и в придании их владением твердости и определенности.

С 60-х г.г. XVIII века начинается довольно оживленное переселение иностранцев в Россию. Значительная их часть устраивалась, как мы знаем, в качестве земледельцев в Поволжье и на южных окраинах. Быт иностранных колонистов регулировался особыми правилами, которые рассмотрены нами в другом месте. Иностранная колонизация создала особый вид землевладения, который также нуждался в землеустроительном содействии. Необходимо было произвести отвод земель, согласно установленным нормам и отграничить их от смежных владений.

§ 10. Пути сообщения. Недостаток путей сообщения в России чувствуется доселе. Тем более он ощущался в XVIII ст. Их неустроенность заключалась не только в техническом их несовершенстве, но и в правовой неопределенности. Различие между путями частного и публичного пользования, хотя и не вполне было чуждо предшествующему законодательству, но не проводилось с достаточной выпуклостью. Кроме того, многие дороги, публичный характер которых не подвергался сомнениям, но были должным образом отграничены в натуре. Неопределенность этого последнего рода служила причиной захватов путей со стороны лиц, по земле которых они пролегали, произвольного использования полотна дороги и проч. Все это, естественно, отражалось на интересах передвижения и требовало со стороны правительства принятия соответствующих мер, при том как относительно водных, так и сухопутных путей сообщения.

§ 11. Межевание. Таковы были сложные и многообразные задачи, вызывавшиеся особенностями поземельного быта эпохи. Каждая их них, вообще говоря, могла быть достигнута особо от прочих. Однако, внутреннее сродство некоторых из них и соображения целесообразности послужили причиной того, что подавляющее большинство этих задач были об'единены в одной мере, которой было придано название межевания. В этом отношении XVIII век повторил в известной степени порядки Московского государства, когда производство операций, казалось бы чисто статистического характера — поземельных писцовых описаний, об'единяло в себе весьма сложные мероприятия.

Межевание в XVIII веке было не только урегулированием поземельных границ, но и поземельным устройстом (наделение землей городов, промышленных предприятий и проч.) и землеустройством в наиболее тесном смысле слова (меры по ослаблению и ликвидации сложных форм землепользования).

Все указанные задачи были поставлены при так наз. генеральном межевании. Последнее составляет одну из наиболее выдающихся аграрных операций нашего прошлого, как по сложности и многообразию своих задач, так и по тому успеху, который сопровождал их выполнение. Однако, не сразу был нащупан правильный путь устроения земельных отношений. Предварительно были проделаны более или менее неудачные опыты.

§. 12. Попытка производства межевания в 30-х г.г. XVIII века. В первые десятилетия XVIII века, в эпоху петровских реформ, вопросы поземельного устройства не могли привлекать заметного внимания правительства, поглощенного массой забот совершенно иного порядка. Однако, уже вскоре после Петра, правительство вынуждено было поставить на очередь вопрос о производстве государственного, притом сплошного и обязательного межевания. В противоположность Московской эпохе, когда межевание производилось столько же в интересах отдельных владельцев, сколько и самого государства, непосредственно заинтересованного в упорядочении земельного строя, на котором покоилась вся военно-служилая организация, теперь на первое место выдвигаются мотивы иного свойства.

Неурегулированность пограничных отношений, неустраненная частными межеваниями и проистекающая отсюда неустойчивость владения, начинает в первую очередь заботить правительство. Вместе с постепенным исчезновением из сферы поземельных прав публично-правовых элементов, межевание становится на службу интересам частного землевладения, которые преваллируют над непосредственными интересами государства. Так как одна из господствующих тенденций эпохи заключалась в том, чтобы все частное землевладение сделать исключительным правом дворян, то и межевание, в смысле мер по упорядочению пограничных отношений, как мы выше видели, обслуживает теперь прежде всего интересы дворянского землевладения, доставляя ему надлежащую материальную прочность и юридическую определительность.

Стремлением к прекращению пограничных споров проникнуты уже первые указы XVIII века, обнаруживавшие намерение правительства произвести сплошное межевание [1]).

Указы эти были изданы в 1731 году. В них обращает на себя внимание суровость наказаний за беспорядки, происходившие на земельных границах: кнут, вырезание ноздрей, вечная каторга, а для зачинщиков— и смертная казнь, таковы те меры, которые щедро рассыпаны в названных указах и которыми правительство думало предупредить пограничные столкновения. В тоже время суровость наказаний свидетельствует о крайней остроте этих столкновений, делавших правительственное вмешательство совершенно необходимым.

Одновременно с изданием указов были предприняты некоторые практические шаги для осуществления государственного межевания. В 1735 году на рассмотрение Сената был внесен проект „наказа межевщикам". Однако проект этот не получил утверждения и само предприятие скоро заглохло.

Причинами столь быстрого отказа правительства от своего намерения были: 1) Недостаток технических сил и средств для исполнения грандиозной задачи, выдвигавшейся тогдашней неупорядоченностью поземельных отношений и 2) сознававшееся, повидимому, несовершенство проектированного наказа и бессилие в создании более рационального межевого законодательства.

Описанное намерение правительства в истории наших аграрных операций мелькнуло, не оставив после себя никаких ощутительных следов, за исключением некоторых мелочей, повторенных в позднейшем законодательстве.

Несравненно больший интерес представляет аналогичная попытка, предпринятая в 60-х г.г. XVIII века.

§ 13. Межевание 50-х и 60-х г.г. XVIII-го века. Инструкция 1754 г. В 1752 году, под непосредственным влиянием участившихся и до крайности обострившихся земельных споров и пограничных столкновений, доходивших до целых сражений с десятками убитых и массами раненых, создана была особая комиссия для составления новой межевой инструкции и правительство выразило твердое намерение произвести межевание всех земель государства за исключением окраин. Межевание предполагалось начать с Московской губернии. Повидимому, это об'яснялось столько-же ее центральным географическим положением и исключительным дворянским значением, сколько желанием испробовать пригодность будущей инструкции на опыте одной губернии.

Работа в комиссии, казалось, была поставлена вполне рационально. По свидетельству одного из старейших историков русского межевания— Иванова комиссия изучила делопроизводство по составлению проекта инструкции межевщикам, ознакомилась с существом поземельных дел и

---

[1]) В настоящей главе мы не касаемся так наз. „ингерманландского межевания", так как последнее было изложено в иной связи.

тяжб, обратив особое внимание на дела по производству межеваний, собрала все предшествующие узаконения по этому вопросу, произвела систематизацию собранного законодательного материала и на основании этих предварительных работ составила межевую инструкцию, известную под названием „Межевой инструкции 25-го мая 1754 года". В литературе она иногда зовется „1-ой межевой инструкцией" (или „Елизаветинской инструкцией", так как была издана при Елизавете), в отличие от последующей инструкции, изданной при Екатерине II-й и послужившей одним из основных актов Екатерининского межевания или генерального межевания в собственном смысле.

Инструкция 1754 года представляет собой чрезвычайно громоздкий законодательный памятник. Она заключает в себе множество повторений, часто излишних деталей и в то же время не всегда дает возможность легко уловить основные принципы, положенные в основу межевания. Крайне тяжелый слог инструкции делает, с своей стороны, изучение ее затруднительным.

Что касается содержания инструкции, то степень проявленной ее авторами оригинальности совершенно не соответствует той работе, которая была положена на ее создание. Важнейшими источниками инструкции послужил писцовый наказ 1684 года. Более второстепенное значение имели—Уложение 1649 года и некоторые законодательные акты позднейшего времени. Авторы инструкции не сумели отнестись к имевшемуся в их руках материалу с должной критикой. Они изменили несколько систему источников, но довольно последовательно скопировали основные их принципы. Применение этих последних в изменившихся условиях поземельного быта несло в себе залог неуспеха всего предприятия. Действительно, несмотря на значительную энергию правительства, межевание по инструкции 1754 года не подвинуло сколько нибудь заметно дела упорядочения поземельных отношений. Оно продолжалось около 10 лет, но далее Московской губернии не пошло, да и в той с великими затруднениями было обмежовано окончательно всего несколько десятков дач.

§ 14. Недостатки Инструкции 1754 года. Переходя к выяснению причин поразительного неуспеха межевания, производившегося на основании инструкции 1754 года, мы должны прежде всего отметить, что едва-ли не важнейшей из них было — последовательное перенесение в условиях нового земельного строя старого принципа писцовых межеваний—поверки („ревизии") поземельных прав с отобранием („редукцией") земель, оказавшихся в незаконном владении. Инструкция 1754 года в общем повторила вполне постановление писцовых наказов о поверке земельных владений в обоих ее моментах: 1) поверки основания (титула) владения и 2) поверки соответствия фактического количества земли с правами владельцев.

Поверка, в указанном выше смысле, производилась в отношении лиц, имевшим право владеть землей. Что же касается лиц, непринадлежавших к дворянству, которые не имели права владеть землей как частной собственностью, то они обязывались в течение определенного срока

продать свои земли лицам, обладавшим надлежащей правоспособностью. Земли, владение коими не имело законного характера, как общее правило, подлежали отобранию, но они могли быть оставлены владельцу, имеющему вообще земельную правоспособность, если были заселены его крестьянами, за определенную плату в казну и в определенном размере, соответственно количеству душ крестьян.

Суровые требования Инструкции, не соответствовавшие ни интересам дворянского класса, ни тому земельному строю, который успел сложиться в половине XVIII века и в котором преобладающее начало получила частная дворянская земельная собственность, послужили причиной отрицательного отношения к предстоящему межеванию со стороны господствующих групп землевладельцев. Вместо поддержки межевание встретило со стороны этих последних глухую оппозицию, местами становившуюся явной и принимавшую форму открытого сопротивления и беспорядков, „межевых бунтов“, время от времени вспыхивавших, несмотря на подтверждение карательных законов, изданных в 30-х годах XVIII века.

Более правильно инструкция отнеслась к вопросу о примерных землях. Сознавая трудность их полного из‘ятия да и не нуждаясь в них непосредственно, ввиду отсутствия государственного земельного хозяйства, подобного Московской эпохе, когда из‘ятые земли поступали в государственный поместный фонд, правительство оставляло их владельцам за плату более, чем умеренную (10 коп. — с десятины).[1])

Таким образом, следуя интересам дворянства, правительство фактически отказывалось от права собственности на примерные земли. Но этот новый свой взгляд правительство не сумело реализовать должным образом. Отказываясь от своего права на примерные земли, оно не признало однако права на них тех лиц, во владении коих они фактически издавна состояли.

Примерные земли должны были подвергнуться разделу между смежными владельцами. В этом заключалась несомненная ошибка инструкции. Возможность поживиться за счет соседа возбуждала алчность владельцев и послужила причиной споров и недоразумений, которые явились немалым тормазом к производству межевания. В том же направлении действовал и принятый инструкцией прием разверстания примерных земель. Для этой последней цели дачи соединялись в „округи“, и земля разверстывалась между владельцами одной округи. Для владельцев возникал интерес попасть в ту именно округу, где можно было ожидать значительного количества примерных земель. Отсюда—их протесты и споры против зачисления в округи, где примерных земель не ожидалось, настойчивое стремление устроиться именно так, как это подсказывалось их земельной жадностью. Отсюда проистекал ряд необоснованных претензий и в результате — задержка в производстве межевания. Таким образом Инструкция 1754 года в части, касающейся примерных земель, удовлетворяла классовый интерес дворянства в целом, но была построена таким образом, что вела к столкновению отдельных индивидуальных

---

[1]). 1 дес. = ок. 1,1 га.

дворянских притязаний, а это не могло не отозваться роковым образом на судьбе самого межевания.

Наконец, Инструкция, следуя постановлениям писцовых наказов 80-х г.г. XVII века, провозгласила требование обязательного разверстания общих и чресполосных владений. Эти последние, как мы знаем, действительно издавна являлись очагами земельной смуты и неразберихи. Вместе с тем, однако, разверстание общности и чресполосности представляется операцией весьма сложной, и, провозгласив требование обязательности такого разверстания, Инструкция 1754 года тем самым создала ряд неодолимых затруднений в производстве межевания.

§ 15. Организация межевания. Другой важнейший недостаток рассматриваемого межевания заключался в самой его организации.

Во главе межевания была поставлена главная Межевая канцелярия при Сенате. Надзор за производством межевания был возложен на Московскую Губернскую Межевую канцелярию. Далее следовали провинциальные межевщики и, наконец, — непосредственные исполнительные органы—межевые партии. Они состояли из межевщика, которому поручалась административно-юридическая часть межевания, и геодезиста, на которого возлагались обязанности технического характера. Здесь прежде всего обращает на себя внимание излишняя громоздкость организации. По ряду дел существовало целых три инстанции, из коих каждая рассматривала дела по существу, что влекло за собой понятную и неизбежную волокиту и замедление в ходе дела, в особенности, если принять во внимание продажность и взяточничество тогдашних чиновников.

Далее, — исполнительный орган был излишне и ненужно дифференцирован. Функции юридические и технические при межевании настолько тесно слиты, что разделение их представляется прямым насилием над природой самого межевания. К тому же, поручение этих функций двум различным лицам вызывало между ними трения и со своей стороны также препятствовало успеху дела. Обязанности межевых и иных учреждений, ведавших земельными делами (вотчинные учреждения), не были точно разграничены. С одной стороны в решении некоторых, возникающих при межевании дел принимала участие вотчинная коллегия, с другой — функции межевых учреждений несомненно вторгались в сферу компетенции вотчинной коллегии. Межевым учреждениям приходилось принимить на себя решение многих вопросов, которые и по традиции и по букве действующего закона подлежали суду последней. Таким образом создавался вредный параллелизм и несогласованность. Рассмотрение этого рода дел в межевых учреждениях осложнялось и затруднялось их малой подготовленностью к такой роли.

Последнее обстоятельство особенно сильно сказывалось в деятельности межевщиков. Принадлежа по большей части к офицерству, межевщики вносили в отправление порученных им сложных обязанностей, обнимавших обширный круг административных, вотчинных и даже судебных дел, весьма развитое чувство „офицерской чести“ и значения „офицерского звания“, но очень малые знания и навыки... При таких

условиях сам характер деятельности исполнительных органов являлся существенным препятствием правильному ходу дела.

Таковы главнейшие причины, помешавшие успеху описываемого межевания. Проблема устроения и упорядочения поземельных отношений, в соответствии с общим их состоянием и классовыми интересами господствующих групп, стояла во всей остроте в начале 60-х г.г. XVIII столетия. Следующую попытку решения этой проблемы и представляет та аграрная операция, которая носит в нашей истории название генерального межевания. При этом все предшествующие меры получили значение лишь опыта, который предстояло учесть для того, чтобы не наделать ошибок, сопровождавших межевые мероприятия 50-х г.г. XVIII века.

§ 16. Законодательные работы и важнейшие нормативные акты по генеральному межеванию. В начале 60-х г.г. XVIII века межевые учреждения предшествующего межевания были закрыты, вследствие обнаруженной ими полной неспособности справиться с поставленной задачей. Вместе с тем, в 1765 году была учреждена особая комиссия о государственном межевании, на которую и был возложен пересмотр вопроса о межевании во всей его широте. Комиссия, на основании критического ознакомления с имевшимся в ее распоряжении законодательными и делопроизводственным материалом, составила проект манифеста о генеральном межевании и основных „генеральных“ его правил. Оба законодательные акты были распубликованы 19-го сентября 1765 г.

Эту дату и следует считать начальным моментом в истории генерального межевания, являющегося наиболее грандиозной аграрной мерой рассматриваемой эпохи.

Вскоре были изданы и другие важнейшие законодательные акты по генеральному межеванию, к которым относятся: 1) инструкция межевым канцеляриям и конторам от 25-го мая 1766 года или просто — „межевая инструкция“ и 2) инструкция землемерам от 13-го февраля того же 1766 года.

К перечисленным четырем основным законодательным актам следует прибавить еще одно правительственное распоряжение — „Наставление землемерам к государственному размежеванию земель“, представлявшее собой техническую и делопроизводственную инструкцию. (Происхождение и дата его неясны, законодательное значение-спорно; однако последовавшим при кодификации законодательства включением его содержания в Свод законов оно приобрело значение закона, поскольку такое значение вообще сообщалось распоряжением, входившим в состав Свода).

Содержание основных законодательных актов по генеральному межеванию до известной степени определяется их названием. Однако не следует думать, что содержание инструкций сводится лишь к регулированию деятельности межевых органов, определяет порядок и способ их действий, имеет лишь процессуально-формальное значение. В действительности содержание их гораздо сложнее. Наряду с нормами формального характера, касающимися притом не только деятельности межевых

органов, но и участия в межевом процессе заинтересованных лиц, инструкции дают множество норм права материального, притом не только вытекающих из производства межевания, но и касавшихся различных сторон общегражданского правопорядка, в особенности в отношении земельной правоспособности отдельных групп населения, не принадлежавших к дворянству.

§ 17. Задачи генерального межевания. Задачи генерального межевания, очерченные в перечисленных выше законодательных актах, охватывали большую часть тех потребностей землевладения, и поземельного устройства, которые выдвигались земельным строем, сложившимся в половине XVIII века. Однако, основная задача генерального межевания, заключавшаяся в том, чтобы „утвердить спокойствие владельцев, посредством установления правильных и несомненных границ поземельных владений“, являлась преобладающей и давала, если можно так выразиться, тон всей этой мере. Установление и укрепление границ поземельных владений составило общую задачу генерального межевания. Специальные его задачи составляло—межевание городских земель с доведением городского землевладения до некоторых определенных размеров, наделение землей некоторых учреждений, межевание и наделение землей промышленных предприятий и друг.

К генеральному межеванию приурочены были также некоторые дополнительные задачи. Таковы:

а) Задачи статистического характера. При генеральном межевании предписывалось составлять на каждую дачу т. н. журнал экономических и камеральных примечаний. Содержание этого журнала составляло описание земель в экономическом, почвенном, географическом, историческом и статистическом отношениях. Полученные при этом сведения сводились по уездам и в своей совокупности образовали весьма ценный материал, в особенности с точки зрения статистики землевладения и землепользования. К сожалению, материал этот почти не использован ни для практических, ни для научных целей.

б) Задачи картографические. Генеральное межевание не ограничивалось измерением границ, но сопровождалось также с‘емкой т. н. внутренней ситуации, т. е. отдельных угодий, дорог и проч. Принятый при генеральном межевании способ измерения (угломерная с‘емка) весьма облегчал нанесение результатов с‘емки как на специальные планы, составлявшиеся на отдельные дачи, так и на планы генеральные, составлявшиеся поуездно. Последние, по существу, являлись ничем иным, как картами и могли бы стать основой подробной картографии страны, если бы заключенные в них материалы были впоследствии использованы в должной мере и своевременно.

в) Задачи земельно-регистрационные. Генеральное межевание ставило себе, в качестве одной из задач—определение количества земель, как всех вообще, так и в частности казне принадлежащих; этим достигалась цель земельного учета. Вместе с тем акты генерального межевания в своей совокупности образовывали систему земельной регистра-

ции, которая могла бы иметь практическое значение до наших дней, если-б эти акты своевременно подновлялись и исправлялись.

§ 18. Основные организационно технические принципы генерального межевания. Сплошной и обязательный его характер. В основу генерального межевания было положено несколько организационно технических принципов, в которых выразился его „государственный характер“, и последовательное проведение которых в сильной степени содействовало его быстроте и успеху.

Генеральное межевание об‘являлось межеванием обязательным, не зависящим от воли заинтересованных владельцев. Оно совершалось по инициативе самого государства. Этим самым генеральное межевание приближалось к межеванию, производившемуся по Инструкции 1754 г., которое также было мерой сплошной и обязательной, и резко отличалось от последующей аграрной операции—межевания специального. Последнее по своим задачам примыкало к генеральному межеванию, являясь как бы его существенным продолжением и завершением, но в противоположность ему производилось по инициативе самих владельцев. Разумеется, владельцы и при генеральном межевании могли уклониться от участия в межевом процессе, но такое уклонение не останавливало самого процесса, не влияло на быстроту межевания, а для уклонившихся владельцев заключало возможность невыгодных последствий.

Будучи обязательным, генеральное межевание было в то же время и мерой сплошной. В принципе оно должно было охватить все земли государства. Сплошной его характер обеспечивался т. н. циркульным порядком его производства.

Циркульный порядок заключался в следующем: межевание производилось по уездам и в каждом уезде начиналось с городской земли (так наз. выгонная городская земля). По обмежевании последней, межеванию подвергались дачи, непосредственно к ней примыкающие; они составляли дачу т. н. первого циркуля. Лишь по завершении межевания в первом циркуле, приступали к обмежеванию дач, примыкающих к нему и составляющих второй циркуль, и т. д.—до границы уезда [1]).

Циркульный порядок надлежало соблюдать строжайшим образом. Впоследствие из него было допущено из‘ятие, не колеблющее, впрочем, самого принципа. Из‘ятие это касалось межевания по спорам. В этих случаях необходимо было знать площадь земли, как находящуюся в бесспорном владении, так и состоящую в споре. Спор мог случиться по границе, отделяющей дачу, лежащую в соседнем циркуле. Вначале и в этом случае предписывалось лишь принять спорный отвод, т.-е. указание границы смежными владельцами; изменение же и с‘емку расположенной в другом циркуле дачи надлежало производить в порядке очереди [2]). Но впоследствие было предписано в случаях споров производить обход дачи, лежащей в другом циркуле, с измерением и формальным утверждением бесспорных границ.

---

[1]) Инст. земл.—ст. 15; наст. часть III, в особ. ст. ст. 25—31.

[2]) Наст. земл.—ч. III, ст. 31.

Описанное из'ятие касалось только смежной дачи другого циркуля. Если же спор захватывал и дачу третьего циркуля, то от владельца такой дачи следовало принять только отвод [1].

§ 19. Территориальное начало при генеральном межевании. Стремление избегнуть при производстве генерального межевания споров о правах на землю, которые в сильной степени затрудняли производство межевых действий по инструкции 1754 года, явились причиной того, что в основу генерального межевания было положено территориальное начало.

Это начало противополагается началу владельческому или вотчинному. В этом последнем случае об'ект межевания совпадает с об'ектом права собственности определенного лица, между тем, как при территориальном начале, об'ектом межевания является некоторая территория, образовавшаяся исторически, либо определяемая каким либо иным путем или по иному признаку, напр. совокупность земель, составляющих принадлежность данного селения в хозяйственном смысле и образующих собой непрерывный земельный массив.

В историческом процессе развития поземельных отношений в различных странах слагались такие территориальные единицы, границы которых определялись либо подчинением их одной и той же вотчинной власти (власть одного собственника) либо хозяйственным об'единением жившего на них населения, либо тем и другим вместе.

Таковы были, напр., поместные территории средневековой Франции. Возникновение их относится ко временам глубокой древности, быть может, еще ко временам римского владычества. Границы их, как показывает наблюдение, оказались весьма устойчивыми. Смена исторических эпох и различные исторические перемены, испытанные этими территориями, мало отразились на самих границах. Как утверждают некоторые исследователи, прежнее поместное деление Франции определило нынешнее ее административное деление. Средневековые поместные территории образовали границы современных коммун, т.-е. низших административных округов.

Генеральное межевание имело перед собой некоторые образовавшиеся ранее территориальные единицы, хотя и не обладавшие ни устойчивостью французских поместных территорий, ни их последующим значением. То были земельные об'екты, возникновение которых относится к эпохе действия поместной системы—„дачи писцовых межеваний". „округа селений" и т. п., т.-е. земельные комплексы, „тянувшие" в хозяйственном отношении к какому либо селению, составлявшие его принадлежность в хозяйственном смысле, и проч.

Это существовавшее еще до генерального межевания территориальное деление не совпадало с делением вотчинным, т.-е. с распределением земель согласно прав собственности на них. С одной стороны несколько таких поземельных об'ектов составляло владение одного лица,

[1]) 1768 год.—П.С.З. № 13166; 1772 г.—№ 12885:—Св. зак. меж. по изд. 1893 г.—прил. к ст. 332, примечание; ч. III, п. 31, прим. 2 и 3.

с другой стороны—в пределах одной и той же территории, одного и того же селения было несколько владельцев („общие селения“, „разнопоместные селения“, по терминологии источников).

Определение границ этих территорий и составило содержание генерального межевания.

Таким образом, не отдельные владения составили его об‘ект, а отдельные территории. В этом смысле и следует понимать требование законодательства по генеральному межеванию, заключавшееся в том, чтобы земли межевать „не к именам владельцев“ но к „именам селений и деревень, а пустоши к их собственным названиям“ [1]). В частных хотя бы и весьма многочисленных случаях, об‘ект межевания и об‘ект вотчинного права могли совпадать, но такое совпадение не являлось ни общим правилом ни общим требованием. Изложенный принцип весьма близко совпадает с тем налом, которое существовало издавна, и которое выражалось следующим образом: „Границы утверждаются больше к имению, чем к лицу“.

Каким же образом устанавливались границы этих территорий? Разыскание исторически сложившихся границ привело бы к крайним затруднениям, вследствие неточности и неправильности прежних межевых документов и утраты в огромном большинстве случаев прежних знаков. Между тем авторы законодательства по генеральному межеванию стремились к возможному упрощению его задач. Такое упрощение и достигалось тем, что состав и границы определяемых территорий устанавливались по указанию самих владельцев. Законодательство по генеральному межеванию предоставляло—межевать „каждое селение порознь или всякое владение общею обводною межою, как то владельцы сами и по скольку к какому селению земли из собственного своего владения межевать пожелают“ [2]). Совершенно очевидно что при этом во 1) в пределах одной и той же территории могло оказаться и несколько селений и 2) граница дачи могла точно совпасть с границами отдельного владения. Владельцам во всяком случае была предоставлена возможность—приурочить границы к пределам их владений, чем вполне достигалась задача генерального межевания—„обеспечить спокойное владение землями“.

Разыскание прежних границ происходило лишь в тех случаях, если при производстве генерального межевания возникал спор, причем законодатель подчеркивал, что предметом такого спора является положение и направление границы, а отнюдь не вопрос о вотчинных правах на подвергнутые межеванию земли [3]).

§ 20. Основания установления границ, поверка поземельных прав и вопрос о примерных землях при генеральном межевании. Определение состава и границ дач генерального межевания, находится в связи с дру-

---

[1]) П. 2, генер. прав.
[2]) П. 2 генер. прав.
[3]) П. 2 и 8 генер. прав.

гим принципом генерального межевания, который, наряду с территориальным началом, лежал в его основе. Таким принципом был „полюбовный развод“ владельцев, признанный главнейшим основанием к установлению границ поземельных владений.

Этим началом генеральное межевание резко отличалось от предшествующих ему исторических мер того же рода, в частности и от межевания 50-х г.г. XVIII века. Последнее, как мы знаем основывалось на поверке поземельных прав.

Законодательство по генеральному межеванию, напротив, вовсе отменяет поверку поземельных прав в обоих его моментах (—„ревизию“ и „редукцию“) [1]). Примерные земли в дачах по прежнему признаются государственным достоянием, но они остаются у полюбовно размежевавшихся владельцев и утверждаются совершенно безвозмездно в их „вечное и потомственное владение к их селам, деревням и пустошам“ [2]). Примерные земли явились таким образом, как бы своего рода премией для тех, „достойных и добродетельных сынов отечества“, которые своей соседской уступчивостью и полюбовными разводами будут содействовать быстроте и успеху генерального межевания.

Постановления инструкции 1754 года по вопросу о примерных землях, не оправдавшиеся, как мы видели, условиями эпохи, не могли, конечно, нравиться дворянству, интересы которого сильнейшим образом затрагивались этими постановлениями.

Авторы законодательства по генеральному межеванию хорошо понимали неудобства инструкции 1754 года и не повторили ее ошибок.

Оставление примерных земель в дачах добровольно и полюбовно размежованных владельцев устранило одно из важнейших препятствий к производству межевания и сильнейшим образом содействовало его успеху. Можно считать даже господствующим взгляд, усматривающий в безвозмездной уступке примерных земель главную причину успеха генерального межевания.

Однако, такова была судьба примерных земель только при полюбовных разводах владельцев; что касается лиц, возбуждавших споры, то они подвергались отобранию либо примерных земель, либо значительной их части.

Соответственные постановления законодательства генерального межевания, касающиеся судьбы примерных земель в случаях споров, будут рассмотрены в дальнейшем.

§ 21. Производство межевания в бесспорном порядке. Согласно изложенных выше принципов генеральное межевание началось в 1766 году в Московской губернии. Непосредственное исполнение межевых действий было возложено на землемеров, которые заменили собой межевщиков и геодезистов инструкции 1754 года и явились преемниками писцов Московской эпохи. Землемер совмещал в своем лице функции и ме-

---

[1]) П. 1 генер. прав.

[2]) П. 9 генер. прав.

жевщика и геодезиста, но об'ем его полномочий был значительно сужен. Ему было лишь предоставлено право утверждать границы в порядке бесспорного межевания.

Межевание явилось действием гласным. Гласность обеспечивалась присутствием при межевании понятых в числе 12 лиц (впоследствии это число было уменьшено).

Межевые действия заключались 1) в установлении границ, 2) измерении их, 3) укреплении их межевыми знаками (вещественное, материальное укрепление), 4) формальном утверждении их. Межевание завершалось составлением межевых документов, — планов и межевых книг (документальное, формальное укрепление), утверждением их соответствующими учреждениями (межевыми конторами или канцелярией) и выдачей копий с них владельцам.

Согласно началу полюбовного соглашения, границы устанавливались по указанию самих владельцев. Генеральное межевание предполагало участие в межевом процессе владельцев или их поверенных. Неявка владельцев, однако, не останавливала производства межевых действий. Границы устанавливались по указанию явившихся. Установленные по своему направлению и положению границы измерялись методами угломерной с'емки. Последнее обстоятельство представляется весьма важным, так как принятые при генеральном межевании приемы измерения границ облегчали возможность разыскания и восстановления их в будущем.

Вместе с тем границы утверждались и укреплялись межевыми знаками. Основной формой последних являлись—межевой столб с государственным гербом, вырытая перед ним яма, межники, а в лесных местах—просеки. На современный взгляд межевые знаки, принятые при генеральном межевании поражают своей фундаментальностью и размерами. Межевые ямы были настоящие земляные сооружения, имели квадратную форму со стороной квадрата равной $1^1/_2$ саженям и глубине в 1 саж. [1]). Такие фундаментальные межевые знаки только и могли иметь место в эпоху крепостного права при крайней дешевизне труда.

По результатам произведенных при межевании действий составлялись межевые документы — план, т. е. графическое изображение обмежованного участка—дачи с показанием в линиях и цифрах границ ее, и межевая книга, текстуальное описание тех же границ.

План и межевая книга представлялись исполнителем в межевую контору, где они подвергались контролю („освидетельствованию"), причем поверялась правильность как технических так и юридических действий исполнителя, и утверждались государственной печатью, после чего копии с них могли быть выдаваемы владельцам.

При бесспорном межевании не производилось поверки поземельных прав и от владельцев не требовалось представления документов на право владения землей. Последние требовались лишь в случаях возникавших при межевании споров.

---

[1]) Более 3 метра в основании и более 2 метр. глубиной.

§ 22. Содержание возникавших при генеральном межевании споров. Межевые учреждения. Законодательство по генеральному межеванию настойчиво подчеркивало, что содержанием межевого спора является спор о границах, а отнюдь не спор о самом праве на владение. Возникавшие при генеральном межевани споры, как споры граничные, подлежали ведению межевых учреждений, тех самых, на которые возлагалась и административная часть межевания.

Такими учреждениями были—межевые конторы, межевая канцелярия и межевая экспедиция при Сенате.

Межевые конторы были учреждениями временными и местными. Они открывались по мере надобности и закрывались по окончании межевания в данной местности. Районом действия межевой конторы в начале предполагалась — провинция, являвшаяся частью тогдашней губернии; провинция, по своим размерам, приближалась к позднейшей губернии. Отсюда встречающееся в источниках наименование этих учреждений „провинциальные межевые конторы“. На них возлагался непосредственный надзор за производством межевания в подведомственных им местностях, и они являлись первыми инстанциями по межевым спорам. По жалобам на их решения дела переносились в межевую канцелярию.

Межевая канцелярия была открыта в Москве. Первоначально предполагалось открытие межевых канцелярий в каждой губернии, но затем выяснилось, что в этом нет надобности, и тогда Московская межевая канцелярия осталась одна на всю Россию, ставши второй апелляционной инстанцией по судебно-межевым делам. В некоторых случаях генеральное межевание проводилось под непосредственным наблюдением межевой канцелярии. Для этих дел она являлась первой инстанцией. По мере закрытия межевых контор межевая канцелярия оставалась единственным учреждением, под непосредственным надзором которого производилось межевание. В этом своем качестве межевая канцелярия являла собой своеобразный тип центрально-местного учреждения, напоминающего несколько учреждения московской эпохи.

Высшим межевым учреждением была межевая экспедиция при Сенате. Она являлась второй инстанцией для межевой канцелярии и третьей—для межевых контор.

В межевой экспедиции сосредоточивался высший надзор за производством межевания на всем пространстве государства. На нее же возлагалась и разработка законодательных предположений по межеванию.

Претерпев впоследствие многие изменения в своем названии и компетенции, уделив часть своих функций учрежденному в XIX стол. управлению межевой частью, межевая экспедиция, войдя в состав одного из департаментов Сената, в последние предреволюционные годы не сохранила и малой доли своего прежнего значения.

В устройстве межевых учреждений генерального межевания обращает на себя внимание некоторая невыдержанность инстанционного начала. Тогда как для дел, производившихся под наблюдением межевых

контор, устанавливалось три инстанции, для такого же рода дел, коль скоро они производились под наблюдением межевой канцелярии, существовало всего лишь две инстанции.

Повидимому, количество инстанций мыслилось не только в зависимости от достаточного числа их, гарантировавшего всестороннее обсуждение и правильность решения, но и от занимаемого места в иерархии учреждений. Посему признавалось совершенно достаточным существование двух инстанций, когда первой из них являлось столь авторитетное учреждение, каким тогда была межевая канцелярия.

Другой особенностью устройства судебно межевых учреждений, являвшейся вместе с тем существенной чертой всего судебно-межевого процесса, было отсутствие инстанции кассационной. Каждая высшая инстанция рассматривала дело по существу в порядке апелляционном. Указанная черта свойственна впрочем, всему процессу того времени, но тогда, как основы общего процессуального права подверглись коренной реформе в 60-х г.г. ~~XVIII~~ XIX в. (судебные уставы 1864 г.) в области судебно-межевого процесса по генеральному межеванию указанный порядок просуществовал вплоть до революции.

Итак, на межевые учреждения возлагалось лишь рассмотрение споров о границах. Все же споры о правах на землю были отнесены к ведению Вотчинной коллегии, т. е. был восстановлен порядок, сложившийся исторически, существовавший в течение всей первой половины XVIII века, но несколько поколебленный практикой межевания, производившегося на основе инструкции 1754 года.

В этом отделении межевых споров от вотчинных с отнесением первых к ведению особых учреждений заключается одна из важнейших черт генерального межевания.

Благодаря некоторым неточностям выражения иструкции 1754 года, за которыми стояла неопределенность и неустойчивость самой законодательной мысли, межевые учреждения 50-х г.г. XVIII века были вынуждены заниматься не только решением граничных споров, но также и исследованием самих вотчинных прав на землю. Такое исследование, представлявшее задачу весьма сложную, в первой инстанции поручалось межевщику, лицу, обычно мало подготовленному к столь ответственной деятельности. Смешение вотчинного и межевого элементов в инструкции 1754 года само по себе явилось одной из причин неуспеха ее действия. Устранив это смешение, законодательство по генеральному межеванию тем самым устранило одно из существеннейших препятствий к успешному и быстрому ее продвижению. В то же время оно заложило основы для появления в нашем дореволюционном праве особого иска — иска межевого, предметом которого является не право на ту или иную часть земной поверхности, а сама граница поземельного владения.

§ 23. Спорные отводы. Исследования спора. Отделив спор о границах от спора вотчинного, законодательство по генеральному межеванию вместе с тем устранило непосредственного исполнителя-землемера от ре-

шения спора, возложив на него лишь принятие спорных отводов и исследование споров.

Принятие спорных отводов заключалось в обходе и измерении границ по указанию самих спорящих сторон. Так как границы спорящими владельцами указывались, конечно, по различному, то спорные отводы определяли собой некоторый земельный участок, относительно которого и предстояло вынести то или иное решение. Задача межевого суда заключалась в том, чтобы решить вопрос о принадлежности этого участка в целом или по частям к составу той или иной дачи, но отнюдь не тому или иному из спорящих лиц. Положенное в основу генерального межевания территориальное начало исключало необходимость решения этого последнего вопроса.

Исследование спора имело целью определить — где проходила граница в момент издания манифеста о генеральном межевании и кто из владельцев своими спорными отводами переходил эту границу. В связи с последним обстоятельством стояло признание спора добросовестным или недобросовестным, что в свою очередь отражалось на судьбе примерных земель; далее—исследование спора имело целью—установить положение и направление живых урочищ, на которые ссылались спорящие стороны, продолжительность и характер владения землями, заключенными в пределах спорных отводов, и другие обстоятельства, имевшие значение для правильного решения спора.

Исследование заключалось в опросе самих владельцев и понятых, в рассмотрении представленных документов и разысканиях на месте. Таким образом, роль понятых при спорном межевании осложнялась тем обстоятельством, что в этом случае они выступали в качестве свидетелей. Особого института свидетелей законодательство по генеральному межеванию не знало.

Наконец, к исследованию спора можно отнести также и сопоставление количества земли, находившейся в фактическом владении спорщиков, с тем количеством, которое значилось в их документах. Измерив дачи спорящих владельцев, землемер составлял так наз. спорные билеты, в которые вносилось это сопоставление. Описанная операция имела то значение, что в случае превышения фактического владения над тем количеством земли, которое следовало спорщику по документам, спор мог быть признан недобросовестным. Законодательство по генеральному межеванию возлагало на землемера обязанность увещевать спорящих владельцев и склонять их к добровольному размежеванию. Таким образом землемеру в случае споров присваивались посреднические функции.

Добровольному соглашению придавалось такое важное значение, что землемерам вменялось в обязанность принимать добровольные отводы во все время производства межевания. Если добровольное соглашение достигнуто не было, то все дело направлялось для решения в межевую контору (или межевую канцелярию), куда должны были явиться и вла-

дельцы со своими документами. После этого добровольные отводы уже не могли быть принимаемы.

§ 24. Основания к решению споров. В судебно-межевых учреждениях решение спорных дел подчинялось общим принципам процесса того времени, с теми особенностями, которые вызывались существом межевого спора. В соответствии с основной целью генерального межевания — определить границы дач, главным основанием к разрешению споров принималась непоколебимость границ, описанных в крепостных документах по так наз. живым урочищам, т. е. по таким местным признакам, которые признавались неизменяемыми (напр., течение рек, ручьев и проч.). При крайней элементарности землеотводной и землемерной техники прежнего времени одни лишь живые урочища в большей или меньшей степени гарантировали правильность решения граничного спора [1]). Отсюда понятно, что законодательство по генеральному межеванию придавало этим местным признакам, в случаях если они могли быть обнаружены и не вызывали сомнений, первостепенное значение. При отсутствии таких урочищ основанием к решению спора служило количество земли, которое приходилось на основании крепостных документов. Далее, основанием к разрешению спора принималось — „бесспорное издревле владение—“ и те границы, которые существовали в момент издания манифеста о генеральном межевании.

Законодательство по генеральному межеванию давало очень сложную сеть правил, касающихся оснований разрешения споров и предусматривало возможные случаи столкновения различных оснований. Правила эти отличаются большой дробностью, казуистичностью, неясностью и недостаточной выдержанностью общих принципов. Они представляют не малые трудности для теоретических обобщений. Подробное их изучение в наши дни уже не представляет практического интереса.

Решение судебного межевого учреждения заключалось в назначении на спорном плане спорных нарезок, т. е. проектирование надлежащих границ. Приведение решения в исполнение состояло в перенесении проектированных границ в натуру.

Особый интерес представляет вопрос о примерных землях в случаях споров.

„Генеральные правила“ давали на этот счет следующие постановления:

1) в случае нахождения примерных земель у обоих спорщиков таковые отбирались в состав земель государства с оставлением спорящим владельцам лишь по 10 четвертей на каждые 100 четвертей крепостной земли [2]).

---

[1]) „Живые урочища“ в качестве границ всегда предпочитались искусственным геометрическим линиям. Еще в полов. XIX в. один энергичный дворянин-приобретатель, производя захват не то оренбургских, не то астраханских степей, сожалел, что по условиям местности он не может заключить всю захваченную землю в живые урочища (см. Быт русск. дворянина, вып. II).

[2]) Ген. прав., п. 10.

2) Если у лица, заявившего спор оказывался действительно недостаток земли, а у тех, против кого спор был направлен, обнаруживался излишек, то заявивший спор получал удовлетворение за счет примерных земель соседа, посредством прирезки к его даче двойного количества недостававшей земли. Остальная же примерная земля, за оставлением владельцам по вышеуказанной норме, поступала в состав земель государственных [1]).

3) Вся примерная земля отбиралась от владельца в том случае, если он возбуждал спор против лица, в даче которого оказывался недостаток земли, а равно в тех случаях, когда владельцы самовольно распространяли свое владение далее тех границ, которые существовали в момент издания манифеста о генеральном межевании (случаи споров недобросовестных) [2]).

4) В случаях споров, возникших и производившихся в судебных местах до 1765 года, примерная земля делилась пропорционально количеству крепостной земли.

Межевая инструкция внесла в эти правила некоторые изменения, смягчавшие их суровость, которая не могла нравиться дворянам. Во многих случаях, когда генеральные правила требуют отобрания всей примерной земли, последняя, согласно межевой инструкции, остается за владельцами в размере 10% от крепостного ее количества. Эту норму и можно считать общей нормой оставления примерных земель в случаях споров. Смягчение требований, установленных генеральными правилами, как это совершенно очевидно, было сделано в интересах дворянства, которое не могло быть довольно постановлением генеральных правил и было заинтересовано в том, чтобы оставить примерные земли в своем владении в возможно большем количестве. Значение этого обстоятельства более подробно будет рассмотрено нами в дальнейшем изложении.

§ 25. Техническая сторона генерального межевания. Мы уже указывали, что при генеральном межевании был принят т. н. угломерный способ с'емки. Специалисты межевого и геодезического дела хорошо знают различие между указанным способом с'емки и другим—т. н. графическим. Основным с'емочным инструментом при первом из них является—теодолит, при втором—мензула.

Первое русское межевание, производившееся на геодезической основе,—ингерманландское было основано на угломерном способе с'емки. С тех пор угломерная съемка прочно утвердилась в русской межевой технике и господствовала почти безраздельно до последних, уже послеоктябрьских лет.

Однако, судя по некоторым обстоятельствам, угломерная с'емка завоевала свое господствующее положение не без борьбы.

Любопытным отголоском этой борьбы явился следующий эпизод. В нач. 30-х г.г. XVIII в. Адмиралтейской Коллегией было командирова-

---

[1]) Ген. прав., п. 11.

[2]) Ген. прав., пп. 13 и 16.

но в Москву 37 человек русских геодезистов для держания экзамена по своей специальности. Производство экзамена было поручено выписанному из Лифляндии лицу, некоему Фон-Гохмуту [1]).

Результат экзамена для экзаменующихся оказался плачевным. Экзаменатор признал, что „те геодезисты землемерного дела науку знают весьма мало и подлинно действовать ничего не знают". По его мнению, экзаменующиеся подлежали возвращению в Петербург и прохождению вновь геодезической науки при академии. Сам Гохмут от преподавания отказывался, ссылаясь на незнание русского языка. В свою очередь, опороченные Гохмутом геодезисты жаловались на экзаменатора, упрекая его в невежестве и ссылаясь на авторитет известного в то время преподавателя математики и геодезии, профессора Фарварсона.

Вместе с тем, экзаменатор писал, что хотя у присланных к нему геодезистов „астролябии и есть, но со оным инструментом в землемерном деле подлинного действия учинить невозможно". Экзаменующиеся же, с своей стороны, жаловались на то, что „иноземец Гохмут... исполнения не учинил и нас, нижайших, не экзаменовал и пред'явил, что мы того дела не умеем, и инструменты наши об'явил, что они к тому межеванному делу негодны, а пред'явил свой инструмент, который к нашему межевому делу и негоден" [2]).

Существует вполне вероятное предположение, что инструмент, пред'явленный экзаменатором и противопоставленный им астролябии, как инструменту непригодному к межевому делу, была мензула [3]). Когда экзаменатор знал только мензульную с'емку, а ученики—только угломерную, то, естественно, что взаимного понимания друг друга ожидать было трудно. Но, помимо этого, в приведенном эпизоде самое любопытное, это—столкновение двух точек зрения, двух технических идеологий, если можно так выразиться. Гохмут утверждал непригодность астролябии, или угломерного метода с'емки; ученики же утверждали непригодность мензулы, или графического метода.

Большая часть полемизировавших с экзаменатором геодезистов была отправлена обратно, и мы не знаем, удалось ли им реабилитировать выдвигавшийся ими технический метод. Однако, к 60-м г.г. XVIII ст. он был реабилитирован вполне, и в эпоху генерального межевания он уже предлагался, как единственный.

Соответствующее предписание технической инструкции по генеральному межеванию („Наставление землемерам") настолько любопытно, как со стороны стиля, так и со стороны содержания, что мы решаемся привести его целиком:

---

[1]) Обстоятельство чрезвычайно характерное, если принять во внимание известные симпатии Анны Ивановны (Бирон), при которой происходило дело...

[2]) Архивные материалы по излагаемому делу напечатаны в „Межевом Вестнике" за 1884 г., № 8, стр. 59—63.

[3]) Герман—„Ист. русск. меж.", стр. 159 и сл. Пишущему настоящие строки пришлось ознакомиться с подлинными документами шведского кадастра конца XVII века. Кадастровая с'емка была произведена мензулой. Неудивительно, что Гохмут, уроженец бывш. шведских провинций, явился сторонником мензульной с'емки.

„Как видимую земную плоскость можно разными инструментами и разными способами с исправностью снимать; но здесь полагается каждому землемеру оное производить чрез вернейший инструмент— астролябию с принадлежностями, которую приняв, осмотреть с прилежанием в ее исправности, и компас притяганием к самому норду или несколько отклонением от норда магнитной стрелки в точности, а десятисаженную цепь и деревянную сажень, разделенную в аршины и футы в верности... Чтобы землемеры имели верный и одинаковой склонности в принятых астролябиях, которые во все концы для снятия пойдут, компас или какая разность склонения его от истинного меридиана, то должно оные астролябии в том поверить и записать, и кто которую возьмет, о том ему знать дать".

Далее, землемерам предписывалось поверить склонение магнитной стрелки „с истинным меридианом посредством полуденной линии".

Таким образом, астролябия (угломерный инструмент, в последствие—теодолит) об'являлась „вернейшим инструментом". С'емку предписывалось ориентировать по истинному меридиану, в чем нельзя не видеть рационального технического требования, допускавшего возможность использования результатов генерального межевания для картографических целей [1]).

Обращает на себя внимание также требование „Наставления" о бережном и тщательном отношении к инструменту и производстве его поверок.

В эпоху генерального межевания явились и первые попытки создания урочного положения для исполнителей. Землемерная партия (в составе „старшего" и „младшего" землемеров) обязаны были производить полевые работы по 160 верст в месяц (ок. 170 килом.), из коих половина падала на окружную межу, половина — на с'емку внутренней ситуации.

Победу угломерного метода для эпохи генерального межевания нельзя не признать вполне целесообразной. Вряд ли возможно было рационально поставить мензульную с'емку в тогдашних условиях, при полном отсутствии опорных сетей. Вообще, если социально-экономическая основа генерального межевания для нас представляется совершенно чуждой, то, напротив, организационно-техническая сторона этой меры не утратила до сих пор своего практического значения. Генеральное межевание заложило прочные технические традиции, которые оказались весьма живучими. Так, помимо угломерного метода с'емки, который доселе господствует в землеустроительном и землеустроительно-переселенческом деле, мы могли бы отметить некоторые технические детали, которые надолго пережили генеральное межевание, как, напр., обычно, принимаемой при составлении землеустроительных планов, масштаб и т. п.

§ 26. Юридическое значение результатов генерального межевания. В соответствии с положенным в основу генерального межевания терри-

[1]) Нельзя не отметить, что в гораздо более позднюю пору, в эпоху столыпинского землеустройства разрешалось производить с'емку по магнитному меридиану.

торнальным началом проведенным как в межевании бесспорном, так равно и межевании спорном, хотя в последнем и с меньшей последовательностью, результаты этого межевания, по своему юридическому значению, весьма сильно отличались от результатов прежних мероприятий этого рода. Утверждая границы „к селению и к пустоши“, вообще к даче, а не к лицу и владельцу, отказавшись от поверки поземельных прав, генеральное межевание тем самым никоим образом не предрешало вопроса о вотчинных правах владельца, о его праве собственности на обмежеванную землю.

Территориальный, а не вотчинный характер этого межевания настойчиво и неоднократно подчеркивался законодателем. С указанной точки зрения, помимо изложенного выше, особенно важными представляются следующие положения: 1) спор о целых пустошах и селениях подлежал ведению межевых учреждений только в том случае, когда вместе с тем происходил и спор о границах тех пустошей и селений, 2) напротив того, такой спор, когда он не касался границ, не делал межевания спорным, и о наличности такого спора делалась лишь отметка в межевых документах, 3) законодательство по генеральному межеванию прямо предусматривало случай, когда межуемая земля представляет предмет вотчинного спора; и в этом случае участником межевания являлся фактический владелец. Интересы же отсутствующего спорщика гарантировались лишь тем, что принимались меры против отвода настоящего владельца в ущерб его противнику, который мог оказаться истинным собственником земли.

Сказанным обусловливается и юридическое значение документов генерального межевания. Практика довольно скоро после открытия этого последнего приняла положение, в силу которого означенные документы не могли быть принимаемы в доказательство вотчинных прав на обмежеванные земли. Тем самым генеральное межевание окончательно разрывало столь долго существовавшую связь между межеванием и вотчинными порядками, связь, вытекавшую из основного характера поземельных прав Московского государства, но разрушенную эволюцией земельных отношений в XVIII веке.

Сказанное не относится, однако, к тем видам землевладения, которые впервые создавались генеральным межеванием. Таково напр., землевладение городов. Для этих случаев, документы генерального межевания могли иметь крепостное значение.

§ 27. Право и факт при генеральном межевании. Документы генерального межевания могли служить лишь доказательством местоположения, пространства и направления границ дачи. Однако было бы большой ошибкой полагать, что эти документы не имели никакого значения с точки зрения собственно гражданских правоотношений того времени. Отказавшись от поверки и утверждения прав на землю, генеральное межевание, помимо определения чисто территориальных элементов, определяло вместе с тем факт, имевший огромное значение с точки зрения гражданского правопорядка и развития земельного прав, — факт спо-

койного, бесспорного владения. Оно сообщало этому факту правовое признание и определяло его материальные пределы, в случае межеваня бесспорного, и указывало, устанавливало само эти пределы в случаях межевания спорного.

Генеральное межевание не производило поверки законности этого факта и тем самым заранее допускало возможность расхождения факта и права. Указанным обстоятельством генеральное межевание также резко отличается и от межеваний Московской эпохи и от межевания по инструкции 1754 года. Последнее стремилось привести факт в соответствие с правом, тогда как генеральное межевание полагало свою задачу в том, чтобы дать правовую охрану спокойному факту.

И то и другое межевание направлялись в конечном счете к одной и той же цели, к тому, чтобы укрепить гражданский правопорядок, заложить прочные основы „земского мира", непрестанно нарушавшегося бесконечными соседскими столкновениями и спорами, которые вели либо к многолетним трудно разрешимым тяжбам, либо, что еще хуже, к попыткам осуществить свои притязания путем самоуправства. По условиям момента, те средства для достижения указанной цели, которые были выдвинуты генеральным межеванием, оказались гораздо более успешными. В этом нельзя не усмотреть известной дальнозоркости авторов законодательства по генеральному межеванию, которые сумели уловить происшедшее правопреобразование, не успевшее еще облечься во внешнюю форму закона, но получившее уже достаточную опору в той сфере, которая создает успех или неуспех самого закона — в правосознании господствующих классов общества. Для рассматриваемой эпохи как мы знаем, таким господствующим классом было землевладельческое дворянство, заинтересованное в том, чтобы возможно простым и быстрым путем формально закрепить за собой те огромные земельные приобретения, которые являлись столько же в результате существования военно-служилой системы в XVI и XVII в., сколько и результатом захвата и раздач, произведенных в XVIII столетии уже после ликвидации военно-служилого строя государства. Авторы законодательства по генеральному межеванию в гораздо большей степени уловили интересы дворянства, чем это сделали их предшественники.

Последующее правовое развити показало, насколько дальновидны и чутки к явлениям правовой жизни эпохи или, что то же, к интересам дворянства, были творцы генерального межевания. Спустя всего лишь несколько лет после издания манифеста о генеральном межевании русское законодательство признало за спокойным бесспорным фактом правопреобразующую и правообразующую силу. Десятилетняя давность владения при известных условиях стала основанием права собственности. Тем самым кажущийся разрыв между интересами дворян, стремившихся к упрочению своих земельных владений, и порядками генерального межевания, руководствовавшегося не вотчинным, а территориальным началом, был полностью устранен.

§ 28. Землеустроительные моменты в генеральном межевании. Задача генерального межевания была сравнительно проста, когда межевые действия состояли в установлении и утверждении бесспорных поземельных границ; но они сильно осложнились, когда дело проходило в спорном порядке. В этих случаях межевым учреждениям приходилось производить исследование спора и обращаться к изучению весьма сложных иногда обстоятельств, сопровождавших спор. Вместе с тем, и само решение спора часто заключало в себе большие трудности. Оно не исчерпывалось одним лишь простым применением действующего законодательства, но являлось более или менее сложным техническим действием по распределению земель между спорящими сторонами. Такое распределение основывалось как на законе, так и на предварительно полученных сведениях о фактической стороне дела: о размерах фактического землепользования, о количестве крестьян, наличности и об'еме излишних или примерных земель в дачах и т. п.

Распределение примерных земель, которое обычно сопровождало решение споров по генеральному межеванию, далеко выходило за пределы простого межевого иска, иска об установлении границы и по существу своему являлось действием землеустроительным. Составлявшийся судебно-межевым учреждением план спорных нарезок был ничем иным, как землеустроительным проектом.

Это превращение относительно простых межевых, т. е. отграничительных действий в гораздо более сложные операции землеустроительного характера, диктовалось всем состоянием поземельных отношений, которое вызвало появление и самого генерального межевания. Поземельные отношения в изучаемую эпоху, как мы видели, отличались крайней неустроенностью и запутанностью. При таких условиях невозможно было ограничиться простым изысканием и юридическим укреплением границ уже по одному тому, что сколько нибудь прочных и устойчивых пределов владения во многих случаях не существовало вовсе. Землепользование носило случайный, а местами—весьма хаотический характер. Имелось некоторое фактическое распределение земель между владельцами, но это распределение не облекалось в устойчивую и общепризнанную форму. Напротив того, оно менялось и было спорным. Каждый владелец подозрительно косился на соседа и считал его захватчиком своей земли. В этих случаях межевание по необходимости должно было сопровождаться образованием самих владений, предварительным установлением земельных об'ектов.

1. Описанные условия землевладения особенно широко наблюдались в некоторых отдельных районах. Таковы были, как мы знаем, районы так наз. „дач из диких полей“, т. е. бывшие южные и юго-восточные окраины Московского государства. В этих районах, как указывалось[1]), земельные отводы, производившиеся в XVII веке отличались особой упрощенностью и крайней слабостью землеотводной техники. Несовершенства

---

[1]) См. § 5.

и недостатки прежних землеотводных операций сделали невозможным или по меньшей мере крайне затруднительным восстановление первоначальных дач. Поэтому пришлось прибегнуть к производству нового земельного наделения на основании тех данных, которые заключались в писцовых книгах и иных документах. Место прежней неопределенности в поземельном владении должны были занять точно отграниченные в натуре земельные об'екты. Производилось настоящее устройство земельных владений заново. Приэтом размер земельного надела определялся в зависимости от количества так наз. крепостной земли, т. е. земли, числившейся по документам. Надел заключал в себе счет всех необходимых угодий. На каждые 100 четвертей крепостной земли следовало отводить 50 дес. в поле на пашню (ок. 55 га), 5 дес. под усадьбы (ок. 5,5 га), 25 дес. на сенокос („сенные покосы—ок. 28 га") и 20 дес. леса (ок. 22 га). Всего следовательно на каждые 100 четв. отводилось 200 дес. земли (ок. 220 га).

В эпоху генерального межевания в районах диких полей, которые в XVII веке были еще пустынной степью, откуда и получили свое название, было уже сравнительно густое население. Поэтому осуществить указанную норму наделения не всегда представлялось возможным. В случаях недостатка земли для наделения по норме, все поземельные владения, находившиеся в пределах первоначального земельного отвода, пропорционально уменьшались, если только по смежеству не было пустующих казенных земель, за счет которых могло быть произведено полное земельное наделение.

Указанные правила применялись к тем земельным владениям, которые возникли до 1714 года, т. е. в эпоху нормального действия поместной системы. Однако поместья, как известно, продолжали раздаваться и после 1714 года до 1736 года, когда такая раздача была окончательно прекращена. Поземельные владения, возникшие в указанный период времени наделялись по другому принципу, а именно—по количеству земли, значившейся в документах, или, за отсутствием такого обозначения,—по количеству поселенных ревизских душ, из расчета по 8 дес. (ок. 8,8 га) на каждую ревизскую душу.

На тех же, примерно, основаниях устраивались поземельные владения, возникшие на так называемых „порозжих пустошах", и „обводных землях".

Порозжими пустошами назывались участки казенной земли сравнительно небольших размеров. Эти участки имели особые названия и находились либо в границах частно владельческих дач, либо по смежеству с ними. Обводные земли были также казенными землями. Они лежали вблизи частновладельческих земель. При производстве писцовых межеваний в XVII веке они были пропущены — обойдены, откуда, возникло их наименование. Подобно диким полям, эти специальные виды казенных земельных имуществ представляли очень удобный об'ект для захвата со стороны частных владельцев[1]).

---

[1]) С. Д. Рудин — Меж. з-ство за 150 л., стр. 40 и след.

Землеустройство дач из диких полей, поросших пустошей и обводных земель, зачастую превращалось в ничто иное, как в легализацию земельных захватов, произведенных помещиками-дворянами. Эта легализация приобретает особенно выпуклый характер в тех случаях, когда в процессе межевания обнаруживались земли, самовольно заселенные помещиком. Такие самовольные поселения не ликвидировались и захваченные земли оставались за помещиком под условием внесения весьма умеренной платы. Установленная плата придавала захватам характер продажи казенной земли. По существу же, она являлась лишь простой видимостью сделки.

2. Такой же характер легализации земельных захватов носило землеустройство дворянских владений в районах так наз. „казенных засек", а равно—в районах с обширными пространствами казенной земли, представлявшими особенно удобное поле для проявления захватнических стремлений дворянства. Засеки представляли собой оборонительные линии, устраивавшиеся на южной окраине Московского государства против набегов крымских и ногайских татар. После утраты ими военно-стратегического значения, они стали предметом „мирного" освоения, т. е., попросту, — захватов со стороны, главным образом, дворянства. Если в районах диких полей, где, как замечено, в XVIII веке местами было уже довольно густое население, размер наделения исчислялся в 8 дес. (ок. 8,8 га) на ревизскую душу, то в многоземельных районах он повышался до 15 дес. (ак. 16,5 га) на душу, если владельцы не могли доказать свое право на еще большее количество земли.

3. Генеральное межевание содействовало росту дворянского землевладения не только путем утверждения за помещиками самовольных захватов, но и путем продажи казенных земель на льготных условиях. Если при сколько-нибудь интенсивном государственном земельном хозяйстве надлежащее устройство государственных земель составляет весьма важную задачу землеустройства вообще, то для XVIII века эта землеустроительная задача решалась главным образом в направлении ликвидации казенных земель путем их распродажи в дворянские руки. Продавались казенные засеки, продавались и другие казенные земли. Правда, государство иногда вынуждалось к таким продажам. Обширные пространства казеной земли лежали все равно впусте, охранить их от самовольных захватов представлялось делом затруднительным, вести же собственное земельное хозяйство у государства не было ни средств, ни интереса. Хозяйственный расчет и стремление к экономомическому оживлению и заселению пустующих земель побуждал передать эти земли в руки тех лиц, которые могли бы произвести требуемое заселение. Однако, направление таких передач—исключительно дворянам—придает всей мере не столько характер хозяйственной операции, сколько характер узко-классового мероприятия. Не следует забывать, что пустующие казенные земли могли бы быть использованы для переселения государственных крестьян, которые, как мы знаем, в XVIII веке уже испытывали местами земельную тесноту. Однако, к этой мере правительство прибегало в ничтожном количестве случаев.

Предметом продажи являлись следующие виды казенных земель: 1) все казенные засеки, 2) вообще пустующие земли, принадлежащие государству, 3) земли самовольно заселенные, т. е. занятые без каких-либо документов или по документам, составленным с нарушением действовавшего законодательства, 4) земли, оставленные государственными крестьянами, 5) земли, отдававшиеся в оброк, 6) леса, за исключением так наз. „в'езжих", т. е. таких, в которых имели право пользования строительными материалами окружающие владельцы. Продажа таких лесов очевидным образом противоречила бы интересам этих последних. Нельзя не отметить, что продажа оброчных земель, принадлежавших государству, являлась не только ликвидацией собственно государственных земельных угодий, но и самого государственного хозяйства, хотя бы и очень примитивного. Оброчные земли доставляли государству непосредственный доход в виде платы за их использование. Эти земли в XVIII веке представляли собой оставшуюся часть некогда грандиозного земельного хозяйства, которое велось Московским государством, и постепенное исчезновение которого знаменовало собой победу денежного хозяйства над натуральным. Оброчные земли не подлежали продаже лишь в тех случаях, когда они были нужны для казенных надобностей, или лежали по смежеству с селениями государственных крестьян. Само собой разумеется, что на практике это ограничение не имело большого значения, если только интерес окружающего дворянства побуждал его стремиться к приобретению таких земель.

Продажа казенных земель совершалась на основании следующих правил. Земля продавались без производства торгов. Преимущественное право на покупку принадлежало смежным владельцам. Если число покупщиков превышало количество продаваемых земель, то последние распределялись между ними пропорционально числу ревизских душ. Если же, напротив, земли было много, то к ее приобретению допускались и лица, не имевшие земель, смежных с продаваемой казенной. Единственным ограничением в этом случае было требование, чтобы в одни руки переходило не свыше 1.500 десятин и не менее 100 десятин. (Соответственно ок. 1650 и 110 га). Назначение высшего предела об'ясняется стремлением к тому, чтобы дать возможность воспользоваться благами, которые открывала льготная продажа казенных земель, многим лицам дворянского сословия, чтобы распределить среди них казенные земли с соблюдением условия известной равномерности. Низший предел устанавливался для того, чтобы избежать раздробления на мелкие участи, которые к тому же могли оказаться в чересполосном владении, что влекло ряд хозяйственных неудобств. Тот же землеустроительный момент сказался также в требовании о том, чтобы непроданные казенные земли не составляли участков, меньших 100 дес. каждый (ок. 110 га). Что касается продажной цены казенных земель, то она устанавливалась в следующих размерах за десятину (ок. 1,1 га) [1].

[1]) См. Герман — Матер. к ист. ген. меж. — „Изв. Меж. II-та", вып. I, 1910 г., стр. 46—49.

	Порозжая пашенная и дикая земля с мелким лесом.	Земля, покрытая строевым лесом.
Московская губ. (провинции— Московская, Костромская, Юрьево-Польская, Владимирская, Суздальская, Переяславль-Залесская, Тульская, Калужская, Ярославская, Угличьская)	От 1 руб. 50 к. до 3-х руб.	От 3 р. до 6 р.
Новгородская губ. (провинции — Новгородская, Псковская, Тверская, Белозерская, Великолуцкая)	От 1 руб. 20 к. до 2-х руб.	От 2 руб. 40 к. до 4-х руб.
Нижегородская губ. (провинции — Нижегородская, Алатырская, Арзамасская)	1 руб. 50 к.	3 руб.
Белозерская г. (провинции— Белогородская, Севская, Орловская)	1 руб.	2 руб.
Воронежская г. (провинции— Воронежская, Елецкая, Тамбовская, Шацкая).	1 руб.	2 руб.
Казанская губ. (провинции— Казанская, Свияжская, Пензенская, Симбирская, Вятская, Пермская) .	1 руб.	2 руб.
Смоленский уезд	1 руб.	2 руб.
Архангельская губ. (провинции — Архангельская, Устюжская, Галицкая, Вологодская)	От 50 к. до 1 р.	От 1 р. до 2 р.
Оренбургская губ.	70 к.	1 руб. 40 к.
Астраханская губ.	1 руб.	2 руб.
Новороссийская и Слободск. губ.	50 коп.	2 руб.

Продажа казенных земель возлагалась на межевые учреждения и землемеров генерального межевания. Таким образом, последние являлись не только должностными лицами, на которые возлагалось производство межевых действий, но и агентами по ликвидации государственных земель.

4. Особое положение занимали в эпоху генерального межевания вопросы церковного землевладения. В 1764 году последовала одна из крупнейших аграрных мер XVIII ст.—т. н. „секуляризация“ церковных земель, которая заключалась в отобрании принадлежавших церковным вотчинникам земель и крестьян в пользу государства. Отобранные крестьяне составляли особый разряд крестьян—т. н. „экономических“. Правительство отнюдь не было заинтересовано в окончательном ослаблении

церкви. Поэтому, отбирая у церковных учреждений земельные богатства, накопленные долгим историческим путем, оно вместе с тем озаботилось тем, чтобы предоставить этим учреждениям и духовенству новые земельные наделы. Каждая архиерейская кафедра („архиерейский дом") получал по 60 дес., каждый монастырь—от 100 до 150 дес. и каждый сельский причт—33 десятины. (Соответственно—ок. 66 га, от 110 до 165 га и 36 га). Таким образом, взамен уничтоженной возникла новая церковная земельная собственность. Планы генерального межевания пестрят изображениями с литерами—„Ц. З."—церковная земля. Источниками наделения землей сельских церквей являлись дачи, входившие в состав прихода. Следует иметь в виду, что секуляризация земель, как общее правило, не распространялось на земельные владения сельских церквей. В соответствии с этим, сельские церкви, которые до производства генерального межевания пользовались землею в количестве, превышавшем установленный надел, сохраняли его за собой.

5. Рост промышленности и развитие городов обусловили собой специальные виды землеустройства, которые заключались в обеспечении промышленных заведений и фабрично-заводских предприятий соответственными земельными наделами, а городов—выгонными землями. В виду того значения, которое имеет городское землевладение вообще, а в наши дни—в особенности, остановимся несколько подробнее на этом последнем виде землеустройства.

Стремление к обеспечению городов надлежащим количеством земли проявилось, как мы знаем, еще в законодательстве XVII в. Размер выгонных земель, предоставляемых каждому городу, определялся двухверстным протяжением во все стороны, начиная от городских строений. Для Москвы этот размер устанавливался в 4 версты. Если нельзя было отвести землю компактной массой, располагавшейся вокруг городского поселения, то разрешалось производить отвод в одну сторону, но при сохранении следуемых городу размеров наделения. Если принадлежавших городу земель не хватало до указанной нормы, то производилась прирезка из государственных земель, разумеется, при наличности таковых.

При отсутствии последних в городские выгонные земли зачислялись земли городских жителей, бывших прежде крестьянами пригородных слобод и селений, а затем перешедших в разряд мещан и купцов. Таким образом обеспечение городов надлежащим количеством земли не обошлось без земельной экспроприации. Экспроприация эта, как видно, носила односторонний характер. Она не распространялась на дворянские земли, хотя дворяне обычно имели дома в городах и пользовались преимуществами городской жизни.

Выгонные земли, застроенные городскими жителями до 1765 года, оставались за ними, под условием уплаты в Москве 3 коп. за каждую квадратную саж. (ок. 14 кв. м.) и во всех прочих городах по 2 коп.

6. Землепользование крепостных крестьян, являвшихся вместе с занимаемыми ими землями собственностью помещиков, не могло составить предмета непосредственного землеустроительного воздей-

ствия в эпоху генерального межевания. Если и можно говорить о землеустройстве крепостных крестьян применительно к указанной эпохе, то лишь в весьма условном и относительном смысле. Обеспечивая дворянское имение определенным земельным наделом, исчисленным по количеству ревизских душ, генеральное межевание тем самым обеспечивало землей и поселенных в имении крестьян. Однако для этих последних такое обеспечение носило лишь косвенный характер. Получение земли помещиком еще не обозначало передачу ее в пользование крестьян. Выше мы видели, что фактические крестьянские наделы имели различную величину; в очень многих имениях положение крестьян приближалось к положению безземельных батраков.

Более непосредственное значение крестьянского землеустройства в эпоху генерального межевания носили действия, связанные с производством межевания земель, занятых дворцовыми и казенными крестьянами. Эти земли, вообще говоря, обмежовывались на основаниях, близких к межеванию частно-владельческих земель. Однако были и некоторые подробности, представляющие интерес с землеустроительной точки зрения и заслуживающие особого упоминания.

Так, если количество земель, смежных с дворцовым селением, было точно исчислено в документах владельца, то последний получал полностью все то, что ему приходилось, а дворцовые крестьяне получали по 8 дес. (8,8 га) на ревизскую душу. Оставшаяся (примерная) земля распределялась между владельцем и крестьянами пропорционально установленному указанным путем количеству земли. Если, напротив, дворцовые крестьяне обладали документами с точным исчислением своих наделов, то они получали эти наделы полностью, а смежный владелец наделялся землей по 8-ми десятинной пропорции (ок. 8,8 га). Государственные земли самовольно захваченные государственными крестьянами (и дворцовыми), оставлялись за ними бесплатно из расчета по 15 дес. (ок. 16,5 га) на ревизскую душу. Это правило отнюдь не следует расценивать, как некоторое преимущество, установленное законодательством для дворцовых крестьян по сравнению с прочими захватчиками казенных земель, которые, как мы видели, обязывались уплатить за них. Все дело в том, что сами дворцовые крестьяне, составляя принадлежность дворца, являлись как бы собственностью царской фамилии. Следовательно, захватчиком казенного имущества в описываемом случае являлась сама царская фамилия. Естественно, что она обеспечила себе не только легализацию захвата, но и полную его безвозмездность.

Для так наз. „черносошных крестьян“, т.-е. государственных крестьян, населявших север Европейской России—губернии Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую и Вятскую, генеральное межевание было не только поземельно-устроительной мерой, но и целой системой регулирования поземельных прав.

Регулирование это имело в виду ликвидацию тех нежелательных последствий, к которым привела фактическая свобода распоряжения землей со стороны черносошных крестьян, о чем речь шла выше (см. § 5).

Сущность постановлений законодательства по генеральному межеванию в отношении указанного вопроса сводилась к следующему. Земли, проданные черносошными крестьянами из принадлежавших им тяглых земель в посторонние руки, подлежали безвозмездном возвращению в состав крестьянских земель. Если предметом продажи были расхищенные крестьянами земли, то таковые также отбирались и примежовывались к землям государственным. Впредь черносошным крестьянам воспрещались всякие сделки о земле, не только с посторонними лицами, но и между собой. Законодательство по генеральному межеванию последовательно провозгласило своеобразную «национализацию» крестьянской земли в рамках крепостного государства. Вместе с тем, генеральное межевание предусматривало переселение крестьян из малоземельных селений, имевших менее 8 дес. на ревизскую душу, (ок. 8,8 га) на земли селений, обеспеченных землей выше указанной нормы.

Существенным недостатком генерального межевания являлось то обстоятельство, что в одну окружную межу включались как земли государственных черносошных крестьян, так и земли посторонних владельцев. Постороннее владение ликвидировалось лишь в том случае, если оно возникало путем покупки крестьянских земель, но оно сохранялось, если источником его возникновения было пожалование. Таким образом, полностью оставалась возможность эксплоатации крестьянства со стороны посторонних лиц на почве совместного владения землей.

С производством генерального межевания связан вопрос о введении у черносошных крестьян земельных переделов, но вопрос этот мы рассмотрим в другом месте.

Значение мер по ликвидации некрестьянского землевладения, возникшего путем покупки земель у крестьян, при всем их кажущемся радикализме, отнюдь не должны быть преувеличиваемо. Дело в том, что эта ликвидация касалась, главным образом, если не исключительно земель купечества и провинциального чиновничества, так как дворян на севере почти не было. Мы же знаем, что законодательство было враждебно всякому самостоятельному не дворянскому землевладению. Таким образом изложенные мероприятия только лишний раз подчеркивают монополию дворянской земельной собственности, положенной в основу земельного строя изучаемой эпохи.

7. Иначе генеральное межевание разрешало вопрос, когда приобретателем земель, хотя бы и принадлежавших лицам, причисленным к сословию государственных крестьян, являлись сами дворяне. Так было в отношении однодворцев и так наз. служилых людей старых служб. По межевой инструкции 1766 года для тех и других были установлены одинаковые правила. Приэтом, несмотря на то, что еще законом 1727 г. была ограничена свобода отчуждения однодворческих земель, все приобретения таких земель, сделанные после указанного срока не только покупкой, но и захватом, утверждались за приобретателями. В районах однодворческого землевладения главную массу приобретателей составляли дворяне и отношение к ним со стороны закона было иное, чем на севере.

Основная тенденция законодательства по генеральному межеванию заключалась в том, чтобы сохранить за однодворцами лишь те земли, с которых они несли государственное тягло,—платили подушный оклад. Такими землями являлись прежние поместные дачи однодворцев. Эти земли было воспрещено на будущее время продавать не только в посторонние руки, но даже и лицам своего сословия. Все прочие, находившиеся в пользовании однодворцев земли (а среди них были и земли вотчинные, приобретенные однодворцами в собственность), могли обращаться путем сделок только в однодворческой среде.

Вместе с тем законодательство по генеральному межеванию предусматривало поземельное устройство однодворцев на захваченных ими самовольно государственных (порозжих) землях, с отводом надела по 32 дес., а где можно и по 60 дес. на двор. (Соответственно—ок. 35 и 66 гект.).

При производстве генерального межевания земли укреплялись за целыми однодворческими селениями. То же самое происходило и при межевании земель всяких вообще государственных крестьян. Этот прием подготовил или по крайней мере облегчил возникновение переделов на землях государственных крестьян.

§ 29. Количественный успех и количественные результаты генерального межевания. Генеральное межевание началось в 1766 году в Московской губ. и сразу же обнаружило необычайный количественный успех. Этот успех представляется особенно разительным по сравнению с результатами межевания 50-х г.г. XVIII столетия. С 1755 по 1762 год (время действия инструкции 1754 года) в Московской губернии было обмежовано всего 43 дачи, тогда как с июня по ноябрь 1765 года в той же губернии было обойдено 1390 дач. К 1769 году межевание Московской губернии сильно продвинулось вперед. Вместе с тем явилась возможность распространить его и на другие местности.

Ввиду того, что документы и результаты генерального межевания до сих пор не утратили вполне практического значения для землеустроительного дела, мы позволяем себе привести данные, касающихся распространения генерального межевания по территории государства в хронологической последовательности:

В 1769—1772 г.г. межевание производилось в губерниях: Московской, Харьковской, Владимирской и Рязанской [1]).

В 1773—1776 г.г. генеральное межевание помимо названных охватило следующие губернии: Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую [2]).

В 1777—1781 г.г. к ним присоединились губернии—Воронежская, Новгородская, Орловская, Олонецкая, Псковская и Петербургская [3]).

---

[1]) За исключением Харьковской губ. все остальные губ. принадлежат к числу центральных. Необходимость скорейшего обмежевания Харьк. губ. об'ясняется запутанностью в ней позем. отношений, которые, как мы знаем, сложились в значительной степени путем заимки.

[2]) С. Д. Рудин—у. с., стр. 143 и сл.

[3]) У. с., стр. 153 и сл.

К 1781 году было закончено межевание губерний Тульской, Калужской, Московской, Харьковской, Воронежской, Рязанской, Владимирской, Тверской и Смоленской.

В 1782—1791 г.г. помимо начатых, но не оконченных губерний межевание охватывало также губернии—Вологодскую, Курскую, Пензенскую, Тамбовскую, Могилевскую, Витебскую и Нижегородскую.

В 1792—1800 г.г.—к ним прибавились губернии Казанская, Симбирская, Оренбургская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Екатеринославская и Херсонская [1]).

В 1796 году было констатировано, что межевание произведено в 23 губерниях, причем обмежовано 89.727 дач, которые заключали в себе 143,486,841 десятину [2]) (ок. 150 мил. гект.).

К началу XIX века генеральным межеванием была охвачена большая часть территорий, подвергнутых этой мере вообще. В XIX стол. к указанным выше местностям присоединились губернии Вятская, Пермская, Астраханская, Крым и часть Архангельской губернии (Шенкурский уезд) и некотор. другие.

Более подробно хронологическая последовательность и об'ем мероприятий по генеральному межеванию усматриваются из нижеследующей таблицы:

Наименование губернии	Время производства генерального межев.	Количество дач	В них десят. (гектар.)	
1. Московская . . .	1766—1781	7781	2.935.720	(3.207.406)
2. Харьковская. . .	1769—1781	2509	2.996.098	(3.273.377)
3. Рязанская	1771—1781	5374	3.687.451	(4.028.672)
4. Владимирская. .	1773—1781	11112	4.038.275	(4.374.651)
5. Комстромская. .	1773—1783	16110	7.426.706	(8.113.991)
6. Ярославская. . .	1773—1783	15937	3.049.065	(3.283.024)
7. Тверская	1776—1781	16856	5.401.335	(5.901.176)
8. Смоленская . . .	1776—1779	6767	4.868.862	(5.319.461)
9. Тульская	1776—1780	5694	2.719.785	(2.991.497)
10. Калужская. . . .	1776—1780	6563	2.783.106	(3.040.675)
11. Воронежская. . .	1777—1781	1441	6.824.252	(7.455.725)
12. Олонецкая	1778—1795	1833	15.851.031	(17.317.784)
13. Новгородская . .	1778—1796	16407	10.392.554	(11.353.885)
14. Орловская	1778—1781	4147	4.040.544	(4.375.164)
15. Псковская	1781—1796	16603	4.002.459	(4.370.722)
16. Петербургская. .	1781—1795	4622	2.424.167	(2.648.522)
17. Вологодская . . .	1782—1796	15672	35.327.342	(38.596.633)
18. Курская	1782—1797	2748	3.409.377	(3.724.861)
19. Тамбовская. . . .	1782—1797	2746	5.896.966	(6.442.566)
20. Пензенская. . . .	1782—1797	1702	3.492.531	(3.815.710)
21. Могилевская. . .	1783—1784	1847	3.778.886	(3.528.567)
22. Нижегородская .	1784—1797	3584	4.467.464	(4.880.926)

[1]) У. с., стр. 186.
[2]) У. с., стр. 187.

23. Витебская	1784—1797	1737	3.593.650	(3.926.190)
24. Казанская	1793—1803	2624	5.688.570	(6 214.992)
25. Симбирская . . .	1798—1821	2070	4.130.907	(4.513.220)
26. Саратовская . . .	1798—1835	2585	7.614.335	(8.318.986)
27. Самарская	1898—1842	1164	15.843.820	(17.309.905)
28. Оренбургская . .	1798—1842	1112	25.954.761	(28.357.111)
29. Екатеринославск.	1798—1828	1136	6.172.589	(6.743.763)
30. Херсонская . . .	1798—1828	1541	6.136.963	(6.704.842)
31. Вятская.	1804—1835	2952	13.535.278	(14.787.813)
32. Пермская.	1822—1843	1268	24.385.454	(26·642.126)
33. Таврическая . . .	1829—1843	1686	2.105.108	(2.299.937)
34. Астраханская . .	1838—1850	207	18.303.340	(19.997.411)
35. Шенкурский уезд.	1855—1861	127	2.003.166	(2.188.551)
	1766—1861	188.264	275.281.908	(300.754992)

Количество спорных дел по губерниям колебалось от $^1/_5$ до $^1/_{60}$ всего их числа и составляло в среднем $^1/_{11}$. Из таблиц усматривается, что генеральным межеванием покрыта большая часть европейской территории современной РСФСР и часть Украины. Вовсе необмежеванными оставались большая часть Архангельской губернии, Западный и Юго-Западный край и Сибирь (Туркестан не входил еще тогда в состав русских владений).

Чтобы составить представление о количественных размерах генерального межевания, необходимо иметь в виду, что площадь им покрытая, превышает площадь с/х. значения современной РСФСР. При производстве земельного кадастра во Франции, который был также мерой сплошной и обязательной, в течение более чем 40 лет было окадастровано до 52 мил. гект. Правда, при французском кадастре были сняты и оценены все отдельные земельные участки (парцеллы), что при сильной раздробленности французского землевладения до крайности затрудняло и задерживало производство работ. Зато французскому кадастру не приходилось иметь дела ни с землеустройством, ни с межеванием, как юридическим укреплением границ, ни с рассмотрением земельных споров. Между тем, генеральному межеванию приходилось решать грандиозные по своему количественному об'ему землеустроительно-межевые задачи.

Надо иметь в виду, что наибольшая интенсивность генерального межевания падает на XVIII век. Средняя годовая продукция работ составляла тогда 5600—5700 дач и около 5200 тыс. гект., тогда как для XIX века в год мы имеем в среднем только 2900 дач и немногим более 2,2 мил. гектар.

§ 30. „Местные межевания“. В истории распространения генерального межевания обнаруживается следующий знаменательный факт: генеральное межевание развивалось чрезвычайно успешно в центральных областях государства, находившихся под действием двух основных исторических институтов — поместной системы и крепостного права, от которых отправлялись и авторы законодательства по генеральному меже-

ванию. Но как только оно доходило до местностей со своеобразными формами землевладения, которые были результатом их особого исторического прошлого, так тотчас же обнаруживались препятствия к успешному его осуществлению. Эти препятствия, лежавшие в особенностях земельного строя, не предусматривавшихся законами генерального межевания, вынуждали издание особых дополнительных правил, а часто и совершенно иную постановку межевания. Так возникли „местные межевания".

К таковым следует отнести — межевание Бессарабии, Малороссии (Черниговской и Полтавской губерний), Закавказского края, земель различных казачьих войск — Донского, Кубанского, Оренбургского и проч.

§ 31. Генеральное межевание в прежней литературе. Столь крупная аграрная мера, как генеральное межевание, не могла пройти не замеченной. Почти все курсы Русской истории уделяют ей то или иное внимание. Тем более останавливается на ней специальная литература. Одна из первых литературных оценок генерального межевания дана старейшим историком русского землевладения и межевания П. Ивановым. Эта оценка столь характерна, и для эпохи и для представляемого автором класса, что ее стоит привести целиком.

„Век Екатерины II был не обыкновенным явлением не только для одной России, но и целой Европы. Чего не предпринято было и чего не исполнено было этой мудрой монархиней: законодательство, просвещение, художества, мануфактуры, ремесленная и сельская промышленность, ничто не избежало ее проницательного взгляда. Всюду великая, во всем мудрая, так и генеральное земель размежевание не могло не обратить ее особенного внимания.

Она, усмотрев неуспешность хода этого государственного предприятия и постигнув своим умом недостатки таких начал, кои были приняты в основании по Инструкции 1754 года, начертала новое положение, но избрала для сего новые пути. Положение это и издано было ею в 1766 году под именем межевой инструкции, которая по мудрости есть образцовое произведение ума человеческого. В ней везде видна ясность и точность правил, глубокая опытность и дальновидная предусмотрительность. И ежели бы эта государыня не предпринимала ничего более кроме генерального земель размежевания, то и одним этим подвигом обессмертила бы свое имя"[1]).

Эта оценка, несмотря на свой явный характер панегирика, определила отношение к результатам генерального межевания на многие десятки лет. Целый ряд поколений земельных работников, вырос, воспитался и выучился на таком отношении к генеральному межеванию, которое было установлено одним из первых его историков. Генеральное межевание казалось мерой непревзойденной не только в нашей, но и в Западно-Европейской истории. По мере того, как сама эта мера отодвигалась вглубь прошлого, она

[1]) П. Иванов — Опыт ист. исслед. о межев. зем. в России, 1846 г. стр. 60—61. (Разрядка — везде наша. М. Ш.).

то надо думать, что нормальное отношение между тем и другим разрядом земель было много выше. Равным образом за дворянством укреплялись обширные площади которые были ранее предоставлены им в качестве так наз. „поверстных лесов“, т.-е. лесов, которые вследствие их малой ценности в XVII стол. не подвергались точному измерению, а определялись на глаз в верстах: „в длину столько то верст и поперек столько“. При переводе из поверстной меры в десятинную получались огромные количества земель, которые утверждались за дворянством.

В указанном отношении генеральное межевание повторило в несколько особой форме то же самое, что наблюдалось в аграрной истории других стран.

В Западной Европе землеустройство зачастую сводилось к закреплению земельных захватов, произведенных привеллегированными классами. Таков был, напр., социальный смысл того „землеустройства“, которое сопровождало знаменитое „огораживание полей“ в Англии и которое привело к полной экспроприации крестьянского землевладения [1]).

У нас, правда, этот результат полностью не наступил, вследствии отсутствия или слабости тех экономических предпосылок, которые имели место в Англии. Мы не пережили в эпоху ген. меж. такого бурного под‘ема промышленного развития, какое наблюдалось в этой стране. Однако и у нас захватнические стремления дворянства имели тот же характер. Не говоря уже об обезземелении крепостного крестьянства, наблюдавшегося в крепостных имениях, дворянство направляло свои вожделения и по линии захвата земель, принадлежавших различным группам государственных крестьян. Мы знаем, насколько успешны были эти усилия дворянства.

Процесс экспроприации дворянами крестьянских земель завершается реформой 1861 года, когда крестьянское землепользование подверглось значительным урезкам. Эти урезки были заключительным аккордом в длинной цепи дворянских захватов, оформленных и утвержденных путем генерального межевания.

Совершенно иной противоположный результат имело это последнее для крестьян.

Если генеральное межевание сильнейшим образом способствовало юридическому оформлению дворянской земельной собственности и тем самым обеспечивало ее свободу и независимость, то в отношении крестьянского землевладения оно поступало наоборот. Мы видели, что генеральное межевание принесло крестьянскому землевладению ряд ограничительных мер. Эти ограничения были двоякого рода. Во-первых крестьяне лишались права распоряжения своими землями, во-вторых отдельные крестьяне попадали в зависимость от крестьянского мира, так как земельный надел отводился на все общество. Тот ограниченный характер поземельных прав крестьян, который наблюдался в переформенную эпоху, во второй половине XIX века, в основах своих создан генеральным межеванием. Насаждая дворянскую собственность, часто непосредствен-

---

[1]) Манту—Пром. переворот в Англии.

но за счет крестьянских земель, генеральное межевание в то же время подчиняло публичному режиму крестьянское землепользование. Рассматриваемая мера выявила и в значительной степени оформила взгляд, в силу которого земли, занятые государственными крестьянами, признавались собственностью государства.

Что касается землепользования помещичьих крестьян, то таковое вовсе не было предметом регулирующего воздействия со стороны генерального межевания.

В процессе этого последнего крепостные крестьяне никоим образом не были суб'ектами. Они рассматривались, как об'ект или как счетные единицы. В некоторых случаях, как мы видели, наделение землей производилось по количеству ревизских душ. Однако, наделялся помещик а не крестьяне.

Возвращаясь к государственным крестьянам, мы должны заметить, что и собственно землеустроительная сторона генерального межевания коснулась их в весьма малой степени. Правда, в инструкциях содержалось требование, чтобы земли государственных крестьян межевать — „каждому селению порознь". В действительности это требование выполнялось далеко не всегда. Зачастую, вследствие взаимной связанности землепользования, в одну дачу замежовывалось несколько, иногда—множество селений. Одна и та же дача включала в себя десятки селений, целую волость, даже несколько волостей. Так возникли дачи в десятки, сотни тысяч десятин. Земельные отношения в них оставались совершенно неустроенными.

Правда, эта незаконченность наблюдалась и на частновладельческих дачах, включенных в одну общую дачу. Однако, дворянству вскоре представилась возможность завершить устройство своих владений посредством т. н. специального межевания. Для крестьянства же этот вид межевания был почти недоступен.

Важнейшая литература к гл. III

Семевский — Крестьяне в царств. Екатерины II-ой, т. II, стр. 593—633, 733—745, 766—804.

Иванов — Опыт ист. исследов. о межевании земель в России.

Неволин — Полн. Собр. Сочин.

Материалы для преобразов. меж. части в России, ч. I-ая.

Герман — История межев. законод. от Уложения до генер. межев.,

Его-же — История русск. межев.,

Его-же — Материалы по Ист. генер. межев.

Долячко — Межевой сборник.

Регекампф — Записка об исторических основах межевой реформы.

Хауке — Русское землеустр. законодат.

С. Д. Рудин — Задачи госуд. межев. в Трудах по преобраз. меж. ч.

Его-же — Межевое Законод. за 150d.

Шульгин — К 150-ти летию генер. межев.

ГЛАВА IV-ая.

Специальное межевание.

Общие дачи. Их типы. Задачи связанные с разверстанием общих дач. Понятие специального межевания. Специально-коштное межевание. Вопрос о специальном межевании в законах о генеральном межевании. Законодательство по специальному межеванию до 1836 г. „Специальное межевание через уездных землемеров". Его оценка и причины его неуспеха. Экономическое развитие и реформа специального межевания. Специальное межевание через посредников. Судебное межевание. „Судебно-межевое разбирательство". Дальнейшая судьба и разультаты специального межевания,

§ 1. Общие дачи. Их типы. Задачи связанные с разверстанием общих дач. Как известно, в результате генерального межевания получались об'екты двух видов: 1) дачи, принадлежавшие одному владельцу, лицу физическому или юридическому—дачи единственного владения и 2) дачи, находившиеся во владении нескольких лиц; эти последние носили весьма разнообразные названия — „дачи общего и чересполосного владения", „разнопоместные дачи", „дачи общего владения", „чересполосные или общие земляные дачи" и т. д. Наиболее общим их названием, получившим господство в специальной литературе и практике — было название „общих дач".

Общие дачи возникли давно. Иногда общность владения происходила вследствие первоначального захвата, а равно вследствие того, что земельный надел, еще в Московскую эпоху отводился сразу нескольким лицам. В некоторых случаях общие дачи возникли путем дробления единого владения в порядке наследования и иными способами (купля-продажа, дарение и проч.) [1].

---

[1]) Один наблюдатель первой полов. XIX в. так описывает происхождение общего, чресполосного владения в дачах. „В старину, может быть слишком за сто лет назад, когда народонаселение было небольшое, а земли изобилие, всякий пахал бесспорно, где кому вздумалось, и сняв два или три хлеба, бросал землю в залежь и распахивал вновь, опять сколько кому было под силу; потом, когда постепенно размножалось народонаселение и в земле начинал уже быть недостаток, то всякий старался сохранить в собственность свою им запаханный участок; и таким образом, по преданиям, от одного поколения к другому, переходили эти участки уже в виде собственности каждого. Мелкопоместные помещики разделяли по всей обширной даче мелкие свои участки между детьми опять на несколько частей; последствием этих разделов были беспрестанные раздробления мелких участков еще на несколько небольших клочков, и таким образом помещики час от часу беднели и многие из них по неимуществу, невежеству и по закоренелым предрассудкам (!) отклоняясь от вступления в службу, были обращены в

Земельный строй в общих дачах был вообще довольно запутанным и сложным. Земли отдельных владельцев, входивших в состав общей дачи, не были размежеваны. По степени сложности тех отношений, которые существовали внутри таких дач между их совладельцами, все разнообразие общих дач можно свести к следующим основным типам:

1) Владения соучастников дачи фактически были обособлены, но не имели только надлежащим образом укрепленных границ.

2) Часть угодий находилась в раздельном и притом обособленном пользовании; часть—в общем или чересполосном.

3) пользование всеми угодьями было общим и чересполосным.

Очевидно, что совладельцы дач первого типа не испытывали особой хозяйственной связанности и зависимости. На своих фактически обособленных участках они могли вести любую систему хозяйства, проводить какие угодно хозяйственные улучшения, не завися в этом отношении нисколько от своих соседей. И задача размежевания таких дач была сравнительно проста. Она сводилась, главным образом, к юридическому укреплению существующих уже фактически границ. Если здесь и могли встречаться некоторые трудности, то они сводились по преимуществу к спорности границ.

Напротив, разверстание дач двух последних типов ставило более или менее сложные землеустроительные вопросы, так как фактические отношения внутри этих дач были часто весьма запутанными.

Вот как описывает эти отношения один позднейший наблюдатель:— „Стоит только“, говорит он, „вообразить себе дачу в несколько десятков тысяч десятин с несколькими десятками владельцев помещиков. Возьмем одного из таких помещиков и мы узнаем о его владении нижеследующее: усадьба его находится в селении, в котором живут и другие помещики; к селению принадлежит выгон, но он — общий и распорядиться им по усмотрению нельзя; его огороды и коноплянники на краю селения, совсем особо и пройти к ним можно, только минуя чужие усадьбы, мельничным прудом могут пользоваться не все безразлично. Сенокоса в единственном его владении находится малая часть, а большая—в общем владении, и каждую весну бывает ему передел, причем не обходится без взаимных пререканий и споров, а что касается пашенной земли, то хотя ее числится 300 десятин, но она в особой часто неправильной форме, в кусках или загонах, которых не менее 100, разбросанных без всякой симметрии по пространству всей дачи, иные за 10 и более верст от усадьбы; так как помещики ведут по пашне трехпольное хозяйство, то все пашенное поле разделено на три большие куска или клина, но

звание одводворцев; и опять многие же из них, от беспечности, лени, пьянства (!) или по другим причинам, продавали свои небольшие клочки другим владельцам, и сверх того оставшиеся у них участки делили между своими детьми еще на меньшие клочки. Таким образом, час от часу земля более путалась, раздроблялась, передавалась продажею или разделом, и переходом от одного лица к другому, наконец достигла до высшей степени неимоверного безпорядка и безобразия“ („Быт русск. дворян“. 1851 г., вып. I, стр. 172—173).

у нашего помещика, по положению его загонов, в один клин попадает земли более, чем в другой, и он по неволе должен подчиниться этой неравномерности".

Эта фактическая путанница отношений усложнялась в некоторых случаях еще тем, что в пределах одной и той же дачи, имели владения лица, принадлежавшие к различным категориям владельцев, обладавших различным об'емом земельной правоспособности. Так в областях распространения однодворческого землевладения было немало общих дач, принадлежавших совместно однодворцам и помещикам, что создавало существенные неудобства при имевших место [1]) обостренных отношениях между теми и другими. В иных местах наблюдалось совместное владение казны и казенных крестьян и частных владельцев и проч.

К сказанному следовало бы прибавить, что дворы крестьян в общем селении, принадлежащие одному помещику, располагались в перемежку с дворами других владельцев. Это обстоятельство затрудняло распоряжение крестьянским трудом, в особенности в селениях многолюдных.

Нарисованная картина поземельных отношений убедительно свидетельствует о недостатках землепользования в общих дачах и о невозможности ведения в них самостоятельного и правильного хозяйства. Недаром один из помещиков-землевладельцев писал в 1836 г.: „Никакое физическое зло, ни засухи, ни наводнения, ни землетрясения не сравняются с злом чересполосного владения". В другом месте он выразился еще сильней: „Чересполосность в имении есть почти тоже, что либерализм в благоустроенном обществе" (Sic! [2]).

Дворяне, являвшиеся главными поставщиками хлеба на рынок, были заинтересованы в возможном удешевлении его производства, между тем значительность расстояния и разбросанность полей, даже при наличии дарового крестьянского труда, делали немыслимым ни правильную постановку хозяйства, ни введение технических улучшений. Последнее затруднялось также тем обстоятельством, что не все совладельцы общих дач понимали одинаково пользу и выгоду усовершенствованных приемов обработки, улучшенных систем севооборота и проч. Благодаря перемешанности и общности угодий, каждый из совладельцев должен был вести хозяйство одинаковое с тем, какое вели его соседи. Создавалась, таким образом, сильнейшая связанность хозяйственной инициативы и самодеятельности отдельных владельцев.

Кроме того существовавшая в общих дачах путаница поземельных отношений влекла за собой соседские споры и столкновения, порождала тяжбы, вообще создавала такую обстановку, которая также не благоприятствовала успешному хозяйствованию.

Из сказанного следует, что для успеха сельского хозяйства было необходимо спешить с разверстанием общих дач, в то же время это разверстание должно было явиться делом сложным, возбуждавшим слож-

---

[1]) См., напр., Библ. Русск. Ист. О-ва, т. 68, стр. 358. Быт русск. двор, стр. 194 и след.
[2]) „О чеспол. влад." 1836 г., стр. 18 и 36.

ные землеустроительные вопросы. Сложность землеустройства общих дач последних двух типов и послужила причиной того, что генеральное межевание отказалось от обязательного его осуществления. Тем настойчивее и острее выдвигалась необходимость такого землеустройства в последующее время, по завершении генерального межевания, в эпоху расцвета дворянского с/х. предпринимательства.

Эта землеустроительная задача была выполнена специальным межеванием.

§ 2. Понятие специального межевания. Специально-коштное межевание. Под именем специального межевания мы и будем понимать совокупность мер, направленных на разверстание общих дач, с целью обособления отдельных владений и юридического укрепления их границ. Сначала предметом специального межевания были общие дачи, образовавшиеся лишь при генеральном межевании. Но затем оно было распространено и на такие дачи, которые стали общими уже после генерального межевания. В основе происхождения этих последних дач лежали те же самые причины, которые частично повели к образованию общности и чересполосности землепользования до генерального межевания, т. е. раздробление дач единственного владения между отдельными лицами, в силу наследования, купли-продажи, дарения и т. д.

Термин „специальное межевание“ в дореволюционном межевом праве и специальной литературе употребляется и еще в одном значении, которое близко по своему содержанию к только что приведенному определению специального межевания, но с течением времени приобрело совершенно самостоятельный характер.

Дело в том, что одновременно с открытием генерального межевания, как мерой сплошной и обязательной, было разрешено по требованию присутственных мест и ходатайству частных лиц, командировать землемеров для производства межевания отдельных владений в местностях, где генеральное межевание еще не было открыто. Это мероприятие получило наименование специально-коштного межевания.

Существенными чертами его были следующие: 1) оно производилось там, где генерального межевания не было, 2) на основании правил этого последнего, 3) на собственный счет, „кошт“ владельцев, 4) под ведением межевой канцелярии.

Фактически специально-коштное межевание производилось в местностях Западного и Юго-Западного края, которые генеральным межеванием затронуты не были. Практическое значение его было невелико. За время с 1766—по 1910 год в порядке специально коштного межевания было обмежовано всего лишь около $3^1/_2$ тыс. дач. Из сказанного следует, что специально-коштное межевание не должно быть рассматриваемо, как один из видов специального межевания в тесном смысле этого понятия.

В противоположность коштному межеванию специальное межевание производилось в местностях генерально обмежованных и имело своей

целью разверстание общих и чересполосных дач, образовавшихся как путем генерального межевания, так и после его производства.

§ 3. Вопрос о специальном межевании в законах генерального межевания. Задача разверстания общих и чересполосных владений была поставлена еще в эпоху действия писцовых наказов 80-х г.г. XVII века. Как мы знаем ее с большой решительностью и радикализмом выдвинула инструкция 1754 года. Неудача, постигшая оба эти начинания, побудила авторов законодательства по генеральному межеванию отнестись к указанной задаче с большой осторожностью.

Генеральное межевание оставило совершенно вне обязательного воздействия сложный комплекс хозяйственных и правовых отношений существовавших в общих и чересполосных дачах. Оно ограничивалось лишь обведением таких дач в натуре одной окружной межой, предоставив будущему ликвидацию отношений, существовавших внутри установленных таким путем границ.

Возможность разграничения отдельных владений таких дач при генеральном межевании допускалась лишь в случае добровольного развода самих владельцев, но естественно, что в тех сложных условиях, в которых находились дачи общего и чересполосного владения, такие случаи были сравнительно редки, и огромное большинство этих дач должно было оставаться в том состоянии, в котором их застало генеральное межевание, впредь до „специального их размежевания“.

Указание на это предстоящее межевание содержалось уже в законах генерального межевания.

В специальной литературе имеется два несходных мнения относительно значения этих указаний.

Так уже в трудах по преобразованию межевой части в 60-х г.г. XIX столетия указывалось, что характерной чертой общих дач, замежеванных при генеральном межевании в одну окружную межу, является предусмотренная законами этого последнего, необходимость их размежевания в будущем, что правительством всегда имелась в виду эта необходимость и что, следовательно, задача по межеванию только тогда может считаться выполненной, когда будут размежованы общие и чересполосные дачи генерального межевания.

К этому мнению присоединяется и А. О Регекампф, автор нескольких исследований по дореволюционному межевому праву. В своей книге „Записка об исторических основах межевой реформы“ Регекампф находит, что „специальное межевание имеет предметом размежевание тех селений, деревень и пустошей, которые во время генерального межевания находились в разнопоместном владении и владельцы которых не могли притти к полюбовному соглашению о разделе земель; что отлагая размежевание сих владений до будущего времени, законодатель руководствовался исключительно соображениями практического свойства, а именно—желанием ускорить ход сплошного межевания земель империи и что, следовательно, специальное межевание есть генеральное межевание второй очереди“.

Иного взгляда держится С. Д. Рудин. Разобрав в своей книге „Задачи межевания в трудах по преобразованию межевой части“, постепенное развитие межевого законодательства до 1766 года, С. Д. Рудин пришел к убеждению, что значение специального межевания в законах межевания генерального соответствует скорее мере частного характера, инициатива которой возлагается всецело на добрую волю владельцев и что мысль о сплошном специальном межевании начала возникать не ранее последних лет XVIII столетия.

Однако, как бы то ни было, мысль о возможности и необходимости специального межевания выражена совершенно ясно в законодательстве по генеральному межеванию. Разрешая отграничивать в отдельное владение тех участников общих дач, кои „полюбовно разведутся“, это последнее в то же время предписывало: „прочих же, которые того не похотят, оставить их без внутреннего размежевания до будущих специальных и уездных, по собственному помещиков челобитию, на их иждивении межеваний, но обмежевывать такие общие селения одними окружными от прочих владений межами“.

С другой стороны, в межевой инструкции 1766 года, как мы знаем, содержалось правило, которым разрешалось посылать землемеров по требованиям присутственных мест, а также и просьбам частных владельцев для производства размежевания. Это последнее должно было совершиться на полный счет просителя, или, как говорил закон, „на собственном их иждивении“. Так сложилось специально-коштное межевание. Замечательно, что ходатайства частных владельцев принимались и в том случае, когда они являлись участниками разнопоместных дач.

Правила межевой инструкции 1766 года были дополнены особой инструкцией 1767 года. Однако, эта инструкция не только не могла послужить причиной развития указанного межевания, отличного от межевания генерального, но сильно запутала дело, благодаря своей неполноте и неясности указания на то, возможно ли на ее основании производить межевание только в губерниях немежеванных, или же и в губерниях уже обмежеванных генерально.

Применение правил этого межевания на практике вызвало недоразумение как на местах, так и в центре. Благодаря указанным обстоятельствам, описанный вид межевания—„специально-коштное“ и получил то в высшей степени ограниченное значение, о котором мы выше говорили и которое побуждает вовсе исключить его из разряда специальных межеваний, поскольку последние имели своей непосредственной задачей разверстание общих, разнопоместных дач.

Разногласия по вопросу о применении правил инструкции 1766 и 1767 г.г. послужили поводом к изданию указа 1798 года, который исследователи считают отправным пунктом длинного ряда законодательных мер по специальному межеванию. Ими наполнена вся первая половина XIX в.

§ 4. Законодательство по специальному межеванию до 1836 года. „Специальное межевание через уездных землемеров“. Указ 1798 года предполагал составление точных и единообразных правил для производ-

ства дел по вымежеванию земель к одним местам из целых селений и пустошей, замежеванных в одну окружную межу.

Первыми мерами, которыми прямо предусматривалось внутреннее размежевание владений, замежеванных при генеральном межевании в одну окружную межу, были меры 1799 года (размежевание в'езжих лесов) и 1804 г. (отмежевание земель помещиков от земель однодворцев). Меры эти однако носили совершенно исключительный характер и имели в виду лишь строго определенные условия землевладения. В частности первая из них имела целью — предупредить хищническое истребление лесов, посредством отвода лицам, имеющим право в'езда, определенных участков; вторая — была направлена на устранение споров и захватов, происходивших при совместном владении помещиков и однодворцев. Та и другая мера, содействуя индивидуализации землевладения в общих дачах, могли, однако, применяться всюду, где существовали предусмотренные ими условия землевладения.

Непосредственно целям специального межевания послужил закон 1806 года, которым был установлен первый исторический вид этого межевания.

Ко времени издания этого закона помимо учреждений генерального межевания, существовали местные межевые учреждения, составившие впоследствии так наз. „губернское межевое ведомство". „Учреждением для управления губернией" 1775 года образованы в каждой губернии должность губернского землемера, а в каждом уезде—уездного (присяжного) землемера. На них было возложено исполнение различных специальных поручений, в том числе осмотр на месте спорных границ совместно с представителями судебных органов — уездных судов и нижних расправ.

Ближайшим поводом к изданию закона 1806 года послужили ходатайства землевладельцев перед губернской администрацией и уездными судами о размежевании их дач через уездных землемеров. Само установленное законом 1806 г. межевание получило название „специального межевания через уездных землемеров".

Сущность его заключалась в следующем: 1) Владельцы общей дачи генерального межевания, пожелавшие развестись в одним местам, должны были составить об этом особый согласительный акт — так наз. „полюбовную сказку", которая представлялась в уездный суд с просьбой о размежевании. 2) Уездный суд, по рассмотрении и утверждении полюбовной сказки просил губернское правление о командировании землемера. 3) последний производил размежевание согласно полюбовной сказке с утверждением границ, укреплением их межевыми знаками и составлением межевых документов,—планов и межевых книг. 4) Производство землемера проверялось уездным судом, окончательное же свидетельство и утверждение акта совершалось межевой канцелярией.

По закрытии уездных судов, их обязанности по специальному межеванию перешли в так. наз. „губернские правления".

§ 5. Его оценка и причины его неуспеха. Из сказанного следует, что одной из главнейших черт специального межевания через уездных землемеров являлось исключительное господство в нем частной инициативы. Государство, в противоположность межеванию генеральному, не только не проявляло какой бы то ни было инициативы, но и не считало нужным принять какие-либо меры поощрения и содействия достижению соглашений между владельцами. Другой существенной чертой этого вида межевания, не утраченной, впрочем, и при последующем развитии законодательства по специальному межеванию, была обязательность участия в составлении полюбовной сказки всех участников общей дачи. Специальное межевание не предоставляло возможности вымежевания участков по просьбам отдельных владельцев и не допускало принуждения по отношению к кому-либо из них.

Эти основные черты специального межевания, вместе со значительной его дороговизной для владельцев, послужили причиной малого его успеха. В самом деле, в общих дачах либо уже существовало фактически сложившееся обособленное владение, но тогда у владельцев не было достаточно сильных стимулов к производству размежевания, которое в этом случае мало что могло прибавить к существующему уже спокойному владению; либо, напротив, в общих дачах наблюдались весьма сложные и запутанные отношения, но тогда владельцы затруднялись составить полюбовную сказку, именно вследствие этой сложности и запутанности и вынуждены были предпочитать, по выражению известного славянофила А. С. Хомякова, „неприятное, но привычное положение выгодам ясным, но которых нельзя получить вовсе без хлопот“.

Причина неуспеха специального межевания не могла быть секретом ни для правительства, ни для заинтересованных кругов землевладельцев. В 30-х г.г, XIX века, когда неуспех этой меры выявился воочию, в печати неоднократно высказывались предложения коренного его изменения и установления иных оснований для его производства. Так, между прочим, предлагался обязательный раздел общих дач с отводом земли поровну на каждую ревизскую душу, раздел земли, основанной на владении и земской давности, с игнорированием крепостных документов соучастников общих дач и погашением, следоват., тех исторических прав, которые каждый из них себе приписывал. Далее — предлагалось производить размежевание общих дач не по общему всех совладельцев соглашению, а по постановлению большинства их, вымежевание же отдельных участков—и по требованию любого из совладельцев.

С другой стороны, указывалось, что раздел дачи, пропорционально количеству числящихся за владельцами душ, не может быть допущен, так как есть в дачах владельцы, не имеющие крестьян, есть и такие, крестьяне которых в достаточной мере обеспечены землей, находящейся в других дачах; есть, наконец, владельцы, которые недавно приобрели незаселенные земли в общих дачах, и которых было бы несправедливо лишать законно приобретенного имущества. Что же касается давности владения, как основания к определению прав соучастников общих дач,

вании своих общих и чересполосных дач, под угрозой принудительного межевания в случае, если требуемого соглашения не последует. Каждое последующее распоряжение, обычно, продолжало на то или иное количество лет срок, установленный ранее. Ближайшими причинами продления срока являлись: недостаток технических сил, несовершенство предыдущего законодательства, голод и неурожай, постигшие в нач. 40-х г.г. некоторые губернии и друг. Одновременно с этим происходила разработка правил понудительного специального межевания. К 1850 году эти правила были изготовлены и внесены в государственный совет. Последний, однако, отклонил их по причине обнаружившегося за время с 1836 по 1850 год успеха полюбовных соглашений, делавшего ненужным издание правил понудительного межевания.

Дело в том, что трудность полюбовного межевания обуславливалась, между прочим, отсутствием таких органов, на которых лежала бы обязанность приводить владельцев к соглашению, а равно мер, поощрявших владельческие соглашения, помимо прямых выгод самого размежевания. Эти недостатки были в значительной мере устранены различными законодательными распоряжениями, издававшимися с 1836 года. Были приняты меры к удешевлению различного рода сделок, необходимость которых вызывалась потребностями специального межевания (право беспошлинного обмена земель и крестьянских дворов, право производства дел по специальному межеванию на простой бумаге без взыскания гербовых и крепостных пошлин). Далее, были уменьшены и облегчены формальности, связанные с разверстанием земель, состоявших в залоге. В то же время, кредитным учреждениям было воспрещено выдавать дополнительные ссуды помещикам, земли которых находились в чересполосном владении (зак. 1842 года). Вообще, залог неразмежованных земель был затруднен. Значение этого последнего обстоятельства, сильнейшим образом содействовавшего достижению помещиками полюбовных соглашений, легко понять, если принять во внимание нужду дворянства в кредите о чем выше говорилось. Вместе с тем, были приняты меры для увеличения числа землемеров, занятых делами по специальному межеванию, а для содействия владельцам в достижении полюбовных соглашений указом 1839 года были установлены особые посреднические учреждения — посреднические комиссии в губерниях и и посредники в уездах. Посреднические комиссии состояли под председательством губернского предводителя дворянства, из уездного предводителя, дворянских депутатов, губернского землемера и других лиц, кои были известны своей опытностью и знаниями в деле размежевания. Уездные посредники избирались, в числе от одного до трех, из среды местного дворянства.

Образование посреднических учреждений послужило причиной возникновения как бы новой разновидности специального межевания, которая и в литературе и в практике и даже в законодательстве получила особое название „специального межевания чрез посредников“.

Посреднические комиссии содействовали владельцам путем откомандирования землемеров для утверждения границ в тех случаях, когда владельцы сами произвели раздел дачи и для приведения в известность количества и качества земель, в целях составления полюбовной сказки.

Владельцы могли прибегнуть также и к содействию посредника. И в этом случае инициатива исходила от самих владельцев. Однако, и посреднику принадлежала активная роль. Он озабочивался предварительной с'емкой дачи на план через казенного или частного землемера, собирал владельцев, убеждал их на производство межевания, указывая им выгоды последнего и представляя неудобства возможного межевания в принудительном порядке и проч. Если владельцы из'являли согласие на полюбовный раздел их земель, то посредник обязывался составить проект размежевания, удовлетворявший, по возможности, желаниям всех владельцев. При этом, владельцам предоставлялось право производить обмены землями, не только расположенными в подвергнутой межеванию даче, но и в других дачах. Проекты полюбовного размежевания препровождались на утверждение уездного суда, который при этом не входил в рассмотрение крепостных прав владельцев. Утвержденные полюбовные сказки приводились в исполнение порядком, установленным для специального межевания через уездных землемеров. Если полюбовное соглашение не было достигнуто, то каждый из владельцев обязывался составить сказку о количестве земли, которое, по его мнению, причиталось из состава межуемой дачи и, вместе с тем, указать ту уступку, которую он мог бы сделать.

Указанными мерами специальное межевание весьма сильно подвинулось вперед. В 1850 году Государственный Совет констатировал, что из числа обнаруженных с 1836 по 1850 г. 75.194 дач общего и чересполосного владения по 57.875 дачам владельцы согласились на размежевание. Из этих дач оказались размежеванными 39.559 дач и не размежевано— 18.316 дач по недостатку землемеров. Не последовало соглашение по 17.319 дачам. Короче говоря, из'явлено согласие на полюбовное размежевание более, чем по $^7/_{10}$ всего количества общих и чересполосных дач, при этом более, чем половина всего их количества действительно размежевана. Указанное обстоятельство и послужило причиной упоминавшегося выше отклонения Государственным Советом правил понудительного специального межевания. Вместе с тем, было постановлено следующее: 1) дозволить оставаться в общем владении тем владельцам, которые единогласно подтвердят это желание полюбовной сказкой; 2) обязать посредников истребовать дела о тех дачах, по которым не было достигнуто полюбовных соглашений и по всем таким дачам, а также и по тем, по которым соглашений еще не составлено, вызвать всех соучастников и предложить им приступить к полюбовным соглашениям. Если же соглашения не происходило, то посредник обязывался представить дело в посредническую комиссию для обревизования его действий и для направлений дела в уездный суд на предмет судебно-межевого разбирательства.

Последнее должно было заменить предполагавшееся, но найденное ненужным понудительное межевание.

§ 8. Судебное межевание. „Судебно-межевое разбирательство“. Закон о судебно-межевом разбирательстве споров, возникающих при специальном межевании был издан в 1853 году. При его составлении были приняты во внимание и те правила принудительного специального межевания, которые в 1850 году вносились на рассмотрение Государственного Совета. Судебно-межевое разбирательство было возложено на уездные суды. Оно распространялось на следующий круг дел, по которым не было достигнуто полюбовного соглашения и которые, согласно закона 1850 года, подлежали судебно-межевому разбирательству: 1) дела, в которых имела участие казна или ведомства, защищаемые правом казны; 2) дела, по которым поступали просьбы, хоть бы от одного из владельцев о вымежевании ему отдельных участков; 3) дела, по которым хотя и не было заявлено таких просьб, но имелись в виду взаимные споры и тяжбы владельцев на неправильное владение их дачами. Судебно-межевое разбирательство заключалось во 1) в определении того количества земли, которое принадлежало каждому из соучастников дачи по его правам, и 2) в обособлении каждого владения. При этом, согласно проекта 1850 г. и в целях возможного облегчения судебного разбирательства межевых споров, последнее ставило своей целью рассмотрение исключительно вопросов „о праве и степени участия владельцев в общей даче“, но отнюдь не споров о вотчинном праве и о принадлежности целых участков. Это начало в правилах судебно-межевого разбирательства выражено было следующим образом: „При рассмотрении представленных от владельцев крепостей и документов, суды ограничиваются только разбором и разрешением пред'явленных при специальном межевании взаимных требований и споров и определением собственно права и степени участия каждого из них в общей даче. Что же касается споров между владельцами размежевываемой общей дачи или со сторонними лицами о вотчинном или наследственном праве, то таковые споры, не останавливая ни в каком случае размежевания общей дачи, разрешаются от оного отдельно тем же судом, на основании общих гражданских узаконений“.

Таким образом, и на судебное разбирательство споров, возникающих при специальном межевании, было распространено основное начало, применявшееся в случаях споров, возникавших при генеральном межевании.

Что касается оснований, по которым определялись права участников общих дач, то правила 1853 года устанавливали различие между общими дачами, образованными при генеральном межевании, и теми общими дачами, которые образовались уже после генерального межевания, путем раздробления дач единственного владения. По отношению к дачам первого рода определение количества земли, приходящегося на долю каждого участника, производилось на основании законов межевых. Следовательно, на них, как общее правило, не распространялось действие давности. По отношению к дачам второго рода, напротив, было

принято правило о том, что права их участников при судебно-межевом разбирательстве определяются по законам вотчинного судопроизводства— по крепостям и давности.

Правила 1853 года устанавливали также ряд условий, при наличности коих данный владелец признавался участником дачи, а, следовательно, мог быть допущен к участию в судебно-межевом разбирательстве. Условия эти были следующие: 1) Владелец или его предшественник должен быть показан на плане генерального межевания соучастником дачи, при чем лица, ставшие владельцами после генерального межевания, сохраняли свои права в соответствии с правами тех лиц, от которых им дошло владение. Таким образом, каждый владелец общей дачи обязывался доказать последовательный переход к нему земель в общей даче от лица, бывшего владельца при генеральном межевании, и получал при судебно-межевом разбирательстве споров количество земли, следуемое тому лицу. 2) Вторым условием было—действительное владение в даче и в 3) доказательство того, что представленные акты относятся до дачи, по которой производится судебно-межевое разбирательство.

С изданием судебных уставов и с заменою старых судов новыми судебными установлениями дела по судебно-межевому разбирательству, правилами 1868 года были подчинены ведению окружных судов. При этом, в существовавшие ранее правила были внесены изменения в том смысле, что дела по судебно-межевому разбирательству были подчинены исковому порядку. В противоположность уездным судам, которые обязаны были начинать судебно-межевое разбирательство по поступлении к ним дел по специальному межеванию из посреднических комиссий, окружные суды приступили к производству дела не иначе, как по подаче искового прошения хотя бы одним из совладельцев общей дачи. Подобного же рода просьба была необходима и во второй стадии межевого процесса, когда права участников дачи были определены и истекал трехмесячный срок, установленный правилами 1868 г. для полюбовного соглашения владельцев о распределении их земель на участки.

За всем тем судебно-межевое разбирательство представляло чрезвычайно сложный, громоздкий и притом дорогой процесс. Владельцы уклонялись прибегать к этому способу обособления владений, обращаясь к нему лишь в крайних случаях, когда закон не представлял других путей, которыми можно бы было достигнуть той же цели (напр., путем раздела общей собственности в порядке общегражданских законов). Практическое значение судебно-межевого разбирательства было невелико.

§ 9. Дальнейшая судьба и результаты специального межевания. Выше говорилось, что успех генерального межевания чрез уездных землемеров был ничтожен. Действительно, с 1806 года по 1836 г. в порядке этого межевания было размежевано всего 166 дач в 19 губерниях. С установлением посреднических учреждений специальное межевание чрез уездных землемеров прекратилось вовсе, по крайней мере, в тех местностях, где эти учреждения были открыты. Тем успешнее соверша-

№№ по порядку.	ГУБЕРНИИ ГЕНЕРАЛЬНО-ОБМЕЖОВАННЫЕ	С 1836 по 1863 год по полюбовному специальному межеванию.					
		Обнаружено общих и чресполосных владений		Из обнаруженных обмежевано.		Из обнаруженных осталось размежевать	
		Гектар	Дач	Гектар	Дач	Гектар	Дач
1	Новгородская . .	5.407.320	8687	4.045.452	6206	1.361.760	2481
2	Костромская. . .	3.660.693	9600	2.958.131	7495	692.706	2105
3	Курская.	3.473.005	1847	1.707.725	1168	1.694.319	579
4	Смоленская . . .	3.394.571	2759	2.371.152	2062	102.455	697
5	Харьковская. . .	3.124.979	1174	1.472.930	721	1.651.949	453
6	Воронежская . .	2.989.458	520	1.587.268	361	1.402.092	159
7	Саратовская . . .	2.758.375	602	1.960.638	439	797.637	163
8	Могилевская . .	2.754.125	687	1.332.176	360	1.491.842	327
9	Орловская	2.721.820	2217	1.606.635	1713	1.119.518	304
10	Тверская.	2.541.201	7429	2.457.222	7202	883.972	227
11	Тамбовская . . .	2.350.722	1122	1.785.974	915	664.690	207
12	Рязанская	2.306.060	2859	1.748.015	2144	558.084	715
13	Витебская	2.249.043	555	726.373	221	1.522.516	334
14	Самарская	2.171.778	373	1.923.896	285	246.983	88
15	Владимирская . .	2.144.458	4978	1.829.652	4660	326.106	318
16	Вологодская . . .	2.138. 261	7060	1.338.522	5061	798.076	1999
17	Олонецкая	2.035.640	332	960.406	262	1.075.274	70
18	Симбирская . . .	1.957.696	990	1.713.663	883	244.033	107
19	Ярославская . .	1.933.904	8802	1.315.156	7152	618.750	1650
20	Псковская	1.740.626	3990	1.454.257	3247	286.337	743
21	Нижегородская .	1.686.809	1441	1.303.630	1269	382.280	153
22	Тульская	1.635.917	2677	1.307.302	2262	328.628	415
23	Пензенская. . . .	1.504.448	718	1.026.777	569	510.293	149
24	Калужская. . . .	1.272.462	2380	1.117.084	2208	155.373	172
25	С.-Петербургская	1.256.441	2196	1.151.792	2060	104.647	136
26	Оренбургская . .	1.106.451	328	800.140	283	295.424	45
27	Казанская. . . .	999.110	519	821.710	458	177.500	61
28	Московская . . .	946.772	1768	877.638	1676	69.133	22
29	Вятская	330.428	110	66.581	65	263.641	45
30	Пермская.	435.375	6	358.895	6	—	—
31	Екатеринославск.	120.329	31	120.329	31	—	—
32	Астраханская . .	57.981	3	55.981	3	—	—
33	Таврическая . . .	44.030	6	44.030	6	—	—
34	Херсонская . . .	92.147	14	32.147	14	—	—
	Шенкурский уезд, Архангельск. губ.	—	—	—	—	—	—
	Всего в губерниях	65.315.435	78780	46.018.279	63486	19.826.124	19.294

лось межевание чрез посредников. Наибольшего развития этот вид межевания достиг в 40-х, 50-х и 60-х г.г. Всего им было затронуто около 143 тысяч генеральных дач с количеством земли около 151 мил. дес.[1]) К 1913 году по обоим видам специального межевани насчитывалось 296 тысяч участковых планов. Подавляющее их число приходилось на долю специального межевания чрез посредников.

По мере завершения специального межевания чрез посредников посреднические учреждения закрывались. Последняя посредническая Комиссия, (Орловская) была закрыта в 1884 году. После этого оставленные в некоторых губерниях посредники осуществляли свою деятельность под ведением губернских правлений.

Вместе с прекращением посреднического межевания, специальное межевание чрез уездных землемеров, совместно с судебно-межевым разбирательством, вновь становилось единственным способом устройства тех видов землевладения, происхождение которых отмечено было печатью значительной давности. Специальное межевание, как продолжение и завершение межевания генерального, замыкало собой круг правительственных мероприятий, направленных на устройство тех видов землевладения, которые своими корнями были непосредственно связаны с двумя основными историческими институтами,—поместной системой и крепостным правом, создавшими землевладельческое значение дворянства. Новые виды землевладения требовали и совершенно иных способов их устройства и регулирования.

В заключение помещаем таблицу, характеризующую развитие специального межевания по губерниям (см. табл. на стр. 176).

Важнейшая литература к главе IV-й та же, что и к главе III-й и сверх того: Маттель — Судебно-межевое разбирательство.

Главы II, III и IV в настоящем издании печатаются в значительно измененном и дополненном виде по сравнению с их многографированным изданием 1920/21 года.

---

[1]) Ок. 165 мил. гект.

ГЛАВА V.

Государственные крестьяне. Секуляризация церковных земель. Поземельное устройство государственных крестьян в 1-ой половине XIX века.

Происхождение государственных крестьян. Отношение государства к церковному землевладению в XVIII в. Количество церковных крестьян в XVIII ст. Положение крестьян на церковных землях. Управление церковными вотчинами. Секуляризация 1764 г. Экономические крестьяне и их поземельное устройство. Оценка секуляризации. Об'единение государственных крестьян. Крестьянское управление. Удельные крестьяне. Формы землепользования у государственных крестьян. Земельные переделы. Отношение крестьян к земельным переделам и расслоение деревни. Положение государственных крестьян в 30-х г.г. XIX в. Изменения в управлении государственными крестьянами. Поземельное устройство государственных крестьян. Поземельный кадастр. Оценка реформы.

§ 1. Происхождение государственных крестьян. Выше мы неоднократно касались положения государственных крестьян. В настоящей главе мы рассмотрим это положение более подробно. Государственные крестьяне были сословием весьма сложным по своему составу и историческому происхождению. В сословие государственных крестьян постепенно были включены все группы свободного, т.-е. не закрепощенного сельского населения. Эти группы и по включении их в состав государственных крестьян не вполне утратили свою самобытность и следы своего исторического происхождения. Многие из них вплоть до реформы 1860-х г.г. сохранили свое прежнее наименование.

Центральной группой государственных крестьян были черносошные крестьяне севера. Земельный быт этих последних и землеустроительные меры, предпринятые при производстве генерального межевания, нами были рассмотрены выше. Далее, в состав государственных крестьян были включены однодворцы, малороссийские казаки, мелкие служилые люди западных и юго-западных губерний, отошедших к России при производстве раздела Польши, т. н. ясашные инородцы, жившие в Поволжье и на востоке. Свое название эта группа государственных крестьян ведет от слова „ясак“ т.-е. подать, которую они были обязаны уплачивать государству. Особую разновидность государственных крестьян составляли т. н. экономические крестьяне. Это были крестьяне, отобранные от церковных учреждений. Акт этого отобрания носит название секуляризации церковных земель. Секуляризация произошла в 1764 году.

Общее количество государственных крестьян в Великороссии усматривается из нижеследующей таблицы:

2-я ревизия	(1743 г.)	3.000.000	душ (округл.)
3-я „	(1760 г.)	3.400.000	„
4-я „	(1781—83 г.г.) . .	4.470.000	„
5-я „	(1794—6 г.г.) . . .	5.000.000	„

Государственные крестьяне составляли немного менее половины всего сельского населения крепостной России.

Государственные крестьяне уплачивали государству подушную подать наравне с прочими податными слоями населения. Мы уже знаем, что сверх подушной подати они платили добавочный подушный сбор, который обратился в так наз. оброчную подать, взимавшуюся по тому же принципу, как и подушная.

Оброчная подать непрерывно возрастала в своих размерах и таким образом приходится констатировать непрерывно ухудшавшееся положение государственных крестьян.

§ 2. Отношение государства к церковному землевладению в XVIII в. Ввиду большого интереса представляемого секуляризацией церковных земель мы остановимся на этой мере более подробно. Секуляризация церковных вотчин и крестьян была мерой по своему характеру напоминавшей реформу 60-х г.г. XIX столетия.

Вопрос о церковных землях был поставлен еще на рубеже XV и XVI в.в., но только в XVIII стол. он получил окончательное свое решение. Только в этом столетии государству удается целиком та задача, которая была поставлена еще в эпоху Ивана III. Ликвидацией крупного церковного землевладения завершился длительный процесс борьбы государства и церкви за землю. То обстоятельство, что это решение произошло в XVIII веке—отнюдь не случайно. К указанному времени торговый капитализм сделал очень крупные успехи, а такая форма земельных прав, какая существовала в отношении церковного землевладения, не мирилась с развитым торговым капитализмом. Основная тенденция последнего заключается в превращении всех вещей, в том числе и земли — в товар. Этой тенденции вполне удовлетворяла та реформа земельной собственности, которая произошла в течение первой половины XVIII стол. и которая освободила земельную собственность от тяготевшей на ней зависимости от государства. Между тем церковные земли вследствие особой природы церковного землевладения были не отчуждаемы. Церковь только могла приобретать землю, но не вправе была ее отчуждать каким бы то ни было путем.

Помимо этой общей причины ликвидации крупного церковного землевладения, были и причины более частного порядка. Мы уже видели неоднократно, как слагалась земельная политика крепостной России под влиянием дворянских интересов. Дворянство всеми мерами стремилось к расширению своих земельных владений. Между тем, свободные

земли центральной России были исчерпаны. Получение земель на окраинах не всегда представляло для дворянства должные удобства. Поэтому дворянство полагало, что отобрание церковных земель и крестьян создаст тот фонд, за счет которого можно будет произвести дальнейшее расширение площади дворянского землевладения.

Вопрос о церковных вотчинах решился далеко не сразу. Если с одной стороны ряд обстоятельств побуждал государство к проведению реформы, то с другой стороны были причины, которые задерживали ее осуществление и влияли на степень радикализма в ее проведении. В XVIII стол. продолжается тот союз государства и церкви, который возник раньше, и государственная власть естественно должна была колебаться в принятии таких мер, которые непосредственно задевали имущественные интересы союзника. Правда, к XVIII стол. государство выросло настолько, что уже могло диктовать церкви свои условия. Неустойчивость правительственной политики об'ясняется не только об'ективной обстановкой, но и суб'ективными свойствами и настроениями отдельных правителей. Судьба некоторых частных вопросов, связанных с секуляризацией, изменялась буквально по отдельным царствованиям, причем каждое последующее царствование выдвигало решение, противоположное тому, какое давалось царствованием предшествующим. Однако, об'ективные условия оказались сильнее настроений и вкусов отдельных правящих лиц, и в 1764 году судьба крупного церковного землевладения, как массового явления, была решена.

§ 3. Количество церковных крестьян в XVIII веке. Прежде чем приступить к изложению секуляризационных мероприятий, остановимся на некоторых вопросах, касающихся фактической стороны церковного землевладения. К сожалению, в литературе нет сведений, относящихся до количества земель в церковных вотчинах. Об этом последнем до разработки соответствующих данных приходится судить по количеству крестьян, живших на церковных землях.

В XVIII веке земли и крестьяне принадлежали следующим церковным учреждениям: Синоду, архиерейским домами (кафедрам), монастырям и и собственно церквам. По данным 2-ой ревизии, окончившейся в 1747 году, жившие на церковных землях крестьяне распределялись между отдельными владельцами следующим образом [1]).

Крестьяне синодальные (бывшие патриаршие) . . .	37.426	р. д.
„ архиерейские	116.376	„ „
„ монастырские	728.736	„ „
„ соборные и церковные	23.767	„ „
Итого.	906.305	р. д.

В это число не входят церковные крестьяне Украины, где вопрос о церковных землях разрешился несколько позднее и иначе, ввиду свое-

[1]) Семевский. Крестьяне в царств. Екатерины II, том второй, стр. 195.

образного положения, которое занимала тогда Украина в составе имперских земель. По отношению ко всему сельскому населению Великороссии и Сибири церковные крестьяне составляли 14,1%.

В 50-х г.г. XVIII века по данным 3-ей ревизии церковных крестьян числилось 991.761 р. д. В общем это составляло 13.8% всего сельского населения, т.-е. несколько меньше чем по 2-ой ревизии. В противоположность поместному землевладению, которое почти отсутствовало на севере и которого в Сибири не было вовсе, церковное землевладение получило в этих местностях весьма значительное распространение.

Огромное богатство, составлявшееся из церковных земель и крестьян, распределялось между отдельными церковными владельцами далеко не равномерно. Наряду с такими вотчинами, как Троице-Сергиев монастырь, который владел более, чем 106 тыс. крестьян, было немало монастырей, владевших всего лишь несколькими душами, и даже не имевших вовсе за собой крепостных. Семевский считает, что в 40-х г.г. XVIII стол. из 822 монастырей в Великороссии и Сибири 315 монастырей или около 39% не имели за собой крестьян вовсе, а из женских — даже ок. 64%[1]). В ведомости 1742 года, составленной по желанию правительства, о таких монастырях сказано: „доходов никаких не сбирается, а питаются своими трудами и подаяниями, а иные—ругою“ [2]).

Монастыри-вотчинники по количеству крестьян распределялись следующим образом:

	По данным 1-ой ревизии	По данным 1744 года.
до 10 душ.	11.7%	6.4%
от 11—30 душ.	11.3 „	7.0 „
от 31— до 60 душ.	7.2 „	9.6 „
от 61—100 душ.	7.2 „	7.0 „
св. 100 душ.	62.6 „	70 „
св. 8000 душ.	4.6 „ [3])	5.7 „ [4])

За истекший промежуток времени произошла некоторая концентрация монастырского землевладения, если сведения достаточно правильны.

Во всяком случае приведенные данные свидетельствуют о том, что монастыри вотчинники принадлежали к разряду крупных и средних землевладельцев, архиерейские кафедры — даже и к очень крупным. Но среди церковных землевладельцев были и такие, которых всего правильнее отнести к разряду вотчинников мелких. Это были соборы и церкви.

§ 4. Положение крестьян на церковных землях. Переходим теперь к изложению вопроса о положении крестьян, живших на землях церковных учреждений. Без этого не может быть понято ни содержание, ни значение произведенной секуляризации. Крестьянский труд в цер-

---

[1]) Ук. соч., стр. 196—197.

[2]) Верховский. Насел. педв. им. Св. Синода, архиерейских домов и проч., прил. XI.

[3]) Взято по Верховскому, ук. соч., прил. X.

[4]) Семевский, у. с., стр. 197.

ковных вотчинах эксплоатировался обычными для крепостного строя способами: посредством барщины и оброка. Смешанные формы повинностей на церковных землях имели значительное распространение. Размер повинностей и их характер были чрезвычайно разнообразны. Семевский, изучивший ряд монастырских вотчин с преобладанием барщины, устанавливает следующие виды работ, которые производились крестьянами на вотчинника. Крестьяне обрабатывали монастырские поля и огороды, косили сено, возили лес, приготовляли кирпич, возводили различные постройки, работали на мельницах и винокуренных заводах, доставляли подводы, пасли монастырские табуны, изготовляли невода, ловили на монастырь рыбу, содержали караулы. Далее с крестьян собирали хлеб, сено, дрова, лен, коноплю, баранов, свиней, яйца и разные мелочи домашнего обихода. Сверх сего они уплачивали деньги вместо сборов натурой. При сравнении положения барщинных церковных и крестьян с таковыми же помещичьими оказывается что собственно барщинный труд первых был легче, ввиду сравнительно меньших монастырских запашек, зато количество других повинностей и поборов было значительнее[1]).

Положение оброчных крестьян, как и в помещичьих имениях, было в общем легче, чем барщинных. Впрочем и в оброчных вотчинах помимо денежных взносов крестьяне отбывали некоторые работы и доставляли владельцу различные предметы. Барщинные крестьяне нередко домогались перевода их на оброк, а существование в одной и той же вотчине и барщинных и оброчных крестьян вызывало среди первых усиленное недовольство своим положением.

Повинности крестьян были не только разнообразны, но и не равномерны. Это обстоятельство стояло в связи с изменением в составе плательщиков, без соответствующих изменений в общем количестве платежей. Так в Лебедянских синодальных вотчинах в 1724 году размер оброка исчислен в 40 коп. с души, а в 40-х г.г. XVIII столетия с них приходилось всего лишь по $8^1/_4$ копеек. Гораздо чаще впрочем наблюдалось обратное. Так напр., за Спасским Ярославским монастырем значилось 4064 дв. и по первой ревизии — 14264 д. В соответствии с этим и были исчислены платежи. К 1736 г. из состава монастырских крестьян выбыло, померло и в рекруты было взято 4799 д. между тем, как оклад оставался прежним. Легко себе представить, как должна была при этом возрасти тяжесть платежей и немудрено, что за крестьянами монастырей накопилась значительная недоимка.

Если вследствие большого разнообразия крестьянских повинностей представляется затруднительным установить их фактические размеры то возможно определить, что считалось их средней нормой. Для 50-х г.г. XVIII века нормальным оброком являлся 1 рубль с души[2]). В соответствии с этим при секуляризации церковных земель в начале 60-х г.г. XVIII в.

---

1) Семевский, у. с., стр. 206—207.
2) Семевский, у. с., стр. 209.

с крестьян велено было взимать по одному рублю с души. Столько же платили и государственные крестьяне сверх подушной подати.

Как барщинные, так и оброчные крестьяне пользовались вотчинной землей. Незначительность собственно владельческих запашек дает право заключить, что в фактическом пользовании крестьян было в общем достаточное количество земли. Разумеется, пользование это не обладало устойчивостью. Бывали случаи отобрания от крестьян их наделов и отвод им земель в других местах. Однако, если не юридически, то фактически землепользование крестьян, живших на церковных землях, было все же более прочно, чем крестьян крепостных. Уменьшение или изменение крестьянских наделов на церковных землях вызывал среди крестьян протест, переходивший иногда в открытое возмущение. Юридическая квалификация положения крестьян церковных учреждений чрезвычайно затруднительна. Здесь многое определялось не столько правом, сколько фактом, предписанием вотчинных властей, заведенным обыкновением, местным обычаем и т. д. Так монастырские крестьяне на севере России могли даже распоряжаться находящейся в их пользовании землей вплоть до ее продажи друг другу. К половине XVIII стол. в соответствии с общими ограничениями прав на землю северного крестьянства, эти продажи сопровождались уже заявлениями монастырскому управлению.

Принимая во внимание неопределенность положения монастырских крестьян, мы должны признать, что они занимали некоторое промежуточное состояние между крепостными и государственными крестьянами.

Однако, та же самая неопределенность, поднимая их несколько над уровнем остальной крепостной массы, в то же время делала их часто жертвами произвола со стороны как светских чиновников, так равно и духовных властей. Крестьяне неоднократно жаловались на притеснения, чинимые этими последними. Жалобы касаются как чрезмерного обременения их работами, так равно и произвольностью и жестокостью наказаний [1]). По мнению Семевского истязания, которым подвергались монастырские и вообще церковные крестьяне, все же не доходили до вопиющей жестокости, совершавшейся в помещичьих вотчинах во второй половине XVIII века. Другой исследователь Верховской полагает, что под управлением духовных властей крестьянам жилось тяжелее, чем под управлением светских чиновников. Это об'ясняется тем промежуточным положением, которое занимали церковные вотчины в первой половине XVIII века. Благодаря реформам этого столетия, церковные учреждения не могли смотреть на себя, как на неограниченных собственников, и усиленной эксплоатацией стремились вознаградить себя за неустойчивость и неопределенность своих прав.

В злоупотреблениях в особенности часто бывали повинны нисшие власти — всевозможные управители и приказчики, высшие духовные власти, являвшиеся представителями церковного учреждения—вотчинника стремились ввести в управление некоторый порядок. С этой целью из-

---

1) Там же, стр. 211—213. Верховский, у. с., стр. 169—174.

давались инструкции, в которых определялись с большей или меньшей точностью права и обязанности управителей. В одной из таких инструкций мы читаем, что управители должны были наказывать крестьян, не иначе как в присутствии старост и выборных с записью о причинах наказания. При этом по многим делам надлежало руководствоваться Уложением 1649 года.

Конечно, на практике предписания инструкций соблюдались не всегда. Среди крестьян нередко возникали волнения. Эти волнения были особенно сильны перед окончательной секуляризацией.

§ 5. Управления церковными вотчинами. Управление церковными вотчинами не было однообразно. Оно менялось несколько раз в течение первых шести десятков лет XVIII века. Эти изменения находились в зависимости от тех колебаний, которые происходили в судьбе самого вопроса, а также в зависимости от характера вотчины. Последние делились на „определенные", „заопределенные" и вовсе неопределенные; за различием в наименованиях стояла разная степень вмешательства государства в управление церковными вотчинами. В настоящем мы остановимся на организации управления собственно монастырского. Для примера возьмем вотчинное управление Троице-Сергиевой лавры. Выбор наш мы делаем вследствие обширности вотчин лавры, разбросанных на пространстве 15-ти губерний, и имевших населения больше, чем в 200 тыс. душ. о. п.

Во главе управления стоял так наз. собор из монастырских старцев, при соборе существовала канцелярия из монастырских служек. Канцелярия разделялась на несколько отделений или, как тогда называли, экспедиций. Отдельные экспедиции заведывали личным составом многочисленной вотчинной администрации, земельными спорами крестьян между собой и с посторонними лицами, делами по землепользованию крестьян и т. п. Вотчинная администрация—управители и приказчики, назначалась собором обычно из приказных служителей, реже—из монахов. Вознаграждение администрации, да и весь характер ее службы сильнейшим образом напоминал древне русские кормления. Доходы, получавшиеся управителем или приказчиком, регулировались разными указами и инструкциями. Помимо постоянных сборов с крестьян администрация получала случайные и колеблющиеся доходы в виде различного рода пошлин. Организацию вотчинного управления сближает с кормлениями также и краткость срока, на которую назначалась администрация. Срок был всего годичный. По его истечении управители и приказчики передавали свои должности другим лицам, а сами возвращались в лавру, где несли указанные им обязанности безвозмездно в течении 2-х лет. Предполагалось, что они достаточно нажились во время своего управления.

Помимо назначенной администрации некоторую роль в управлении играли выборные от крестьян. Выше указывалось, что инструкции разрешали наказывать крестьян не иначе, как при старосте и выборных. Функции последних не исчерпывались лишь присутствием при наказании. Назначенная администрация могла осуществлять свои распоряжения при содействии представителей самих крестьян.

Что касается обязанностей приказчиков, то они были чрезвычайно обширны. Эти обязанности включали в себя функции хозяйственно-административные, судебные, полицейские и проч. Регламентация глубоко проникала крестьянский быт. Между прочим, самовольные семейные разделы воспрещались под страхом отдачи виновных в солдаты. Разделы эти разрешались не иначе, как по представлениям, сделанным собору, и то в случаях особой многочисленности семьи или же вследствие малоземелья и под условием переселения в другие местности. Самовольный переход из одной деревни в другую был также воспрещен.

Надзор за распределением земли и исправным отбыванием повинностей находился в руках приказчиков. Приказчик наблюдал за тем, чтобы в пределах управляемой им вотчины не наблюдалось нищенства. Малолетние сироты отдавались в дома зажиточных крестьян, а по достижении ими двадцатилетнего возраста на них накладывалось тягло.

В других монастырях, не обладавших такими огромными вотчинами, как Троице-Сергиева лавра, и не нуждавшихся в такой сложной администрации, управление было организовано проще. В общем, управление монастырскими вотчинами сводилось к следующему: главное заведывание принадлежало духовному главе монастыря. Исполнительным органом являлся под'ячий, в подчинении которого могла находиться канцелярия. Под'ячим поручался сбор монастырских доходов и ревизия действий управителя. Во главе отдельных вотчин ставились монахи („старцы посельские“) или монастырские слуги или даже отставные военные, которые со времени Петра определялись в вотчины для пропитания.

Вотчины, принадлежавшие архиерейским домам, находились под управлением приказчиков и посельских старост. На обязанности первых лежали главным образом заботы об исправном отбывании крестьянских повинностей. И те и другие подчинялись архиерейской администрации.

Таково было управление вотчинами „определенными“. Что же касается вотчин „заопределенных“, то администрация последних назначалась тем государственным учреждением, в котором сосредоточивалось высшее заведывание ими. Таким учреждением являлась главным образом коллегия экономии, Были, впрочем, и такие заопределенные вотчины, которые находились в ведении архиерейского дома или монастыря, и администрация которых назначалась самими духовными властями. Тем самым создавалось двоевластие, чрезвычайно вредно отражавшееся на положении крестьян. Важное и ответственное дело сбора вотчинных доходов Коллегия экономии поручала иногда особым светским сборщикам, принадлежавшим к разнообразным социальным слоям. В числе сборщиков упоминаются и „холопи бывшие боярские“.

§ 6. Секуляризация 1764 года. После ряда колебаний в вопросе о судьбе церковного землевладения в течение всей первой половины XVIII века в 1762 году (при Петре III) был издан указ, в котором нельзя не видеть секуляризационного акта, притом, довольно радикального.

Сущность этого указа сводится к следующему:

Для управления церковными вотчинами была создана коллегия экономии. Для непосредственного надзора над вотчинами предполагалось во все церковные имения послать специальных офицеров с надлежащими инструкциями. Вместе с тем категорически предписывалось отрешить от управительских должностей всех лиц духовного звания. Вместо всех прежних повинностей крестьяне церковных имений обязывались платежом рублевого оброка сверх семигривенного подушного оклада. В пользовании крестьян оставалась вся та земля, которую они пахали на церковных вотчинников. Земля же, которая и раньше не находилась в их пользовании, а равно мельницы, различные угодья и земли, надлежало отдавать на оброк желающим. Полученные указанными путями суммы должны были поступать в распоряжение коллегии экономии. Все начатые до указа дела об излишнем отягощении крестьян, а равно о неповиновении их духовным властям, за исключением дел об убийстве, должны были прекратиться. Однако все поборы, взятые управителями неправильно, надлежало возвратить крестьянам немедленно. Легко себе представить, как велико было смущение и недовольство духовенства. Однако действие указа было непродолжительно. С новым царствованием (Екатерины II) снова блеснул луч надежды, хотя и не надолго, на возвращение прежних порядков.

Исключительность обстановки, в которой произошел захват престола Екатериной II, заставила ее быть сугубо осторожной в вопросе о церковных имениях. Необходимость лавировать между различными противоречивыми интересами побудила Екатерину признать секуляризацию мерой необдуманной. В том же 1762 году ненавистная духовенству Коллегия экономии была уничтожена, церковные имущества возвращены в управление духовенства, для крестьян сверх подушного оклада устанавливался либо рублевый оброк либо барщина, по усмотрению властей. Принятая Екатериной мера была однако не более, как военной хитростью с ее стороны, по выражению Семевского. По мере того, как новая власть становилась прочнее, изменялось и ее отношение к вопросу о церковных имуществах. К отобранию церковных имений побуждали также и крестьянские волнения, широкое развитие которых нельзя не поставить в связь с возвращением крестьян под власть к духовным вотчинникам. Последние в своей неумеренной требовательности раздражали крестьян, уже и без того в достаточной степени возбужденных частыми и резкими переменами в их судьбе. В особенности ненавистной для крестьян была барщина.

Впоследствие Екатерина сама писала Вольтеру, что при ее восшествии на престол было более 100 тыс. крестьян духовного ведомства, взявшихся за оружие потому, что они часто терпели тираническое притеснение. Екатерина забывала при этом прибавить, что непосредственной причиной возмущения крестьян было усиление тирании, явившееся в результате ее же собственных распоряжений.

Волнения крестьян в большинстве случаев носили довольно мирный характер. Они сводились главным образом к отказу работать на

прежних владельцев и к бесконечным челобитьям, подававшимся на имя разных духовных и светских властей. Челобитчики обычно жестоко наказывались, но это не останавливало потока ходатайств. Вообще крестьяне стремились оставаться на легальной почве, когда же последняя ускользала из-под них, то на помощь приходила легенда, создание народной фантазии или даже отдельных грамотеев, руководствовавшихся приэтом часто корыстной целью.

Отличительной чертой крестьянских волнений описываемого времени были фальшивые указы и манифесты, которые ходили между крестьянами и доставляли их борьбе, по крайней мере, видимость законной опоры. Один из таких подложных манифестов, обещавший крестьянам свободу от духовных властей и передачу в их пользование всей церковной земли, только на полгода опередил действительную секуляризацию церковных вотчин.

Только в сравнительно редких случаях крестьяне вымещали свою злобу на отдельных представителях церковно-вотчинной администрации. В других случаях причиной открытого и прямого возмущения крестьян был безтактный образ действия посылаемых для усмирения воинских команд.

Как бы то ни было, но становилось совершенно очевидной невозможность сохранения того компромиссного положения, которое устанавливалось указами первых месяцев царствования Екатерины. Неумолимая логика вещей подсказывала необходимость радикального и притом окончательного решения вопроса. Мнение современников склонялось в пользу полной секуляризации. Церковь в то время была уже настолько ослаблена, настолько чувствовала свою полную зависимость от государства, что опасаться сколько нибудь серьезной оппозиции с ее стороны не было оснований. Такие личности, как известный противник секуляризации, ростовский митрополит Арсений Мацеевич, были совершенно одиноки. Они являлись запоздалыми откликами далекого и уже невозвратимого прошлого. Борьба, поднятая Арсением Мацеевичем, осталась без поддержки. Напротив того, среди самих высших иерархов находились лица не только разделявшие правительственные взгляды, но и стремившиеся предупредить правительственные мероприятия.

В 1763 году коллегия экономии была вновь восстановлена. Состав ее был назначен чисто светский. Вначале было предположено все церковные вотчины разделить на две категории, т.-е. повторить реформу, уже имевшую место в первой половине XVIII стол. Одна категория церковных вотчин должна была остаться в непосредственном управлении духовенства, другая—передавалась в ведение коллегии экономии. Этот законодательный акт был последним крупным актом, предшествовавшим окончательной секуляризации. 26-го февраля 1764 года был издан знаменитый указ, которым все вотчины синодальные, архиерейские, монастырские и церковные, расположенные в Великороссии и Сибири, были переданы в ведение Коллегии экономии окончательно. Крестьян, населявших секуляризованные вотчины, указ считал в 910.866 душ. В дей-

ствительности же их было 991.761 д. м. п. Вместо всех прежних оброков и сборов крестьяне помимо семигривенного подушного оклада обязывались платить в пользу государства $1^1/_2$ рубля с души. Акт секуляризации лишил церковь ее земельных богатств, но не ее экономического могущества. Не говоря уже о том, что духовенство продолжало получать огромные деньги за выполнение религиозных треб, государство взамен отобранных вотчин определило духовенству штатное содержание, а впоследствии, при генеральном межевании, церковные учреждения получили некоторые земельные наделы.

§ 7. Экономические крестьяне и их поземельное устройство. Путем отобрания от церковных учреждений земель и крестьян явился новый весьма многочисленный разряд крестьянства, получивший название крестьян экономических.

Секуляризация имела для них значение не только в смысле изменения их юридического положения, но и с точки зрения их земельного устройства. Одновременно с секуляризацией возникла необходимость определить земельный быт бывших церковных крестьян. В основу этой меры был положен принцип передачи крестьянам всех земель, которые они ранее пахали на владельцев, за исключением лишь тех, которые отстояли далее 20 верст от селений. Этот принцип однако не был проведен полностью, вследствие чего земельное обеспечение экономических крестьян не всегда было достаточным. Недостаточность земельных наделов в некоторых местах являлась результатом недостатка земли в самих церковных вотчинах, наделением землей монастырских и архиерейских служителей, перечислившихся в крестьяне, и отрезкой земель для отдачи в оброк.

Недостаток земли мог восполняться арендой как земель экономических, так и помещичьих, а равным образом, устранялся путем переселений. В 1771 году было предписано переводить крестьян, в случае надобности, в многоземельные селения с согласия крестьян и за их собственный счет. Известно, что в 70-х и 80-х г.г. XVIII века переселения крестьян, действительно имели место. Так в 1776 году было предписано переселить 2 тыс. человек экономических крестьян на освободившиеся земли волжских казаков, которые были переведены на Кавказскую линию. Переселение предполагалось в добровольном порядке. В случае же недостатка желающих, переселять предполагалось по жребию. В начале 80-х г.г. более тысячи семейств экономических крестьян были переселены на реку Ахтубу для занятий шелководством. Тогда же было запроектировано крупное переселение экономических крестьян на земли волжских казаков, а также в губернии Новороссийскую и Азовскую, всего в количестве 40 тыс. человек. С присоединением Крыма экономическим крестьянам разрешено было переселяться туда.

В конце 80-х г.г. экономическим крестьянам было разрешено приобретать земли покупкой.

По отношению к некоторым группам жившего на церковных землях населения действовали особые правила, сущность которых сводн-

лась к тому, чтобы обеспечить эти группы земельными наделами. Так получили наделы безземельные бобыли и монастырские половники из черносошных крестьян.

Передавая крестьянам землю, правительство в некоторых, по крайней мере, особо острых случаях, производило землеустроительные действия с целью устранения неравномерности землепользования. О характере этих действий дает понять следующий пример. В Воронежской губернии между жителями трех селений и двух поселков, всего в количестве более 1.300 душ, происходили споры, вследствие неравномерности в пользовании землями. Спорящие селения представляли одну дачу генерального межевания. Спор был разрешен распределением земли между селениями поровну. Следствием этой меры явилось полное уравнение землями.

В царствование Екатерины почти не наблюдалось случае пожалования экономических крестьян в частное владение. Напротив, при Павле такие раздачи происходили в обширных размерах. При Александре I жители некоторых экономических волостей Новгородской губернии были перечислены в военные поселяне.

Несколько позже, чем в Великороссии, а именно—в 1786 г., была произведена секуляризация духовных имений и в губерниях Украины—Полтавской, Черниговской и Новгород-Северской.

§ 8. Оценка секуляризации. Секуляризация церковных вотчин была, несомненно, одной из выдающихся мер XVIII века. В то же время она затрагивала столько интересов, при том совершенно противоречивых, что невозможно было бы ожидать одинаковой оценки этой меры.

Так оно в действительности и было.

Прежде всего, реформой был недоволен класс, который ею непосредственно затрагивался — духовенство. Установленное вскоре после секуляризации содержание духовенства не соответствовало его прежним доходам с вотчин. Так, духовная комиссия отпустила на все монастыри около 200 тыс. руб., тогда как доходность только 14 монастырей, наиболее богатых, с излишком покрывала эту сумму. Вместе с тем правительством не были выполнены те обещания, которые им давались в манифестах о секуляризации и касались принятия на себя функций благотворительности. Этими обещаниями правительство стремилось оправдать свои секуляризационные мероприятия в глазах общества и народных масс, живших под действием религиозных взглядов. Однако, и после секуляризации школ для народа не увеличивали, и инвалидные дома и богадельни продолжали существовать только в самых больших городах и были недоступны для большинства лиц, стремившихся в них устроиться. Те обязанности „благотворения“, которые принципиально лежали на монастырях, этими последними выполнялись крайне недостаточно и даже не выполнялись совершенно. Дело не стало лучше, когда эти обязанности правительство приняло целиком на себя.

Недовольные голоса раздавались не только из среды духовенства. Недовольные реформой встречались и среди дворян. Эти последние, во-первых, опасались освобождения вслед за крестьянами духовного ведом-

ства, также и крестьян крепостных. Во-вторых, они надеялись добиться от правительства передачи экономических крестьян, на тех или иных условиях, в руки дворянства. С этой целью, дворянство старалось убедить правительство в недостатках реформы с тем, чтобы освобожденных от церковных вотчинников крестьян сделать крепостными светских владельцев. Так, один из администраторов Екатерининского времени, Новгородский губернатор Сиверс, составил подробную записку, в которой доказывал, что в целях поднятия хозяйства в экономических волостях необходимо раздать их в аренду дворянам. Среди дворянских деятелей были и такие лица, которые не удовлетворялись раздачей экономических крестьян в аренду, а настаивали на том, чтобы экономические вотчины были пущены в продажу. В этом именно смысле высказывались некоторые дворянские наказы. Знаменитый дворянский публицист и вождь дворянского класса второй половины XVIII века кн. Щербатов сначала отнесся осторожно к проекту об аренде, а спустя 10 лет—настаивал на продаже всех государственных и экономических деревень дворянам.

Все эти проекты, однако, не получили осуществления.

Уверяя, что предлагаемые меры будут содействовать поднятию хозяйственного благосостояния, авторы проектов старательно отмечали ухудшение положения экономических крестьян и их хозяйства, явившееся в результате реформы. В этих указаниях есть, конечно, известные преувеличения, поскольку они исходили от лиц, заинтересованных в том, чтобы опорочить реформу ради достижения собственных, чисто классовых, целей. Вместе с тем, однако, следует согласиться с тем, что в значительной своей части указания эти были справедливы. Реформа действительно обладала рядом недостатков, которые в значительной степени умаляют ее ценность. После реформы бывшие церковные крестьяне попали как бы в положение людей, об устроении которых заботиться было некому. Если этой заботы не проявляли в свое время церковные вотчинники, стремившиеся лишь к выжиманию оброка с подвластных им крестьян, то тем менее такой заботы можно было ожидать от тех чисто бюрократических учреждений, какими были—коллегия экономии и экономические правления, поставленные во главе из'ятых от церковных учреждений крестьян (от наименования указанных учреждений получили свое название и самые крестьяне).

Дворянские писатели конца XVIII ст. свидетельствуют не только об ухудшении положения крестьян, но и о разрушении тех хозяйственных предприятий, вроде конских заводов и проч., которые ранее существовали на церковных и монастырских землях. В XVIII веке было вообще широко распространено мнение об уменьшении запашек у экономических крестьян после секуляризации.

Что касается самих экономических крестьян, то, по крайней мере, значительная часть их должна была испытать несомненное увеличение податного бремени. Мы знаем, что часть их до реформы платила рублевый оклад, после же реформы все крестьяне, причисленные к разряду экономических, должны были платить по $1^1/_2$ руб. с души. При том же,

оброк непрерывно возрастал в течение всего XVIII века. В 1768 году он был 2 руб. 70 коп., а в 1783 году—уже 3 руб. с души.

Если реформа 1764 года в общем отвечала настроению крестьянства, то, с другой стороны, сопровождавшее реформу увеличение оброка в некоторых местах послужило причиной крестьянских волнений. Кое-где эти волнения происходили при сочувствии и даже содействии духовенства.

В то же время, нельзя не признать, что реформа 1764 года выгодно отличается от другого освободительного мероприятия царского правительства—реформы крепостных крестьян 1861 года. При секуляризации церковных земель, по крайней мере, в руках крестьян была оставлена большая часть той земли, которая находилась в их фактическом пользовании до освобождения их от власти церковн. вотчинников. Между тем, реформа 60-х г.г. XIX ст. сопровождалась значительным уменьшением фактических крестьянских наделов. И та и другая реформа были продиктованы экономическим развитием и были осуществлены под сильным влиянием дворянских интересов. Однако, в реформе 1764 года эти интересы не сказались столь резко и непосредственно, как при освобождении от крепостной зависимости помещичьих крестьян.

§ 9. Об'единение государственных крестьян. Крестьянское управление. Удельные крестьяне. В основе единства столь разнообразных по своему историческому происхождению групп сельского населения, какими были отдельные разряды государственных крестьян, была большая или меньшая общность их экономического положения. Различие, существовавшее между ними в XVII ст. и раньше, постепенно стиралось и в XVIII веке не закрепощенное, не отданное помещикам сельское население превратилось в массу мелких земледельцев, сидевших на земле, об'явленной государственной собственностью, и обязанных взносом платежей и отбыванием повинностей в пользу государства.

Последнее являлось по существу таким же „хозяином“ по отношению к государственным крестьянам, каким был помещик по отношению к своим крепостным. Государство-хозяин было не менее суровым и требовательным, чем хозяин-помещик.

Если государство издавало ряд законодательных актов, регулировавших быт „свободного“ сельского населения, то и этим оно не отличалось от государя-помещика. В предшествующем изложении нам неоднократно встречались случаи нормирования быта крепостных крестьян со стороны владельца. Тот возрожденный феодализм, который пришел в XVIII веке на смену феодализма московской эпохи, проникал весь уклад крепостной страны. Если государство было помещиком, то и помещик, в пределах своего имения, являлся государем.

Внешним формальным выражением сословного единства государственных крестьян была общность их обязанностей перед государством и единство в организации управления ими.

Подушная подать об'единяла государственных крестьян с прочей массой податного тяглого населения, а оброчная подать была рен-

той, взимавшейся с них государством-собственником, государством-хозяином.

Что касается управления государственными крестьянами, то к концу XVIII века оно приняло следующую форму. Государственные крестьяне разделялись на волости не более 3.000 душ в каждой. Во главе волости стоял волостной сход и волостное правление. В каждом селении существовал местный сход и местное же сельское начальство. Центральной фигурой волостной администрации являлся волостной голова, избиравшийся из среды зажиточных крестьян. Хотя крестьянская администрация и была выборной, но она подчинялась не столько избирателям, сколько стоявшим над ней чиновникам. А так как эти последние принадлежали всегда к дворянству, то отсюда понятно, что во всяких столкновениях государственных крестьян с местными землевладельцами чиновники держали сторону последних. Государственные крестьяне оказывались под двойным прессом. На них давило государство в лице своих чиновников и дворянство, которое было представлено теми же чиновниками.

По закону, государственные крестьяне были людьми свободными. Законодательство в первой половине XIX века именовало их „свободным сельским сословием", но, как справедливо замечают исследователи крестьянского быта, свобода эта была весьма относительной. Никаких сколько-нибудь реальных и прочных гарантий, личных и имущественных, для государственных крестьян не существовало. Государство, декларировавшее их свободу, не стеснялось в XVIII веке раздавать их десятками и сотнями тысяч в частное владение, а в первой половине XIX ст. перечислять в военные поселяне.

В конце XVIII века из государственных крестьян выделился особый разряд—крестьяне удельные. Они предназначались на содержание царской фамилии. Исторически эта категория крестьян примыкала к прежним дворцовым крестьянам. Она и образовалась, главным образом, из этих последних. Кроме дворцовых крестьян, к уделам была причислена некоторая часть черносошных крестьян севера и крестьян экономических.

Удельные крестьяне были как бы крепостными „первых дворян Империи", т. е. лиц, принадлежащих к царствующему дому. Соответственно с этим и организация удельных имений напоминала организацию дворянской вотчины. Удельные крестьяне, помимо общегосударственных сборов и повинностей, платили уделам оброк и отбывали в их пользу барщину. Земли, находившиеся в их пользовании, разделялись на постоянный тягловый надел и запасные земли. Пользование первым носило для крестьян обязательный характер, так как с ним было сопряжено отбывание повинностей в пользу уделов. Пользование запасными землями было необязательным.

§ 10. Формы землепользования у государственных крестьян. Земельные переделы. Поскольку государственные крестьяне, несмотря на громкое их наименование „свободным сельским сословием", оказывались

крепостными государства,, постольку и земельный их быт формировался под сильнейшим воздействием государства. Это воздействие имело те же цели и принимало те же формы, что и на землях частных владельцев.

Последние, как мы видели, будучи заинтересованы в исправном отбывании крестьянских повинностей, насаждали у крестьян принудительным порядком общинно-уравнительные переделы, поскольку поравнение земли обеспечивало в большей степени помещичьи интересы.

То же самое наблюдалось и в истории земельной общины у государственных крестьян.

Начиная, примерно, с половины XVIII стол., правительство становится на путь весьма активного вмешательства в земельные отношения различных категорий государственных крестьян. Эти отношения подвергаются подробной законодательной регламентации, имеющей своей целью ограничить свободу земельных прав крестьянства и подчинить их землевладение фискальным интересам государства.

Указанная основная тенденция получила особенно яркое выражение у одного из деятелей начала второй половины XVIII стол. Сущность его воззрений сводилась к следующему. Право собственности на землю, которое у различных разрядов государственных крестьян выражалось в праве распоряжения принадлежащими им землями, подлежало уничтожению. Такая мера должна была предупредить обезземеление слабых крестьян и скопление наделов у зажиточной части крестьянства. Вслед затем должно было последовать земельное поравнение, подобно тому, „как и помещики своих крестьян по числу людей, кто что снести может, уравнивают“.

По мнению позднейших исследователей, это воззрение определило всю земельную политику конца XVIII стол. и первой половины XIX стол.

Мы уже знаем, как поступило государство с крестьянской земельной собственностью. Мерами генерального межевания и другими эта собственность была аннулирована и государство усвоило себе всю полноту распоряжения землями, населенными государственными крестьянами. Была произведена настоящая „национализация“ крестьянских земель. Не следует думать, чтобы эта своеобразная национализация была воспринята крестьянами совершенно пассивно. Но что могло сделать крестьянство? В большинстве случаев крестьянство ограничивалось ходатайствами об отмене стеснявших его земельных законов. Ходатайства эти, конечно, оставались неудовлетворенными. Более того—вмешательство государства с течением времени усиливается и углубляется. Правительство, уничтожив сначала право крестьянской земельной собственности, перешло затем к выполнению второй части своей аграрной программы—насаждению у государственных крестьян земельных переделов.

Было бы загромождением изложения, если бы мы стали приводить все те правительственные распоряжения, которые были направлены на эту цель. Соответствующие мероприятия с большой подробностью рассмотрены в трудах Семевского и Чернышева. К этим трудам мы и от-

сылаем интересующихся. Лишь для примера изложим, как насаждались земельные переделы у черносошных крестьян.

Законодательство по генеральному межеванию, как мы видели, не делало различия между черносошными крестьянами и другими категориями государственных крестьян — экономическими и однодворцами. Предписания производства земельных переделов в законодательстве по генеральному межеванию, правда, не содержалось; однако, им была создана предпосылка для этих переделов путем отвода земель всем крестьянам данного селения в одной окружной меже, с предписанием вместе с тем, чтобы всем служилым людям нарезались земельные наделы одинаковой величины.

Тотчас же после издания межевой инструкции 1766 года местная администрация начала издавать распоряжения о производстве земельных переделов. Действия местной администрации вполне согласовывались со стремлениями центральной власти. Особенно усиленно начали насаждаться земельные переделы на Севере, начиная с 1774 года, когда принудительное уравнительное землеустройство было возложено на казенные палаты и состоящие при них специальные органы—так наз. „экспедиции“ с директором экономии во главе.

Мотивом к поравнению земли было единственное желание правительства — уменьшить недоимочность и обеспечить исправное поступление сборов. Фискальный момент, лежащий в основе уравнительной политики—несомненен, хотя этот момент и прикрывался громкими фразами о необходимости установить среди крестьянства „справедливый“ имущественный строй. Как далеко заходили уравнительные стремления правительства, можно видеть из следующего факта. Директор экономии Архангельской губернии издал однажды приказ, которым предписал не только поравнять тяглые земли, но и переделить между крестьянами имущество и скот.

Мы видим, что государство—помещик действовало совершенно подобно тому, как действовал частный владелец. Более того, сами переделы, как средство обеспечить исправное отбывание крестьянских повинностей, едва ли не были заимствованы из практики частных владельцев.

Во всяком случае на частных землях они, повидимому, появились раньше, чем на землях государственных. Поравнение земли для государства давало тот же результат, что и для помещика. Оно приводило размеры землепользования в соответствие с платежными силами крестьянства.

Нивеллируя крестьянство и отражаясь на степени благосостояния отдельных его групп, уравнительная политика в то же время уменьшала количество „злостных“ неплательщиков и недоимщиков.

Нельзя сказать, чтобы передельная деятельность правительства протекала с большим успехом. Земельные законы крестьянами часто игнорировались, распоряжения о производстве поравнений не исполнялись. В некоторых местах переделы встречали открытое сопротивление со

стороны крестьян. Правда, в конце концов, правительству удалось достичь своего, но для большей части государственных крестьян это случилось только в первой половине XIX стол., а для некоторых их групп переделы удалось провести только в 60 г.г. этого столетия. Особенно туго происходило насаждение переделов у однодворцев. Эти последние в массе сохранили подворное (так наз. „четвертное“) владение землями до самой реформы 1861 года.

§ 11. Отношение крестьян к земельным переделам и расслоение деревни. Отношение крестьянства к производству переделов не было совершенно однообразным. Оно полностью отразило в себе то расслоение, которое было присуще русской деревне XVIII стол. и первой половине XIX века. В очень многих случаях за производство переделов стояла малоземельная беднота. Несоответствие числа ревизских душ и размеров землепользования ставило бедноту в очень тяжелое положение. Многодушные, но малоземельные крестьяне одного из северных уездов писали правительству: „У нас в волости у многих крестьян имеется по написанию по третьей ревизии сказкам душ по 8 и по 7 и по 6, а пашенной земли у них имеется самое малое число, а у которых имеется крестьян по 3 и по 2 и по 1 души, то у них пашенной земли имеют полное число, и от того многодушным разорение и скудность бывает“.

Наоборот многоземельные но малодушные крестьяне были решительно против переделов. Они не скупились на разные обидные эпитеты по адресу бедноты. Последняя представляется в их глазах ничем иным, как „тунеядцами и бездельниками, мотами и ленивцами“, которые желают распределить по душам землю, приобретенную чужим трудом и старанием. Аргументация многоземельников—чрезвычайно типична. Перераспределение земли, по мнению деревенской верхушки—хозяйственно нецелесообразно, так как поведет к дроблению земельных участков; далее, оно не соответствует интересам государства, так как повлечет за собой уменьшение казенных доходов, наконец, оно убьет в старательных и рачительных крестьянах стремление к хозяйственной самодеятельности и увеличению распашек и хозяйственных улучшений, которые всегда будут находиться под риском отобрания.

Описанное отношение к переделам со стороны различных слоев деревни соответствовало такому положению вещей, при котором земля окупала падающие на нее повинности. Наоборот в тех случаях, когда повинности превышали доход от земли, когда надел являлся не „кормителем“, а „разорителем“, многоземельные дворы сами просили о снятии с них излишней земли с целью уменьшения падающих на них платежей. Эта просьба однако встречала отказ со стороны малоземельников. Так, было, напр., в некоторых районах однодворческого землевладения.

Во всяком случае производство переделов влекло за собой ожесточенную внутридеревенскую, а иногда и междеревенскую борьбу. Так по свидетельству современников, однодворцы Курской губернии „иначе, как с дреколием на сходку не ходили“. Энергичное насаждение переделов удельным ведомством в Пензенской губернии привело к настоящим сра-

жениям между селениями, втянутыми в поравнение. Эти столкновения сопровождались десятками убитых и раненых.

Несмотря на кажущееся совпадение интересов государства и малоземельной бедноты, обнаруживающееся в борьбе за переделы, интересы эти об'ективно были совершенно противоположными. Беднота, придавленная крепостным строем государства и эксплоатацией деревенской верхушки, стремилась к тому, чтобы мало-мальски улучшить свое положение. Государство смотрело на всю крестьянскую массу, как на доходную статью, как на источник государственных средств. Обеспечивая уравнительное распределение земли между крестьянами и некоторое увеличение земельных наделов бедноты, государство стремилось исключительно к тому, чтобы осуществить свои фискальные интересы. Уравненное в своем землепользовании крестьянство оказывалось лучшим, более исправным плательщиком, и государство готово было поддержать бедноту против зажиточных, лишь бы достигнуть бесперебойного поступления податей.

§ 12. Положение государственных крестьян в 30-х г.г. XIX стол. Исключительный фискализм в отношении правительства к государственным крестьянам не замедлил сказаться на их материальном благосостоянии. Характеристики этого последнего мы уже касались в связи с вопросами переселения (см. гл. III). К сказанному должно прибавить следующее. Благодаря недостаточности собственных земельных наделов государственные крестьяне вынуждались прибегать к аренде. Арендовалась не только помещичья, но и казенная земля. При этом зачастую крестьянам приходилось брать в аренду казенную землю у спекулянтов по высокой цене. Производство земельных переделов только отчасти удовлетворяло целям уравнения земель внутри данной общины. Сельские общинные миры находились всецело под влиянием деревенской верхушки, которая, совместно с крестьянским начальством, усиленно эксплоатировала крестьянскую массу.

Во всяком случае, внутриселенные земельные переделы не устраняли неравномерностей в землепользовании крестьян различных селений, а в особенности — различных районов. Мероприятия по производству межселенного земельного поравнения осуществлялись чисто формальным порядком и не достигали сколько нибудь положительных результатов. В этом отношении характерна попытка распределения земель государственных крестьян Псковской губ. Земли были распределены между селениями по числу душ, но так небрежно, что у одних селений были отрезаны ближайшие к ним угодья и отданы другим селениям, расположенным от этих угодий на далекое расстояние.

Будучи источником государственных доходов, государственные крестьяне служили интересам фиска не только непосредственно, но и посредством усиленного их опаивания со стороны так наз. откупщиков, в руках которых находилась торговля водкой. В 30-х г.г. XIX стол. в селениях государственных крестьян приходился один кабак на 701 душу тогда как в помещичьих селениях—на 2.691 душу.

В некоторых отношениях правовое положение государственных крестьян было даже хуже, чем помещичьих. Первые еще больше, чем вторые, испытывали давление всякого рода начальства и должны были опасаться всякого человека в мундире и в фуражке с кокардою.

Немудрено, что „среди государственных крестьян свили себе прочное гнездо нищета и голод со всеми своими спутниками — болезнями, невежеством“ и т. п. Положение государственных крестьян, как казенных плательщиков, обращало на себя внимание современников, отнюдь не склонных к излишнему либерализму. Вот какими чертами изображает государственных крестьян Полтавской губернии в 20-х г.г. и 30-х г.г. XIX ст. один из таких современников, принадлежавший к высшим слоям дворянства: „Движимость, скот, овцы, инвентарь, одежда и рубища крестьян были продаваемы с публичного торга на базарах и ярмарках, сами же поселяне были подвергаемы жестоким телесным наказаниям. В течение этого несчастного времени бедность поселян достигла до такой степени, что на девять хозяев считалась одна пара волов, а земли оставалось не более $2^1/_2$ дес. (ок. 2,8 га) на душу; в продолжение этого времени возникло и постепенно увеличилось число поселян совершенно безземельных, которые составили впоследствии большую тягость обществу, обязанному за них уплатою податей. Поселяне здешнего края (т. е. Полтавской губернии), боролись с угнетавшими их обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбие и бескорыстие своих предков, но когда все вспомогательные средства их истощились, они вынуждены были крайностью с жен и дочерей своих, служившие им вместо ожерельев серебряные рубли и империалы снять и отдать оные в уплату податей и недоимок.. Если принять в соображение совершенный произвол в распределении податей, отсутствие всякого порядка во взыскании оных и полную безотчетность во взысканных суммах, тогда с ясностью откроется степень безобразного положения в это время с их важнейших установлений государственного хозяйства. С утвердительностью сказать можно, что в то время каждый поселянин находился в совершенной неизвестности, сколько он уплатил податей, и сколько за ним числится недоимки. Всякий учет по этому предмету терялся в хаосе безотчетности и беспорядка“.

Ухудшение благосостояния государственных крестьян вызвало падение поступлений с них в государственную казну. Простая невозможность получения с крестьян следуемых с них платежей и повинностей, несмотря на приводимые в цитированном отрывке суровые меры по их взысканию, вынуждали правительство прибегать к сложению недоимок. Однако, эта мера нисколько не повышала благосостояния крестьян.

Так, с 1826 г. по 1836 г. было сложено с государственных крестьян почти 67 мил. ассигн. руб. недоимок и, тем не менее, к 1836 г. за ними числилось более 63 мил. ассигн. руб. различных недоимок и сборов.

Помимо крайней неупорядоченности управления государственными крестьянами, недостаточности и неодинаковости земельного обеспечения и абсолютной тяжести сборов и платежей, на понижение благосостояния государственных крестьян сильнейшим образом влиял подушный характер

раскладки этих сборов и прежде всего—наиболее значительного из них—подушной подати. В самом деле, исчисление повинностей по числу душ представляет известное упрощение финансовой техники, но не стоит ни в какой мере с реальной платежеспособностью населения. Про подушное исчисление еще Посошков, крестьянин публицист нач. XVIII в., говорил, что „душа — вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены не имущая“...

Произведенное исследование по Петербургской и Воронежской губерниям обнаружило поразительную неравномерность в тяжести обложения. Правда, по губерниям колебания были, сравнительно, невелики и заключались между 11,9% (Петербургкая губ.) и 9,75% (Воронежская губ.) чистого дохода. Зато по уездам они доходили до 5% и 20%, а по отдельным селениям крестьяне уплачивали в виде оброчной подати от 5% до 300% чистого дохода с находящихся в их пользовании земель. Иными словами, если в одних случаях тяжесть обложения была, сравнительно, невелика, то в других—она в 3 раза превышала получаемый с земли чистый доход.

Впрочем, и по отдельным обследованным губерниям колебания были довольно значительны, если мы, помимо оброчной подати, примем во внимание и другие повинности крестьян — подушную подать, земские сборы и т. п. При этом условии, тяжесть обложения выразится для Петербургской губ. в $32^1/_2$%, а для Воронежской—в $18^1/_2$% чистого дохода с земли.

Разорение государственных крестьян гибельно отразилось на доходах государства. Таким образом, сам же фискальный интерес побуждал правительство отказаться от голого фискализма в своем отношении к государственным крестьянам и перейти к иным мерам воздействия на их общественный и хозяйственный строй. Эти меры, проникнутые началами полицейского „наблюдения“ и „попечения“, составили содержание реформы 30-х и 40-х г.г. XIX ст.

Положение государственных крестьян выдвигало следующие мероприятия:

а) Реформу управления ими;

б) Поземельное устройство и

в) Реформу обложения.

В такой последовательности и будут рассмотрены нами меры по изменению быта государственных крестьян.

§ 13. Изменения в управлении государственными крестьянами. Реформы 30-х и 40-х г.г. XIX века были типичными бюрократическими мероприятиями. Такими они были как по своему содержанию, так и по способу осуществления. Не имея ни возможности, ни желания опереться в своих начинаниях на самую крестьянскую массу, правительство вынуждено было прежде всего реформировать свой аппарат по управлению государственными крестьянами и затем уже, при помощи этого реформированного аппарата, проводить дальнейшие мероприятия.

В 1837 году было образовано министерство государственных имуществ, в ведение которого и поступили государственные крестьяне. Во главе нового министерства был поставлен гр. П. Д. Киселев, который являлся автором и вдохновителем реформы. На местах были образованы специальные учреждения: губернские (так наз. палаты государственных имуществ) и окружные. Округ либо совпадал с уездным делением, либо заключал в себе несколько уездов, в зависимости от количества проживающих в них государственных крестьян. Во главе округа стоял окружной начальник. Эта бюрократическая организация опиралась на крестьянское „самоуправление“ — волостное и сельское. В состав волости входили сельские общества, с таким расчетом, чтобы общее количество их жителей (из числа государственных крестьян, конечно) не превышало, по возможности, 6.000 душ и чтобы отдельные селения волости не отстояли далее 40 верст от волостного центра. Во главе волости стояли выборные,—волостное управление, волостной голова и волостной сход. Функции последнего были, крайне, ограничены. Они сводились, главным образом, к производству выборов волостного начальства. Волостной сход собирался всего раз в три года. Тем более широки были полномочия волостного головы; по закону ему принадлежала компетенция „по всем предметам сельского устройства и управления“.

Сельское общество заключало в себе до 1.500 душ и должно было состоять из селений, расположенных не далее 15 верст друг от друга. Крупные селения составляли отдельные сельские общества, независимо от количества душ в них (значит, и в тех случаях, когда они превышали указанную норму). Мелкие селения либо присоединялись к ближайшему крупному, либо об‘единялись в одну группу, составлявшую одно сельское общество.

Органами сельского управления были—сельский старшина и сельский сход. Различалось два вида сходов—обыкновенные, состоявшие из представителей домохозяев (по одному от каждых 5 дворов), и расширенные, составлявшиеся из всех домохозяев. Ведению последнего принадлежал передел общественных полей и угодий. В помощь сельскому старшине в селениях избирались сельские старосты.

К сказанному следует прибавить, что низшая полиция (так назыв. сотские и десятские), и суд по маловажным делам также входили в компетенцию выборных крестьянских органов.

Такова была организация управления государственными крестьянами, образованная в 30-х г.г. XIX века. На нее следует обратить внимание, так как она послужила образцом при проведении общественного устройства крестьян в эпоху реформы 60-х г.г. XIX века.

Из сказанного видно, что земельно-хозяйственные функции (передел земель) принадлежали только органам сельского управления. Они ведали как делами административными, так и земельно-хозяйственными. Что же касается волостного управления, то оно ведало только администрацией.

Если мы примем во внимание, что выборы сельского и волостного начальства всегда происходили под сильнейшим давлением чиновников,

и что выборное начальство принадлежало, как общее правило, к деревенской верхушке, ближе стоявшей к чиновничьей бюрократии, чем рядовое крестьянство, то мы легко поймем, в каких тисках должна была себя чувствовать крестьянская масса. По сравнению с тем положением, которое существовало раньше, реформа внесла некоторые внешние улучшения. Прежний произвол местных властей получил формальное ограничение, но все эти улучшения в значительной степени остались на бумаге.

Реформа управления государственными крестьянами 30-х г.г. XIX века была типичной бюрократически-помещичьей реформой. Достаточно указать, что только основное законодательство о крестьянах составило 4.000 статей! Эти 4.000 статей вместе с последовавшим за ним морем циркуляров, толкований, раз'яснений и т. п. цепкой паутиной опутали всю жизнь крестьянина, весь его быт, всю его хозяйственную деятельность. Как вести себя с начальством, как воспитывать детей, как молиться богу, как строить избу, как пахать и засевать поле,—все это было тщательно взвешено, расчислено и заключено в неподвижные бездушные рамки бюрократического закона и циркуляра. Нам трудно представить себе, до чего была регламентирована жизнь государственных крестьян.

Как следствие этой всепроникающей регламентации, явилось страшное развитие крючкотворства, бездушный формализм, мертвящий все живые и полезные начинания. Едва ли не наиболее яркой иллюстрацией сказанного являются знаменитые „картофельные бунты". Этими бунтами крестьянство в некоторых губерниях ответило на приказ начальства ввести культуру картофеля. В них крестьянство было неповинно; тем менее виноват был картофель. Виновато было само начальство, которое отнеслось к делу обыкновенным казенным образом, не раз'ясняло крестьянам пользы новой культуры, не показало на опыте всего того значения, которое она должна была иметь для крестьянского хозяйства. Впрочем пропаганда картофеля, хотя и с опозданием, но велась. Это была „пропаганда действием", розгами, и даже ружейными залпами. Так расправились с ослушниками, которые осмелились пойти против „благопопечительного начальства".

Полицейский формализм, который проникает, как основания реформы так, в особенности, ее бюрократическое осуществление, сильно умаляет некоторые положительные ее стороны, вроде увеличения числа школ, усиления мер по борьбе с нищенством, пожарной опасностью, бездорожьем и проч. Если число детей в школах и увеличилось, если местами чинили дороги и т. д., то все это делалось из-под тяжелой полицейской дубины, силком, в порядке повинности. „Достижения" выглядывали гладко только в оффициальных донесениях и в казенной статистике. В действительности же, они тяжело отзывались на крестьянской спине. В условиях полицейщины, которой была насыщена вся атмосфера крестьянского быта, не могло быть и речи о крестьянской самодеятельности. Все, что крестьянами делалось, делалось по приказу, под страхом штрафа, розог и т. п.

Отрицательные стороны полицейского „попечения“ о крестьянах особенно тяжело сказывались в какие либо критические моменты, напр., в годы неурожаев. Вся неспособность бюрократического аппарата справиться со стихийным бедствием, повести правильную борьбу с последствиями неурожаев, наладить продовольственное дело обнаруживалась при этом во всю.

За реформой зорко следили. Ее недостаткам радовались, и никто другой, как дворяне. Как только обнаруживались какие либо перебои, а их было множество, так тотчас же начиналась старая дворянская песенка, знакомая нам по истории экономических крестьян. Смысл этой песенки был прост. Чиновники де не в состоянии справиться с задачами управления крестьянами, крестьяне под их управлением бедствуют, а потому государственных крестьян надо раздать помещикам; помещики их облагодетельствуют.

Критики были, конечно, правы в отношении указания на неуменье и неспособность чиновников. Но, само собой разумеется, что не мерами закрепощения крестьян можно было достигнуть улучшения их положения. Мы видели, каково было благосостояние крестьян, живших под „благодетельной“ рукой помещика.

Певцы из крепостного лагеря не замечали, что об‘ективным ходом истории их собственная песенка приближалась к концу.

§ 14. Поземельное устройство государственных крестьян. По данным, имевшимся к моменту реформы, общее число государственных крестьян, нуждавшихся в земельном наделении, исчислялось в 325.000 человек. Это были безземельные, не имевшие полевого надела и бобыли, не имевшие никакой оседлости, даже усадебной. Количество крестьян, нуждавшихся в дополнительном наделении, было неизмеримо больше. Размер надела более 8 десятин на душу в описываемое время имелся только в 7 губерниях, в 4-х губ., он имелся по 7 дес. на душу из прочих губерний он только в 7 достигал 5 дес., во всех же остальных он был ниже[1]). К этому необходимо добавить отмечавшуюся в предшествующем изложении неравномерность землепользования отдельных обществ государственных крестьян. В одних обществах приходилось по $^1/_2$ десятины на душу (менее 0,5 га), в других — более 20 (22 га).

Недостаточность и неравномерность земельного обеспечения сопровождалась сильнейшей земельной неустроенностью. Земли государственных крестьян, не были отграничены от земельных владений казны, т. е. земель, состоящих в непосредственном распоряжении государства, а также не были разграничены между собой. У государственных крестьян, более, чем где либо, была распространена сложная многоселенная община, междуселенная и междуобщественная чересполосица, дальноземелье и другие недостатки. Предшествующими аграрными мероприятиями землепользование государственных крестьян было затронуто, как

---

[1]) Соотв. 8,8 га, 7,7 га, 5,5 га.

мы знаем, в малой степени. Ни генеральное, ни специальное межевание не внесли в это дело сколько нибудь значительных улучшений.

Задачи, которые ставились реформой 30-х г.г. XIX века, в отношении устранения земельного неустройства государственных крестьян были очень обширны и они, несомненно, принесли бы положительные результаты, если бы проводились с должной последовательностью и были доведены до конца. Задачи эти сводились к следующему:

1) Размежевание земель, предоставленных и предоставляемых крестьянам, с землями, остающимися во владении казны.

2) Наделение безземельных и малоземельных крестьян за счет казенных земель,

3) Переселение крестьян из малоземельных районов в районы с наличностью свободных земель,

4) Уравнительное распределение земель между многоземельными и малоземельными селениями.

5) Уничтожение чресполосности крестьянских земель между собой и с владениями казны, с образованием поселков и переселением на край полей.

6) Предоставление крестьянам лесных наделов и отдача им казенных земель в безоброчное пользование.

Переселенческих мероприятий мы уже касались выше (см. гл. II) и возвращаться к ним не будем. Что же касается остальных мер, то им нельзя отказать в несомненном количественном размахе. В особенности сказанное относится к межевым и с'емочным работам, которые в первые же годы осуществления реформы получили значительное развитие. Так в течение 6 лет до 1838 года с'емке было подвергнуто всего 736.363 дес. (ок. 800 тыс. га), в первые же 6 лет после 1838 года снято было более 12 мил. га, а к 1866 году, подвергнутое с'емке пространство превышало уже 58 мил. га.

О размерах с'емочных работ говорит то обстоятельство, что ими было занято более 1500 техников, цифра, которая едва ли не превышала число специалистов, занятых в то же самое время производством „государственного межевания", генерального и специального.

Говоря о с'емочных работах на землях государственных крестьян, нельзя не отметить следующего технического обстоятельства которое полезно в качестве опыта учесть и на будущее время: в противоположность государственным межеваниям, основанным на угломерной с'емке, при них широко практиковался мензульный способ с'емки, значительно более быстрый и дешевый в условиях производства этих работ и 2) на планах, составлявшихся на земли государственных крестьян (так наз. „планшеты"), наносился рельеф снимаемой местности, хотя самым несовершенным и примитивным путем. Применение мензульного метода в данном случае обуславливалось тем, что отграничительные действия не имели здесь того юридического значения, как при генеральном и специальном межевании. Границы крестьянских наделов не обладали достоинством границ госу-

дарственного межевания. Их установление не сопровождалось обычными процессуальными формальностями, а вместе с тем отпадало и требование угломерной с'емки, которая считалась лучшим способом гарантировать техническую прочность и возобновляемость границ. Само собой разумеется, что сказанное не исключает значительного технического интереса, представляемого постановкой с'емок при проведении поземельного устройства государственных крестьян.

При устранении малоземелья к поравнению существующих крестьянских наделов, отрезке земель от многоземельных обществ и присоединению их к обществам малоземельным прибегали сравнительно редко. Чаще малоземелье устранялось прирезками из свободных казенных земель. Всего было таким образом отведено крестьянам вновь, не считая земель переданных в порядке переселения, свыше 3 мил. гект, Кроме того в пользование крестьянам было передано более 2,2 мил. гект леса. Эти предоставленные земли крестьянам отнюдь не следует рассматривать, как жертву со стороны государства. Государственные земли предоставлялись государственным же крестьянам. В своих мероприятиях государство-хозяин руководствовалось простым расчетом. Земля все равно пустовала и передача ее в пользование крестьянам, не нанося ни малейшего ущерба интересам казны, расширяла площадь втянутых в сельско-хозяйственный оборот земель и повышала платежеспособность крестьян.

Размеры землепользования государственных крестьян заметно упали в течение первой половины XIX века, как это усматривается из следующей таблицы:

На 1 мужскую душу приходилось гектар:

РАЙОН	Пашни и сенокоса к пол. XVIII в.	Леса			Всего удобных	
		50-е г.г. XIX ст.	Конец XVIII в.	50-е г.г. XIX ст.	Конец XVIII в.	50-е г.г. XIX ст.
1. Северный	4,3	2,1	57,5	13,3	16,7	15,8
2. Сев.-Зап.	5,2	4,9	19,1	3,6	24,3	8,5
3. Московской-Промышленный	4,7	3,5	5,7	2,1	10,3	5,6
4. Центр. Земл.	8,6	5,7	2,8	0,4	11,4	6,1
5. Средн. Волжск. . . .	4,7	3,9	6.7	1,6	11,4	5,6
Всего по 19 губ. .	5,3	4,6	13,4	2,5	18,7	7,1

Описанными мерами в совокупности с переселенческими мероприятиями малоземелье государственных крестьян было ослаблено незначительно и после реформы осталось как малоземелье, так и резкое коле-

бание в размерах земельного обеспечения. Если в многоземельных губерниях, каковыми были губернии северные и крайний юго-восток Европейской России, Астраханская губерния, надел достигал до $15^1/_2$ дес. на душу, (ок. 17 га) то в других губерниях он ниспадал до $8^1/_2$ и даже 2 десятин (соотв.—8,6 и 2,2 га). Средний размер надела в Полтавской губ. равнялся всего 1,1 га на душу. Это была самая малоземельная губерния (приведенные данные относятся к 1866 году). Хотя реформа и ставила себе задачу довести землепользование крестьян до 8 десятин на душу (8,8 га) в губерниях малоземельных и до 15 дес. на душу (16,5 га) в губерниях многоземельных, но эта задача, как видим, не была осуществлена и в малой доле.

Еще менее результативны были собственно землеустроительные мероприятия. Крестьянские наделы были, правда, отграничены от владений казны на значительной площади, но зато недостатки собственно крестьянского землепользования,—многоселенная община, междуселенная чресполосица и т. п.—остались почти в полной неприкосновенности.

С'емочные работы служили не только целям поземельного устройства, но и целям рационализации обложения. Эта последняя цель составила содержание кадастра на землях государственных крестьян. К его рассмотрению мы и перейдем.

§ 15. Поземельный кадастр. Задачей кадастра было „переложение оброчной подати—с душ на землю", т.-е. замена подушного исчисления некоторыми об'ективными основаниями.

Непосредственное выполнение кадастровых операций возлагалось на особые кадастровые отряды, состоявшие из члена губернской кадастровой комиссии, руководившего производством оценок, топографов и агрономов. Последние привлекались в тех случаях, когда требовались специальные знания по сельскому хозяйству или почвоведению. Топографы выполняли измерительные и с'емочные работы. Любопытной особенностью описываемого кадастра являлось то обстоятельство, что в первые годы его производства выполнение измерительных работ частично возлагалось на сельских „мерщиков" из крестьян, действовавших, разумеется, под руководством топографа. Об'ясняется это, повидимому, стремлением возможно упростить и удешевить с'емочную часть кадастра, как более дорогую, на что было обращено внимание при самой разработке вопроса о кадастре [1]).

Этим же стремлением приходится об'яснить первоначально установленное ограничение в производстве самих с'емок, а именно: обязательной с'емке подлежали усадебные земли, далее—сплошь подлежали изме-

---

[1]) Еще в самом начале автор реформы писал: „Иностранные кадастры не могли служить основанием введения у нас поземельной подати как по совершенному различию земельного владения, так и по затруднительности механизации, которые требуют огромных издержек, простирающихся в Австрии до 54 коп. серебр., во Франции за одну только с'емку, не полагая в ее расчет расходов на классификацию и оценку, до 55 к. серебром с десятины.

рению земли, разделяемые по душам, а равно земли, хотя и переделяемые, но без учета качества почв. Что же касается земель переделявшихся по „паям“, с уравнением по качеству почв, то по таковым измерялся (обычно обходом цепью) типичный нормальный пай, площадь которого затем умножалась на число паев, чем определялась площадь всего угодья данного селения.

Впоследствии однако, пришлось отказаться как от такого упрощенного приема, так и от услуг большей части сельских мерщиков и перейти к обычным методам сплошной с'емки кадастрируемых земель.

Содержание кадастровых действий, помимо приведения в известность количества угодий, заключалось в определении доходности от земли и промыслов по каждому селению государственных крестьян. Кадастр носил, таким образом, поземельно-промысловой характер, что полностью соответствовало намерению, высказанному при учреждении министерства государственных имуществ: „Подати с государственных крестьян собираемые привести в соразмерность с выгодами, какие получаются ими от земли и промыслов“.

Одновременно с производством с'емочных действий собирались данные об урожайности на почвах разного качества, устанавливавшиеся как путем заимствования из опросов населения и других источников, так равно и путем непосредственного наблюдения, — при помощи пробных зажимов, далее собирались сведения о ценах на земледельческие продукты, местах сбыта, стоимости перевозок, характере и стоимости земледельческих работ, об удобрениях и т. п. На основании поименованных данных, а равно на основании почвенных исследований производилось разделение угодий на разряды. Пахотные земли разделялись по естественно-историческим признакам: сенокосы делились на поемные, степные и болотные, с подразделением каждого из этих видов на разряды по качествам почвы и трав, выгоны делились применительно к сенокосам.

Изложенное составляло предмет местных исследований. Их результаты представлялись в губернскую кадастровую комиссию, которая в свою очередь определяла следующее:

1) Число и стоимость рабочих дней по каждому виду культуры, а равно количество и стоимость удобрений по каждому виду почвы.

2) Средний урожай хлебов по каждому разряду почвы.

3) Цены на хлеб, солому и сено.

4) Валовой и чистый доход с пахотных, сенокосных и выгонных земель по каждому разряду почвы.

5) Часть валового дохода, следуемого на содержание ревизской души.

6) Доход от сбыта мелких произведений.

7) Валовой и чистый доход, получаемый крестьянами по каждому виду неземледельческих промыслов.

Чистый доход от земли выводился как разница между валовым доходом и посевным материалом, стоимостью удобрения и обработки земли.

Выводы губернских комиссий, представляющих собой ничто иное, как „оценочный тариф“, по утверждении их в центре, клались в основу

оценок по каждому селению и обществу; на основании этих оценок в дальнейшем производилась раскладка следуемых с крестьян сборов.

Сама раскладка оброчной подати производилась пропорционально чистому доходу от земли и промыслов.

Оценочные правила неоднократно изменялись и уточнялись, но было бы утомительно следить за этими изменениями.

Количественная сторона описанного кадастра представляется в следующем виде: окончательное переложение податей „с душ на землю“ было произведено в 19 губерниях на площади в 15,984,378 десятин, (ок. 17,3 мил. гект.) занятых государственными крестьянами, для 3,843,285 душ. В 6 губерниях кадастровые работы охватили площадь в 8.726.228 дес. (ок. 9,5 мил. гект.) с 1.749.440 душ, но самого переложения податей с душ на землю произведено не было. 11 губерний с 11.895.425 дес. (ок. 12,9 мил. гект.) и 2.328.515 душ не были вовсе охвачены кадастровыми работами.

Фискальные интересы, благодаря кадастру и сопутствующим ему мерам, получили несомненное удовлетворение: недоимка упала с 7,7% до 3,2% оклада. Это было тем более выгодно для казны, что ей кадастр не стоил ничего, так как расходы на производство кадастра, исчисляемые с начала 40-х г.г. до 1856 года в 1.300.000 рублей, должны были покрываться из добавочных налогов на мирские оброчные статьи по некоторым, более благополучным в смысле тяжести налогов, губерниям.

Однако равномерность обложения далеко не была достигнута при помощи кадастра. Так было обнаружено, что в оброчную подать отчислялось от чистого дохода: в Курской губернии 20%, в Харьковской—16%, в Екатеринославской, Тверской и Воронежской—9,5%, Новгородской—14%. Само собой разумеется, что, как и прежде, колебания по отдельным уездам, а в особенности селениям, были гораздо значительнее.

В числе главнейших причин такого несоответствия указывалось, между прочим: 1) отсутствие единства и согласованности работ в отдельных губерниях, 2) отсутствие единства в основаниях оценки, благодаря разновременности ее производства и 3) трудность оценки промыслов.

Частью в силу указанных обстоятельств, а главным образом—вследствие изменения правительственных взглядов в сторону еще большего усиления фискального момента, в 1859 году методика кадастровых работ была изменена.

Главные цели этих изменений заключались в том, чтобы: „1) упростить оценочные приемы установлением однообразных числовых норм для урожаев, цен на земледельческие продукты и вычета затрат, 2) избежать оценки промыслов и установления особого промыслового налога на крестьян, 3) вместо уравнения оброчных податей платежей по доходам от земли и промыслов ввести поземельную оценку с определением оброчной платы по каждому селению в соответствии с действительной стоимостью и доходностью угодий (в размере от $^1/_4$ до $^1/_3$ оценочного дохода), 4) производить оценку земель таким образом, чтобы она могла

послужить для определения капитальной ценности земель, 5) к переложению назначить одну лишь оброчную подать, все же остальные сборы производить по прежнемус порядку, т.-е. — по числу ревизских душ“ [1]).

В соответствии со сказанным, по правилам 1859 года были заранее установлены таблицы цен и нормальная классификация почв по урожайности.

Пашня делилась на 5 классов [2]) и каждый класс на 3 ступени. Наивысшая урожайность (1 класс первая ступень) устанавливалась в 64 четверика с десятины, (ок. 1,1 га) урожайность каждой последующей ступени принималась не 4 четверика меньше предшествующей. За валовой доход поля принимался валовой урожай ржи. Урожаи других хлебов приводились к урожаю ржи по известным, заранее установленным соотношениям. Исключением из валового дохода 25—40% на издержки по обработке определялся оценочный доход.

Сенокосы делились на 14 классов, сено на 4 сорта. Доходность от сенокосов исчислялась по количеству и качеству сена. За вычетом издержек в размере 10 — 20% сено переводилось на рожь по ценам, установленным для губернии или уезда.

Вместо оценки промыслов, устанавливалась повышенная оценка усадебных земель в селениях с промысловыми заработками.

Общий итог доходов переводился на деньги по средним ценам на рожь, исчисленным за 12 лет, за исключением 2-х самых высоких по цене годов.

Задачей кадастра по правилам 1859 года являлось по существу, определение поземельной ренты, как дохода казны, подлежащего взиманию, независимо от того, будет ли он выше или ниже прежних платежей.

На основании изложенных правил до 1866 года были окадастрированы земли государственных крестьян в 14 губерниях, бывших и ранее предметом кадастрации, однако взимание оброчной подати на новых основаниях было введено только в 9 губерниях.

§ 16. Оценка реформы. Реформа быта государственных крестьян в 30-х и последующих годах XIX столетия была последней крупной аграрной мерой крепостной эпохи. В противоположность генеральному и специальному межеваниям, которые были направлены, главным образом, на устройство дворянского землевладения, указанная реформа имела своим непосредственным об‘ектом — крестьянское землепользование. Правда, не все крестьянство подверглось действию реформы, а лишь та его часть, которая составляла сословие государственных крестьян. В этом последнем обстоятельстве заключался особый исторический смысл.

Дело в том, что все более и более углублявшиеся противоречия крепостного строя со все большей и большей настойчивостью ставили и перед правительством и перед представляемыми им классами вопрос о дальнейшем существовании крепостного права. В конце XVIII стол.

---

[1]) Проф. Львов — Финансовое право, стр. 134—135

[2]) Лучшие, хорошие, средние, посредственные и худые.

возник и в течение всей первой половины XIX в. не сходил с исторической арены—„крестьянский вопрос“. С самого начала XIX стол. тянется ряд специальных правительственных совещаний по крестьянскому вопросу. Эти совещания составлялись из представителей высшей военной и гражданской бюрократии и облекались в форму так наз. „секретных комитетов“.

Насчитывают до десяти таких комитетов в эпоху, предшествующую отмене крепостного права. Результаты работ секретных комитетов—ничтожны. Составляемые, в исчерпывающем большинстве случаев, из ярых крепостников, секретные комитеты не могли сколько-нибудь подвинуть крестьянский вопрос. Дело в комитетах ограничивалось ничего не значущими суждениями, сводившимися, главным образом к опасениям о возможных потрясениях, кои по мнению их членов неизбежно должны последовать в случае изменения крепостного состояния. Положительные мероприятия, выдвигавшиеся в комитетах, были обычно столь паллиативны, что не удовлетворяли и самих членов. Работа каждого комитета оканчивалась ничем. Учреждаемый вслед за этим следующий по порядку комитет начинал и кончал тем же.

Противоречия крепостного строя к 30 г.г. XIX века недостаточно еще обострились, чтобы дальнейшая оттяжка в решении крестьянского вопроса была об‘ективно невозможной. Узкий же консерватизм крепостников-помещиков мешал сколько-нибудь форсированному продвижению этого вопроса. Правительство послушно плелось в хвосте господствующего класса, и самым решительным образом боролось с малейшим проявлением освободительных идей.

То положение, в котором находились помещечьи крестьяне, оказывалось таким образом как бы заброниированным. Оно признавалось одним из устоев государственного и общественного быта, и всякая попытка поколебать его являлась государственным преступлением. Рассуждать о крепостном состоянии и строить проекты его изменения могли лишь представители высшей бюрократии, призывавшиеся к этому верховной властью, в качестве членов секретного комитета.

Революционное движение, охватившее в 30-х г.г. Западную Европу, еще более усилило внутреннюю реакцию в России и сделала еще более затруднительным проявление сколько нибудь свободного мнения в крестьянском вопросе.

Но если состояние крепостных крестьян и обсуждение мер его изменения вовсе были из‘яты из круга тех предметов, которыми дозволялось заниматься общественной мысли, то вопрос о государственных крестьянах находился в несколько ином положении. В этом вопросе дворянство не было заинтересовано столь непосредственно, как в вопросе крепостного права. Здесь можно было допустить и большую свободу суждений и большую решительность в мероприятиях. Правительство было бессильно сделать что-либо в отношении изменения крепостного строя, еслиб даже и захотело. Всякая его попытка в этом направлении неизбежно разбилась бы о „твердо-каменное“ сопротивление дворянства. В отношении государственных крестьян правительство чувствовало себя

значительно свободней. Здесь оно не было стеснено непосредственным дворянским влиянием, а так как и собственный интерес правительства, как представителя фиска, подсказывал необходимость реформы, то эта последняя и была осуществлена.

Как ни скромна была реформа сама по себе, она все же не избегла нападок со стороны наиболее ярых и черносотенно-настроенных крепостников из среды дворянства. Дворянству всюду чудился призрак опасности для существования их крепостнических прав, и в реформах Киселева они усматривали косвенное покушение на эти права. Дворянство опасалось, как бы предпринимаемые меры по устройству быта государственных крестьян не вызвала волнений среди крепостного крестьянства, как бы крепостные крестьяне не посчитали, что вслед за изменением в положении государственных крестьян должно произойти изменение и в их судьбе. Это опасение, как мы видим, дворянство испытало и в эпоху освобождения церковных крестьян, в эпоху секуляризации 1764 года.

Отсюда—нападка на реформу, утверждение о том, что начала реформы чужды монархическому строю, что управление государственных крестьян носит республиканский характер и тому подобные преувеличения. С другой стороны, как выше указывалось, дворянство злодарствовало по поводу всякой неудачи и затруднений, которые испытывала реформа.

Нечего и говорить, что опасения дворян не имели под собой никаких оснований, и что они были продиктованы ничем иным, как паническим страхом перед всяким новшеством, перед всяким изменением в существующем строе, как бы это изменение ни было скромно само по себе. Мы дали уже характеристику общего духа реформы, и уж, конечно, не от бюрократически полицейского мероприятия, каким была реформа, могло дворянство ждать опасности для своих прав и привиллегий. Это последнее положение было тем более правильным, что с течением времени потускнело даже и то полицейское „наблюдение“ и „попечение“ о крестьянах, которыми были проникнуты первые годы реформы. Как мы выше выяснили, отправными моментами мероприятий по устройству быта государственных крестьян были фискальные соображения. Эти соображения были завуалированы сложностью тех задач, которые ставились реформой. Вместе с тем, однако, фискальный момент все более и более торжествовал и в 50-х г.г. XIX в. с полной откровенностью выдвинулся на первый план. Эту победу фискализма мы наблюдали при изложении мероприятий по земельному кадастру, и если говорить о положительных результатах реформы, то в отношении интересов фиска они бесспорны. Об этом могут засвидетельствовать следующие цифры. За 19 лет перед учреждением министерства государственных имуществ с государственных крестьян должно было поступить подати 424 мил. руб. ассигнациями, а поступило в действительности—391 мил. Таким образом недоимка составляла 33 мил. руб., ассигнациями. В течение 19 лет после образования нового министерства должно было поступить 523 мил. руб., поступило же в действительности 506 мил. руб. с недоимкой в 17 мил. руб. Иными словами, недоимка сократилась по

абсолютным своим размерам почти вдвое. В процентном же отношении сокращение было еще больше; в течение 19 лет, предшествовавших реформе недоимка составляла 7,8% к окладу, в течение же 19 лет после начала реформы она равнялась менее 3,3% оклада.

Реформа может быть и подняла несколько платежеспособность государственных крестьян, но зато она же создала и более совершенные способы выкачки средств из них. Во всяком случае реформа не увеличила благосостояния массы государственных крестьян, и если она внесла некоторые, очень скромные улучшения в их правовое положение, то экономическое положение рядового крестьянства продолжало оставаться не менее тяжелым, чем и до реформы.

Недовольство, охватившее постепенно широкие массы крепостных крестьян пред реформой 1861 года, проникало и в среду крестьян государственных, которые должны были также испытывать на себе противоречия крепостного строя, как и крепостное крестьянство, хотя эти противоречия и принимали для них несколько иную форму.

Мы закончили наше изложение, касающееся землеустройства и переселенческих мероприятий в России в крепостную эпоху. Мы видели, что землеустройство указанной эпохи являлось следствием господствовавших в ней производственных отношений. Землеустройство стояло в прямой зависимости от этих последних. Будучи могучим средством воздействия на поземельный строй со стороны господствующего класса-дворянства и представляющего интересы этого класса правительства, землеустройство направляло свои усилия на обслуживание земельных интересов дворянства. Так было в мероприятиях по генеральному и специальному межеванию, которые были направлены непосредственно на устройство дворянского землевладения. Но также по существу было и в таких аграрных мерах, как секуляризация церковных земель, от которой выигрывало то же дворянство. Даже предпринимая меры по землеустройству государственных крестьян, правительство вообще говоря действовало, как коллективный дворянин, поскольку сама реформа преследовала интересы фиска, обслуживающего в конечном счете дворянское государство.

Мы поэтому вряд ли ошибемся, если изученную эпоху назовем эпохой дворянского землеустройства. Но оно было не только дворянским,—оно было крепостнически-дворянским, так как все время оставалось на почве неприкосновенности и где можно—усиления крепостных отношений. Между тем экономическое развитие ставило эти отношения в непримиримые противоречия с интересами производства и делало необходимой коренную радикальную реформу аграрного строя. Однако, вскрытие указанных противоречий и обзор обусловленных ими поземельно-устроительных мероприятий выходит за пределы настоящей работы.

Важнейшая литература к главе V-ой.

Кроме указанных общих курсов проф. М. Н. Покровского и Н. А. Роускова см. также:

1) Семевский. — Крестьяне в царствов. Екатерины II, том II.
2) Его-же. — Крестьянский вопрос в XVIII и первой полов. XIX в., т. II.
3) Верховский. — Насел. нерв. им. св. Синода, архирейских домов и проч.
4) Чернышов. — Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет.
5) Корнилов. — Курс русской истории Сб. „Великая реформа“ т. II.
6) Богословский. — Государственные крестьяне при Николае I.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 397

Цена 2 р. 25 к.

37765